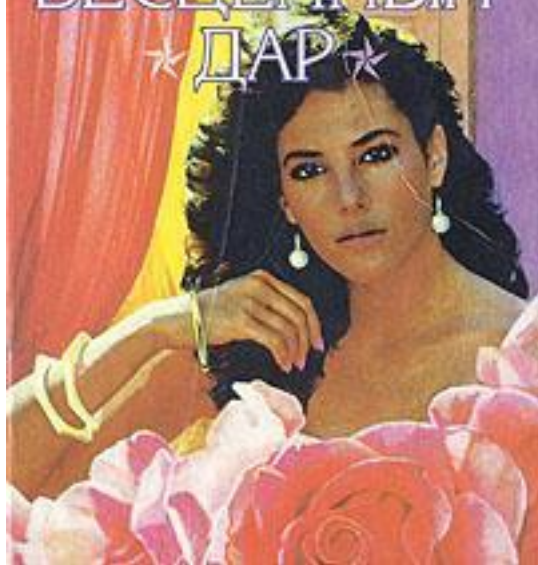

САНДРА
БРАУН

БЕСЦЕННЫЙ
★ ДАР ★

Сандра Браун

Бесценный дар

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=121300

Браун С. Бесценный дар: Вагриус; Москва; 1995

ISBN 5-7027-0149-6, 0-446-36073-2

Оригинал: SandraBrown, "A treasure worth seeking"

Аннотация

Несколько лет потратила Эрин О`Ши на поиски родного брата, которого никогда не видела. Стоя на пороге его дома, она не подозревает, как круто изменится ее жизнь. Станут явными далеко не безобидные семейные секреты. Лишь обретение бесценного дара счастья взаимной любви поможет Эрин преодолеть тяжелые испытания.

Книга выходила так же как «Дороже всех сокровищ».

Содержание

I	4
II	22
III	41
IV	59
V	77
VI	100
VII	128
VIII	149
IX	171
X	191
XI	210
XII	233

Сандра Браун

Бесценный дар

I

Нажимая кнопку звонка, Эрин О'Ши дрожала от нервного возбуждения, хотя намеревалась вести себя со спокойной уверенностью. В ответ из глубины донеслась мелодичная трель. Этот симпатичный дом она обнаружила в одном из кварталов Сан-Франциско, населенных средним классом.

Взглянув вдоль улицы на другие здания, Эрин отметила, что квартал очень ухоженный. В отличном состоянии газоны, дома выглядят аккуратно, отделаны со вкусом, без вычурностей. Дом, перед которым она стояла, был выкрашен в темно – серый цвет с оживлявшей его белой отделкой. Как и соседние дома, этот был типичный образец архитектурного стиля Сан-Франциско, с гаражом на уровне земли и высоким первым этажом. К парадной двери вели крутые бетонные ступени со старомодным гравированным стеклом.

Прислушиваясь, не приближаются ли шаги, она пыталась что-нибудь разглядеть через матовое стекло и угадать, что делается внутри, но ничего не увидела и не услышала.

А что, если там никого нет? Это ей в голову не приходило. Вообще-то с тех пор как она сошла с хьюстонского

рейса, она не думала ни о чем другом, кроме как поскорее отыскать этот дом. Пока она колесила по живописным улицам Сан-Франциско, ее мысль с настойчивостью работала в одном направлении. Сегодня – кульминация трехлетних поисков. Позади были заплесневелые архивные книги, бесконечные междугородние телефонные переговоры, захлопнутые двери и бесчисленные разочарования от неудач. И вот она стоит здесь.

Сегодня она впервые в жизни встретится с братом. Увидит своего единственного кровного родственника.

Сердце ее екнуло, когда внутри раздались шаги. Жена? Прислуга? Брат? Она судорожно сглотнула.

Дверь медленно открылась. Перед ней стоял мужчина.

– Мистер Кеннет Лайман? – спросила она.

Он но ответил. Оглядел ее с ног до головы. Этот быстрый осмотр занял, наверное, не больше доли секунды, но ей было ясно, что он не упустил ничего.

– Мистер Кеннет Лайман? – повторила она.

Он учтиво поклонился.

В один миг вся ее нервозность улетучилась, уступив место неизмеримой радости. Какой он красивый! Она с удивлением не обнаружила в его лице никакого сходства с собой. Она была брюнетка, он – блондин Раньше, когда она мысленно рисовала его себе, то всегда пыталась создать некий мужественный вариант собственного лица, но этот мужчина не имел с ним ничего общего.

Волосы были темно – песочного цвета, но едва по ним скользнул луч слабого февральского солнца, как они засияли золотом. Поверх взъерошенных прядей на макушке торчали очки в тонкой роговой оправе. Под широким лбом раскинулись густые брови, такие же золотые, как и волосы. Голубые глаза, внимательно изучающие ее, опущены короткими густыми ресницами, темными у основания и золотистыми к краям.

Тонкий и прямой нос, рот – твердый, широкий, почти что суровый. На сильном подбородке мужественная вертикальная бороздка, которая заставляла подозревать упрямый характер.

– Простите, что я вас разглядываю, – смущенно проговорила она, продолжая в то же время в упор изучать его. Наверное, ей никогда не надоест смотреть в это лицо, которое она так давно мечтала увидеть.

Он по-прежнему молчал. Глаза его метнулись ей за спину, как если бы он ожидал увидеть там кого-нибудь еще. Одним взглядом он охватил белый «мерседес», который она взяла напрокат в аэропорту, дом напротив и все окрестности и снова перевел глаза на нее. Его молчание в какой-то степени ее озадачило. Но, в конце концов, он ведь еще не знает, кто она такая.

– Долго же я к тебе шла, – начала она. – Можно мне зайти поговорить?

– А есть о чем?

При первых звуках его глубокого, низкого голоса сердце ее пронзила внезапная боль. Но под воздействием резковатого тона вспыхнувший было восторг сменился робостью. Он, наверное, думает, что она что-то продает.

– Я... видите ли, это очень личное.

Она не хотела называть себя стоя в дверях.

– О'кей. Вам лучше зайти.

Он посторонился, и она неуверенно шагнула внутрь. Прежде чем закрыть дверь и повернуться к ней, он еще раз осмотрел двор.

Только сейчас, оказавшись с ним совсем рядом, она поняла, какой он высокий. Она тоже считалась немалого роста, но он прямо-таки нависал над пей. А может быть, такое впечатление усиливалось его повелительным тоном. Да, от брата исходила сила и внушительность. Он не был особенно мускулистым, но в нем ощущалась какая-то пугающая сила.

Эрин взглянула на ослабленный узел его галстука и выше – на жилистую шею. Рукава, завернутые до локтей, открывали загорелые, сильные руки. Белый хлопок сорочки был внатяжку на широкой груди, переходящей в плоский живот, а под серыми брюками угадывались плотные поджарые ноги. Наверное, играет в баскетбол. Или в теннис? Нет сомнения, что занимается спортом, иначе ему вряд ли удалось бы сохранять такую форму. Она знала, что ему уже тридцать три.

Между тем он хранил молчание, от которого она совсем упала духом, и рассматривал ее не менее откровенно, чем

она его. Когда она сняла с плеча сумку и засунула ее под мышку, каждый мускул его тела напрягся, хотя он не сдвинулся с места. Он был похож на кота, приготовившегося к прыжку.

Да, он не собирается облегчить мне задачу, подумала Эрин. Может быть, и знать не желает, что произошло с его младшей сестренкой, с которой его разлучили тридцать лет назад. А может, и вообще не подозревает о ее существовании.

– Меня зовут Эрин О'Ши, – представилась она.

– Мисс О'Ши, – повторил он.

Его голубые глаза не отрывались от ее лица. Кончиком языка она облизнула пересохшие губы.

– Можно мне где-нибудь присесть? – спросила она.

Жестом он показал ей комнату с левой стороны от прихожей, и она направилась туда. В доме оказалось уютно. На всем лежала печать хорошего вкуса и чувства меры. Но почему-то ей пришло в голову, что все это не очень вяжется с характером ее брата, если верить первому впечатлению. Кажется, он должен бы предпочесть более строгий стиль – под стать своей неразговорчивой натуре.

Господи, что она делает? Она еще и нескольких минут с ним не провела, а уже пытается судить о чем-то. А все-таки дом и комната, где она расположилась на просторном диване, как-то не подходили этому человеку. По всей видимости, это вкус его жены.

– А Мелани дома? – спросила она вежливо. Ответ прозвучал медленно и осторожно:

– Нет. Вышла по делам.

Эрин улыбнулась и несколько расслабилась. Она обрадовалась, что они смогут какое-то время побыть вдвоем. Присутствие свидетелей при их знакомстве только внесет неловкость.

– Странно, я не думала застать тебя дома в середине рабочего дня. По моим представлениям, ты должен сейчас находиться в банке.

Она знала, что брат – банкир.

Сузившиеся глаза, которыми он неотрывно изучал ее, теперь метнулись к замшевой сумочке, которую она положила рядом с собой на диван. У него была способность дать человеку понять, что замечает каждую мелочь.

– Я сегодня рано вернулся, – только и ответил он.

– Кеннет... можно мне называть тебя Кеннет? – Он кивнул, и она продолжала:

– Кеннет, то, что я тебе сейчас скажу, тебя удивит. – Она нервно засмеялась. – Наверное, лучше сказать – шокирует. – Она посмотрела на свои руки, сжатые па коленях, и подняла голову, чтобы взглянуть ему прямо в глаза. – Ты знал, что тебя усыновили?

Голубые глаза снова сузились и изучали ее. Едва заметный наклон его раздвоенного подбородка обозначил утвердительный ответ.

Она набрала воздуха.

– Я искала тебя долгие годы, Кеннет. Я твоя сестра.

На его лице ничего не отразилось. Она вся напряглась и ждала хоть какой-то реакции. Она думала, что он ринется к ней, обнимет, станет смеяться, плакать, ругаться, будет в смятении – могла предположить все что угодно, но только не то, что он будет сидеть неподвижно, уставившись на нее, с суровым лицом, застывшим, как маска.

Наконец он потянулся к очкам, сидевшим у него на макушке, и, сняв их, стал крутить за дужку.

– Моя сестра?

– Да! – с энтузиазмом закивала она, и ее короткие темные локоны заплясали. – Я понимаю, что это звучит невероятно, но это прав – да! Рассказать тебе все, что я знаю?

– Пожалуйста.

Он по-прежнему не проявлял никаких признаков волнения от ее признания, но теперь по крайней мере как-то отреагировал. Больше всего ей хотелось развеять его подозрительность.

– Мы оба были взяты из маленького католического приюта в Лос-Анджелесе. Ты об этом знал?

– Как будто, – сказал он уклончиво.

– Ты старше меня на три года. Наша мать сдала нас в приют, когда мне было всего несколько месяцев. Меня удочерила пара по фамилии О'Ши. Вскоре после этого они переехали в Хьюстон, штат Техас. Там я и выросла. И только в стар-

ших классах школы меня стал мучить вопрос, кто я и откуда. Думаю, такое происходит со всеми подростками, но поскольку я была удочерена, то для меня было вдвойне важно то, что, так сказать, связано с моими корнями. Я уверена, что тебе это чувство знакомо.

– Да, – сказал он. Он сидел, откинувшись в кресле и сложив руки на груди. Поза вполне раскованная, но Эрин чувствовала, что его безразличие обманчиво. Казалось, брат никогда не позволяет себе расслабиться полностью.

– И только спустя годы я получила, наконец, финансовые и другие возможности начать серьезные поиски. Сейчас есть такие организации, которые помогают усыновленным детям найти своих настоящих родителей или родных братьев и сестер. Поверь, теперь я знаю все эти организации до единой. Нет такого камня, который я бы не перевернула. Почти четыре года назад...

Она запнулась, потому что раздался телефонный звонок. Звонил красный аппарат на письменном столе. Со стремительностью атакующей змеи он вскочил с кресла, метнулся к телефону, схватил трубку на середине второго звонка и ответил учтивым «да». Секунду слушал, не сводя глаз с изумленного лица Эрин.

– Да. Нет, все спокойно. Я буду здесь. – Он положил трубку на место и вернулся в кресло. – Продолжайте, – спокойно сказал он.

Его резкость и экономичность в движениях озадачили

Эрин. Разве когда вы подходите к телефону во время разговора с другим человеком, не полагается сначала извиниться? И почему он рванулся, а не просто подошел? Может быть, он ждет важного звонка?

– Ну, я... – Она запнулась. О чем она говорила?

Он с недоверием посмотрел на нее.

– Вы сказали: «Почти четыре года назад...»

– Ах, да, – нервно сказала она. – Почти четыре года назад я начала усиленные поиски наших настоящих родителей. Моя приемная мать поняла мое желание найти их и назвала тот приют в Лос-Анджелесе. Можешь себе представить, как я была подавлена, когда узнала, что вскоре после того, как нас взяли из приюта, там случился пожар и все записи сгорели. Я была отброшена на многие месяцы назад. В конце концов мне удалось разыскать одну нянечку, которая была в приюте, когда нас туда принесли. Вот тогда-то я и услышала впервые о твоём существовании. – К ее досаде, голос у нее задрожал, и она почувствовала, что глаза становятся мокрыми. – Можешь себе представить, как я была счастлива в тот день? У меня есть брат! Человек, с которым меня объединяет кровное родство. Я стала вглядываться в лица прохожих. Каждого мужчину твоего возраста я разглядывала, думая, уж не ты ли это. Не буду утомлять тебя всеми скучными подробностями, но я вышла на след твоих приемных родителей. Это оказалось относительно просто, поскольку они никуда не уезжали из Лос-Анджелеса. Мне жаль, что они умер-

ли. Они, кажется, погибли несколько лет назад?

– Да.

– Я потеряла отца, мистера О'Ши, когда училась в колледже. Надеюсь, тебе, как и мне, повезло с твоими новыми родителями. О'Ши любили меня как родную дочь. И я их люблю.

– Да, мои родители, точнее Лайманы, просто обожали меня.

– О, я так рада! В одном из агентств, о которых я тебе говорила, мне помогли найти тебя. Я теперь знаю о тебе почти все, но мне и этого мало. Я хочу знать о тебе все-все, всю твою жизнь.

Он смерил ее взглядом поверх очков, которые ненадежно висели на самом кончике носа. Затем снял их совсем и положил на столик рядом с креслом.

– Вот так история, – сказал он. – Но мы не слишком похожи. Кто бы мог подумать, что мы брат с сестрой?

Она рассмеялась, радуясь, что он, кажется, наконец включился в нормальный разговор. Жесткие линии вокруг рта смягчились. Надо быть к нему терпеливее. В конце концов, она столько всего на него обрушила в один день.

– Я то же самое подумала, когда ты открыл мне дверь. Никакого сходства.

Она замолчала и дала ему возможность разглядеть себя, понимая, что ему нужно это, как и ей, когда она увидела его в дверях. Его глаза, казалось, не упустили ни одной детали.

Он разглядывал пышные черные локоны, обрамлявшие ее голову и причесанные так, чтобы не падали на лицо. Черные гладкие брови изгибались дугой над глазами – глазами Натали Вуд, как окрестил их один ее ухажер в старших классах. Это были круглые, большие и черные как смоль глаза. Когда она жила в Нью-Йорке, то советовалась с визажистом, который научил ее именно тем небольшим штрихам карандаша и теней, которые так прекрасно их подчеркивали. В результате всякий мужчина, видевший ее впервые, просто замирал. Ее глаза лучше всяких слов выражали то, что Эрин чувствовала и думала.

Ей стало неловко, что собственный брат с таким интересом ее разглядывает. Особенно долго его взгляд задержался на ее губах – мягких, влажных и привыкших улыбаться.

Опускаясь взглядом с подбородка на шею, он отдал должное ее коже, исключительно светлой и нежной по сравнению с темными волосами и глазами, затем продолжил свой обзор ниже.

Эрин разгладила несуществующие складки на юбке белого шерстяного костюма, а он все продолжал ее исследовать. Внезапно изумрудно-зеленая шелковая блузка, которая была на ней под костюмом, стала ее душить, особенно когда он остановил взор на коралловой нитке, лежащей у нее на груди. Когда его взгляд пополз от колен вниз до самых туфель-лодочек из коричневой замши, она смущенно поставила ноги вместе.

Затем его взгляд вернулся на ее лицо. Он поднялся и подошел к ней.

– Не всякому мужчине выпадает удача иметь сестру, – невозмутимо сказал он, глядя на нее сверху вниз. – Узнать о существовании сестры в зрелом возрасте – само по себе уже явление удивительное. Но иметь такую красивую сестру – просто счастье.

Она просияла.

– Спасибо, Кеннет.

Он ею гордится! Возможно, со временем они с этим совсем незнакомым ей человеком узнают друг друга ближе, может быть, даже полюбят друг друга.

– Не хочешь чего-нибудь выпить?

Он протянул ей руку, и она охотно позволила ему поднять себя с диванных подушек. Она успела ощутить теплоту его руки.

– Да, спасибо. Самолет был битком набит, а перед этим я была слишком взволнована, чтобы куда-нибудь заскочить поесть. Надеюсь, это не чересчур беспардонно с моей стороны – явиться вот так. Наверное, нужно было сначала позвонить, но я подумала, что лучше уж сразу увидеться.

– Ты правильно сделала. Я рад, что ты сразу пришла.

Он вел ее в глубину дома – через главный холл, затем в гостиную и залитую солнцем кухню. Она посмотрела в окно. Дом Кеннета стоял на холме, но, к сожалению, вид из окна открывался не на бухту и мост «Золотые ворота» или

еще какую-нибудь достопримечательность этого легендарного города. Вместо того из окна виднелись многочисленные крыши домов, стоящих ниже по склону холма.

Кеннет предложил ей стул за небольшим круглым столиком в середине кухни.

– Чего ты хочешь? Коку? Пиво? Вино?

– Пожалуйста, коку, – сказала она. – Мне не терпится познакомиться с твоей женой. Она знает, что ты был усыновлен?

Он пропустил ее вопрос и, открыв банку, протянул руку в шкафчик за двумя стаканами. Раскладывая кубики льда, он сказал:

– Мелани вот-вот вернется.

– Давно вы женаты?

Он помолчал, протягивая ей стакан.

– Несколько лет, – ответил он быстро с очаровательной улыбкой, и Эрин впервые увидела два ряда безукоризненных, потрясающе белых зубов. Он и вправду становился очень красив, когда с лица исчезало угрюмое, недоверчивое выражение. – А ты, я вижу, замужем, – заметил он небрежно, усаживаясь на стул напротив нее.

Она проследила за его взглядом на большое бриллиантовое кольцо на левой руке.

– Нет, – пробормотала она. – Только помолвлена. – Ей почему-то не хотелось сразу выпаливать ему про Барта. У Барта была такая особенность – становиться сразу центром

разговора, а ей не хотелось, чтобы упоминание о нем нарушило эту особенную, редкую теплоту первой встречи с родным братом. – Расскажи мне о своей работе, – переменяла она тему.

– Что именно? – спросил он ровным голосом.

Эрин с тревогой заметила, что он опять уставился на нее сощуренными глазами, под взглядом которых она чувствовала себя лабораторным кроликом.

– Ну, чем ты занимаешься конкретно? Ты, я знаю, в банке работаешь.

– Да. – Он пожал плечами. – Так, всего понемножку.

– Ясно, – ответила она, хотя ничего не поняла.

– А ты? – спросил он. – Чем ты занимаешься?

– У меня свой бизнес в Хьюстоне.

Густые золотистые брови удивленно поднялись.

– Что за бизнес?

Поставив локти на стол, он оперся подбородком на кулаки. Его кисти и пальцы покрывала курчавая золотистая растительность. Пальцы длинные и тонкие, не толстые и короткие, как у Барта. Ногти тщательно ухожены, отметила она про себя.

Эрин подняла на него глаза. Сквозь его густые золотые ресницы едва просматривалась синяя радужка глаз. От его внешней привлекательности ей стало как-то не по себе. Как если бы то, что он хорош собой, мешало ей ближе узнать его. Почему-то их близость казалась опасной.

– Я... гмм... моя фирма занимается организацией показа моделей одежды, – ответила она.

– Никогда ни о чем подобном не слышал, – сказал он.
Она засмеялась.

– Как раз в этом и заключается наша уникальность! – воскликнула она и в шутку потрепала его по руке.

Продемонстрировав уже знакомую ей прыть, он схватил ее за руку и крепко сжал. Казалось, целую вечность они сидели и молча смотрели друг на друга. Когда он наконец заговорил, то голос его звучал низко и неровно:

– Ты только что говорила, что хотела бы узнать меня получше. Я тоже хочу поближе с тобой познакомиться. Может, прямо сейчас и начнем?

Она судорожно сглотнула. Ей хотелось вырвать свою руку. Но даже пытаться было бесполезно – у него пальцы как из стали. Она увидела в его зрачках свое отражение, и предательское выражение собственного лица испугало ее. Вся дрожая, она прошептала:

– Начнем что?

– Начнем лучше узнавать друг друга.

Не успела она глазом моргнуть, как он встал и обошел стол. Она вдохнула воздух и хотела что-то сказать, но он уже поднял ее на ноги и сжал обеими руками. Затем одной ухватил за черные кудри и откинул голову назад, глядя ей прямо в лицо.

– Что может быть лучшим способом узнать друг друга,

чем поцелуй взаимной родственной любви?

Однако лицо, которое приближалось к ней, выражало отнюдь не братскую любовь. Это была последняя отчетливая мысль Эрин перед тем, как она почувствовала, что он прижимается ртом к ее рту. Он так глубоко запустил пальцы ей в волосы, что слезы унижения смешались со слезами боли. Вторая его рука прочно обхватила ее спину, прижимая руки к туловищу, и притягивала к его твердому телу.

Она извивалась, но ее движения лишь усиливали его хватку. Она пыталась кричать горлом, но крики тонули во рту, который слился с ее ртом. Под его нажимом губы ее дрожали, и она ничего не могла сделать с его языком, настойчиво проникающим в глубину ее рта.

Никогда прежде ее так никто не целовал. Отвратительно! Смертный грех! Зная степень их родства, исследовать так глубины ее рта – это порочно, омерзительно.

Но до чего же приятно!

Она пыталась вернуть себе самообладание – не только в физическом плане, конечно. Ее ноги уже и так подвели ее, и, к своему стыду, она повисла на нем, чтобы удержать равновесие. Она изо всех сил пыталась вернуть себе волю.

Она сопротивлялась тем ощущениям, которые переливались у нее вдоль позвоночника и которые вызывали у нее дрожщую, таящую теплоту в глубине живота, которую она пыталась не замечать. Глаза, было широко распахнувшиеся от удивления и негодования, теперь сами собой закрылись,

отказываясь повиноваться командам, поступающим от мозга, повелевающего им оставаться открытыми и облить презрением этого гнусного типа.

От полного падения Эрин спасло звяканье ключа, вставляемого в замок с черного хода. Она возобновила борьбу и наконец сумела отстраниться от него, и в тот же момент он поднял голову и ослабил руки. Он повернулся к двери, продолжая, впрочем, крепко держать Эрин за плечо.

В дверях стояла изящная молодая блондинка. Она по-детски улыбалась, несмотря на то, что глаза были подернуты печалью и полны глубокой тревоги.

Посередине комнаты стояла пара, застывшая в позе карикатурного объятия. На бледном лице женщины было мрачное и виноватое, опустошенное выражение.

Лицо мужчины оставалось твердым и невозмутимо спокойным. К нему и обратила блондинка свой насмешливый взгляд.

– Здравствуйте, миссис Лайман.

– Мистер Баррет, – ответила она смущенно, – что...

– Миссис Лайман, вы знаете эту женщину? – перебил он. –

Вы когда-нибудь раньше ее видели?

Молодая женщина, которую называл «миссис Лайман» тот, кто по всем соображениям был ее мужем, посмотрела на Эрин и покачала головой.

– Нет, мистер Баррет, я никогда ее прежде не видела.

Баррет! Баррет!

Эрин подняла недоверчивые глаза на человека, который продолжал мертвой хваткой держать ее руку. Ее взгляд встретил холодные и безжалостные синие глаза.

– Кто вы такой! – вскричала она.

II

– То же самое я хотел бы спросить у вас, леди, – прорычал он, с силой выволакивая ее из кухни. Через плечо он бросил ошеломленной Мелани Лайман:

– Миссис Лайман, покричите, пожалуйста, через улицу и попросите Майка прийти сюда посидеть на телефоне. Вели-те ему навести справки об автомобиле, который стоит перед домом. Я буду в кабинете, но лучше, чтобы меня не беспокоили, если только не что-нибудь срочное. И пожалуйста, не выходите на улицу без сопровождения кого-нибудь из ребят.

– Хорошо, не буду, – услышала Эрин ее кроткий голос. Видно по всему, она привыкла повиноваться командам этого грубияна, чего нельзя было сказать о ней, Эрин О'Ши. Как только у нее появится возможность, она задаст ему такого жару, что он пожалеет.

Он провел ее в небольшую комнату и закрыл за собой дверь, как следует заперев ее на задвижку. Она повернулась, чтобы посмотреть ему в лицо и приготовившись к бою. К ее ужасу, он вдруг грубо стянул с нее жакет и швырнул его через всю комнату на кожаный диван. Она была слишком поражена, чтобы возразить, когда он не менее бесцеремонно вытащил ее блузку из-за пояса юбки. Толкнув к ближайшей стене, он повернул ее к себе спиной и поднял ей руки за голову.

Она задыхалась от унижения и отвращения, а он ощупывал ее сверху донизу. Его руки безжалостно скользили по ее ребрам, грудям и между ними, затем вниз к талии. Они залезли под пояс юбки и обследовали ее живот и бедра. После этого он резко развернул ее лицом к себе.

Она не помнила, чтобы когда-либо в жизни была так разъярена, как в тот момент. Кровь у нее в жилах закипела, в голове застучал пульс.

Взор затуманился от нахлынувшей ярости, так что ей даже пришлось моргнуть, чтобы восстановить четкость зрения.

– Разве вы не собираетесь раздеть меня догола для обыска? – оскалилась она.

– Только если сочту нужным. Пока что нет. Но не ищите судьбу.

Его самоуверенный ответ привел ее в еще большее бешенство, и она попыталась оттолкнуть его от себя на более приличное расстояние. К ее удивлению, он поддался и отступил на шаг.

– Кто вы, черт возьми, такой, чтобы так со мной обращаться? Я требую от вас немедленного объяснения!

Она знала, что на этого громилу ее слова произведут мало впечатления. Они ей самой показались банальными, как в мелодраме, и ребяческими, но в голове все смешалось, и она потеряла всякую способность к красноречию.

– Потихе, леди. Я представлюсь вам, и тогда мы поумерим пыл и выясним, наконец, кто вы такая, – это гораздо

важнее.

Он вынул из заднего кармана бумажник и, раскрыв, поднес к ее глазам, чтобы она могла прочесть: «Лоренс Джеймс Баррет, Министерство финансов США».

Она перевела глаза с государственной печати на его лицо и увидела, что он продолжает сверлить ее взглядом. Она почти ощущала, как тает под его твердым взглядом, как ее покидают все силы и весь ее гнев.

Господи! Во что она влипла?

– Приятно познакомиться с вами, мисс О’Ши, – сказал он с сарказмом. Не выпуская ее руки, он подтолкнул ее к кожаному дивану. – Садитесь и не двигайтесь.

Эрин была слишком ошеломлена и озадачена, чтобы сопротивляться, поэтому инстинктивно повиновалась и опустилась на диван. Мистер Баррет поднял ее жакет и обыскал карманы. Ничего не обнаружив, уронил его обратно на диван. Эрин машинально сложила жакет и положила рядом с собой. Ей не хотелось надевать его или заправлять блузку в юбку. Ее охватил странный жар, вся кожа горела.

Он подошел к двери, распахнул ее и прокричал:

– Майк!

– Да, Ланс.

– Пожалуйста, принеси мне ту сумочку с дивана в гостиной.

– Запросто, – ответил голос.

– И посмотри, не попадутся ли где мои очки.

– Они на столике возле кресла, где вы сидели, – машинально отозвалась Эрин.

Он с удивлением повернулся в ее сторону. Эх, надо было ей прикусить язык! Теперь он знает, что она наблюдала за ним и его машинальными движениями.

– Посмотри там на маленьком столике, – прокричал он в дверь.

Дождаясь, пока его подчиненный исполнит его просьбу, Ланс Баррет продолжал изучать Эрин. Она неуютно поерзала под его взглядом и вновь почувствовала себя подопытным кроликом, за которым требуется неослабное наблюдение. Она прилагала усилия, чтобы смело встретить его взгляд, и понимала, что проигрывает самым жалким образом. Никогда еще в жизни поворот событий так не поражал и волновал ее. Как сказала бы ее мать, она пребывала в изумлении.

Майк был моложе своего шефа, пониже ростом, черноволосый. Лицо невыразительное – как раз для такой работы, подумалось Эрин. Его невозможно запомнить. В толпе он останется совершенно неприметным.

Взяв у него из рук очки и ее сумочку, мистер Баррет спросил:

– Что машина?

Майк посмотрел на Эрин, но лицо его по-прежнему ничего не выражало. Еще одна профессиональная черта, подумала Эрин.

– Все чисто, Ланс. Сегодня днем она была взята напрокат в международном аэропорту Сан-Франциско.

– О'кей, спасибо. – Майк собрался идти, но мистер Баррет остановил его:

– Принеси мне все, что есть в этой машине: сумки, чемоданы, все, что тебе покажется важным. Она все еще незаперта?

Майк кивнул и вышел, закрыв за собой дверь.

Повернувшись к ней лицом, мистер Баррет опять смерил ее своим долгим, беспощадным взглядом. Надев очки, он сказал:

– Хорошо, мисс О'Ши, начнем наш разговор.

Подойдя к ломберному столику, он бесцеремонно вывалил на его зеленую бархатную поверхность содержимое ее сумочки.

– Я не собираюсь вам ничего говорить, пока вы не объясните мне, что все это значит. По какому праву вы оскорбляете и допрашиваете меня? Что случилось? И, мистер Баррет, я намерена жаловаться вашему начальству на ваше грубое и неоправданно жестокое обращение.

Он поднял золотистую бровь и, казалось, наслаждался ее бравадой.

– Валяйте. Жалуйтесь. Нас каждый день обвиняют в куда больших злодеяниях. Это мой вам ответ. В любом случае, леди, вы не совсем в том положении, чтобы выдвигать ультиматумы. Не выводите меня из себя, не то пожалеете. –

Он вызывающе осмотрел ее, и она вспыхнула при воспоминании о его поцелуе. Зачем он это сделал? – Советую вам отвечать, – предупредил он тихим, зловещим голосом.

Ну, хорошо, господин агент, я немного поиграю в вашу игру, а позже вы пожалеете о том, что так меня унижали.

– Что вас интересует? – спросила она язвительно.

– Ваше имя?

– Я вам уже говорила.

– Скажите еще раз.

Она вздохнула.

– Эрин О'Ши.

– Адрес?

– Техас, Хьюстон, Медоубрук-Роуд, 4435.

– Так написано в ваших водительских правах. Очень хорошо, – сказал он. Все время, пока она говорила, он рылся в содержимом ее сумочки. Он изучил ее водительские права, пролистнул пачку денег в бумажнике, просмотрел ее чековую книжку и корешки оплаченных счетов. – Продолжайте, – сказал он.

– Что?

– Зачем вы здесь?

– Об этом я вам уже тоже рассказывала, – сказала она резко. Ее терпение было на исходе. Игра в бандитов и полицейских быстро начинала ей надоедать.

Он бросил на нее взгляд исподлобья и сказал:

– Расскажите еще раз.

Его холодный металлический голос не допускал возражений.

– В младенчестве меня удочерили. В течение нескольких лет я искала моих настоящих родителей и брата, о существовании которого узнала. Нас разлучили, когда взяли в разные семьи. По – видимому, в те времена эти агентства не придавали этому большого значения.

Расстегнув ее прозрачную косметичку, он обследовал каждую палочку губной помады, каждую коробочку компактной пудры и каждый самый маленький футлярчик. Он одобрительно вдохнул духи «Сен-Лоран» из маленького дорожного резного флакона. Открыв пузырек с лекарствами, он вынул маленькую белую таблетку.

– Это аспирин, – сказала она в свое оправдание.

Он кивнул и закрыл пузырек.

– Я вас ни в чем и не обвинял, – сказал он. – Продолжайте.

– Я узнала, что моего брата зовут Кеннет Лайман. Сегодня я прилетела из Хьюстона, чтобы познакомиться с ним. Вот и все. Остальное вам известно. Пожалуйста, объясните мне, что здесь происходит.

Застегнув косметичку, он бросил ее на стол. Подняв очки, он закинул ногу на угол столика и сложил руки на груди. Глядя на нее в упор, он произнес:

– Десять дней назад Кеннет Лайман похитил семьсот пятьдесят тысяч долларов из банка «Йерба Буэна Националь». С тех пор о нем никто не слышал.

Ровные и отчетливые слова, как пушечное ядро, ударили Эрин прямо в грудь. Эффект был колоссальный. Несколько мгновений она даже не могла вздохнуть, а потом стала судорожно хватать ртом воздух.

Не успела она ответить на эту сокрушительную новость, как дверь открылась и вошел Майк, неся два чемодана и ее кожаный плащ. Он поставил чемоданы на пол, а плащ повесил на спинку стула. Затем он так же скромно удалился.

– Давайте попробуем еще раз, мисс О'Ши, если, конечно, это ваше настоящее имя, сказал мистер Баррет. – Как давно вы знаете Лаймана?

Эрин обратила на него широко раскрытые, недоуменные глаза.

– Я... я никогда с ним не встречалась, – выдохнула она. – Я уже говорила вам...

– Я знаю, что вы мне говорили, мисс О'Ши. Но согласитесь, это слишком надуманная история. Давайте-ка будем говорить правду. Вы соучастница Лаймана?

– Что?! – Она вскочила на ноги. – Да вы с ума сошли!

– Сядьте, – прорычал он с угрозой.

При виде его страшного, угрожающего лица она попятилась, пока не уперлась в диван и не повалилась на него.

– Я никогда не встречалась со своим братом, – медленно произнесла она.

Встав па колени перед ее чемоданом, он расстегнул замок. Перед ним рассыпались кружевное белье и ночные сорочки,

которые он стал перебирать. Поднимая по очереди каждую вещь, он тщательно ее осматривал. Его внимание привлекла одна синяя сорочка с кружевным лифом. Он медленно растянул ее в руках. Подняв на Эрин глаза, заметил:

– Очень симпатичная вещица.

Эрин жарко вспыхнула от смущения и гнева.

– Я жду, – сказал он, продолжая рассматривать ее вещи.

– Чего? Признания? – сказала она нарочито сладким голосом.

Не успели эти слова вылететь у нее, как он уже стоял над ней.

– Черт побери, мне начинают надоедать ваши уклончивые, правдоподобные ответы. Мне нужна вся правда, и прямо сейчас. Вы меня поняли?

Положив обе руки ей на бедра, он как бы заключил ее в плен. Она ощущала на лице его горячее, настойчивое дыхание. Его невероятно голубые глаза излучали молнии гнева.

– Да, – выдавила она сквозь зубы.

Он медленно поднялся и отстранился от нее. Было похоже, он недоволен, что позволил себе эту маленькую вспышку. Казалось, ему потребовались некоторые усилия, чтобы вновь превратиться в хладнокровного и безликого агента.

– Каким бизнесом вы занимаетесь?

– Я уже говорила... – Она сразу замолчала, увидев его злобный взгляд. Проглотив свой праведный гнев, она ответила:

– Моя компания называется «Спотлайт». Мы организуем презентации моделей для магазинов, организации, частных лиц – всех, кому требуются наши услуги. Мы делаем все – от найма манекенщиц и отбора популярных фасонов до заказа цветов и прохладительных напитков.

– Извините меня, мисс О'Ши, но ни одна из обыкновенных работающих девушек не позволяет себе нанимать «мерседес», носить в кошельке пятьсот шестьдесят долларов и одеваться в костюмы от Оскара де ла Рента.

Как он умудрился пересчитать банкноты, которые только небрежно перелистал? Откуда он знает, что за ярлык на подкладке ее костюма? Она бросила взгляд на жакет, лежащий рядом с пей на диване, и увидела, что ярлык торчит напоказ для всякого, тут не надо орлиного взора и хитрости лисы.

Наблюдая за произведенным эффектом, он сказал:

– Я, может быть, и грубый агент, но я кое-что слышал о фирме Оскара де ла Рента и знаю, что этот костюм обошелся в сумму, которую я получаю за неделю. Откуда у вас такие деньги, мисс О'Ши?

– Я их зарабатываю! – закричала она. – Я не «обыкновенная работающая девушка», мистер Баррет. У меня собственная фирма и двадцать талантливых работников. Наши дела идут исключительно успешно!

– Поздравляю, – ухмыльнулся он. – А откуда у вас начальный капитал?

– Это капитал моего мужа.

Ее ответ, похоже, застал его врасплох, и глаза вновь угрожающе сузились.

– Раньше вы говорили мне, что вы не замужем.

– Я не замужем, – сказала она. Увидев, что он снова делает шаг к ней, она вытянула вперед обе руки. – Я вдова.

Его реакция на это заявление оказалась совсем неожиданной. Запрокинув голову, он зашелся от смеха.

– О, Господи! Еще одно приключение, не так ли? Я стогаю от нетерпения услышать и эту историю. – И отвесил ей насмешливый поклон.

– Сразу после окончания колледжа я поехала в Нью-Йорк. Там два года работала манекенщицей. Шикарной модели из меня в общем-то не получилось, поэтому я пошла в одну фирму, производящую одежду.

По его скептическому виду она поняла, что не все понятно.

– Видите ли, у каждой фирмы, у каждого дома моделей есть манекенщица, по которой они выверяют размеры. У меня идеальный восьмой размер. Все лекала они проверяли на мне – до тех пор, пока у меня сохранялись такие мерки.

Она нервно облизнула губы, поскольку он изучал ее фигуру, решая для себя, действительно ли у нее идеально пропорциональная фигура.

– Это... это была хорошая работа, потому что, когда я не была нужна модельерам или швеям, я постигала секреты бизнеса – дизайн, цвет, ткань, аксессуары, даже отгрузку и

накладные.

– Я считал, что все модели высокие, тощие и плоские. А вы, мисс О'Ши, – он коварно улыбнулся, – вы высокая, стройная, но уж никак не плоская.

К щекам Эрин прихлынула кровь:

– Я уже сказала вам, что из меня не вышла шикарная модель.

После долгого и неловкого молчания он спросил:

– А что же произошло с этой сказочной работой?

– Я вышла замуж.

– Ах, да, про мужа-то я совсем забыл.

Прикусив язык, ибо у нее с губ рвался гневный ответ, Эрин как можно спокойнее ответила:

– Я стала женой владельца фирмы. Мы были женаты всего несколько месяцев, когда врачи вынесли ему приговор: неизлечимая стадия рака. Он умер. Мне остались от него кое-какие деньги. Я вернулась в Хьюстон и открыла «Спотлайт».

– Он был старше вас?

– Намного.

– И теперь вы прожигаете это наследство и нанимаете на его деньги «мерседесы»?

– Нет, мистер Баррет, вы ошибаетесь, – возразила она с жаром. – У него двое взрослых детей от первого брака. Большая часть его собственности отошла к ним. Я попросила его оставить мне только немного денег, чтобы я могла открыть свое дело.

– Как благородно с вашей стороны.

Теперь он занимался содержимым ее меньшего чемодана. Все, что он рассматривал, было чисто женским, и ей было противно его копание в ее интимных вещах. От этого отвратительного мужлана у нее не будет никаких секретов.

Взяв в руку пачку таблеток, он вопросительно повел бровью.

– Противозачаточные пилюли?

От его наглости она вскипела.

– Нет. Антибиотик. На прошлой неделе у меня болело горло.

– Лекарства в аптеках обычно упаковывают иначе.

– Мне дал его врач в своем кабинете. Избавил меня от необходимости идти в аптеку.

Ответ, казалось, его удовлетворил. Нюхая кусок туалетного мыла, он сказал:

– Вы, должно быть, считаете меня тупицей, мисс О'Ши. Вы носите свою девичью фамилию? – Она кивнула. – Почему? Вам стыдно, что вы вышли замуж за больного старика, а когда он дал дуба, хапнули его денежки?

Кровь разом отхлынула и вновь прилила к голове жаркой волной. Вскочив с дивана, она подлетела к нему и замахнулась, чтобы отвесить заслуженную пощечину. Он перехватил ее руку и больно заломил за спину.

Беззащитную и лишенную возможности двигаться, он притянул ее к себе.

– На вашем месте я бы больше не делал таких попыток, – значительным тоном пригрозил он. – А сейчас скажите, почему вы не носите фамилию мужа? Если она у вас, конечно, была.

– По мужу моя фамилия Грин. Моего мужа звали Джозеф Грин. Это имя и сейчас хорошо известно в легкой промышленности. Я не ношу эту фамилию, потому что лицемерные и беспринципные негодяи вроде вас будут думать, что мой бизнес процветает не вследствие упорного труда, а лишь благодаря его имени и деньгам.

Он еще крепче обхватил ее, так сильно заломив руку, что у нее перехватило дыхание от боли. Она в упор посмотрела в его холодные голубые глаза.

То, как он укротил ее гнев, приводило ее в замешательство. Боль в руке была ничто по сравнению с мучительным ощущением, что он прижался к ней всем телом. Грудь, которой он совершенно придавил ее, была как кирпичная стена. Крепкие бедра потерлись о ее ноги, пока не нашли удобного для себя положения.

Холодное голубое сияние его глаз, которые минуту назад яростно сверкали, теперь обещало нечто куда более опасное. Каждая черточка ее лица попала вдруг в поле этой синевы, и ей казалось, что это языки пламени лижут ее глаза, виски, щеки и губы.

Ощущая где-то в глубине себя щемящее чувство удовольствия, но не желая смириться с ним, Эрин опустила глаза.

И сейчас же плохо сдерживаемое напряжение в прижатом к ней теле ослабло, он отпустил ее.

Она отвернулась, успокоилась и, поскольку ничего другого не оставалось, снова села на свое место на кожаном диване.

– А кто ваш жених? – спросил он, указывая, на огромное бриллиантовое кольцо у нее на руке.

Как будто звук его голоса переменился? Стал не такой самоуверенный? И чуточку дрогнул?

– Моего жениха зовут Барт Стэнтон. Он бизнесмен из Хьюстона.

Он опять сардонически загоготал.

– Барт Стэнтон! Барт, Господи ты Боже мой, – повторил он со смехом. – Он, наверное, ездит на «эльдорадо»?

– Я больше не намерена выслушивать ваши оскорбления, мистер Баррет.

– Вы будете выслушивать все, что мне будет угодно! – взорвался он, и веселость с него как рукой сняло. – Я ни на минуту не поверил, что вы та, за кого себя выдаете. Думаю, что вы связная для Лаймана или что-то в этом роде. Сегодня вы объявились в расчете встретиться с ним, а взамен получили меня. Вы сочинили эту длинную историю в надежде, что я окажусь лопухом и попадусь на удочку. Давайте-ка попробуем еще раз, леди.

– Перестаньте называть меня «леди». Вам известно мое имя.

– По крайней мере то, какое вы назвали, мисс О'Ши. Или, может, мадемуазель? Впрочем, неважно, – сказал он, увидев ее протестующий жест. – Я вот думаю, О'Ши ведь ирландское имя. А вы говорите, вас удочерили из католического приюта. Может быть, семьсот пятьдесят тысяч долларов предназначались на закупку и отправку оружия в Северную Ирландию? А может быть, вы приехали сюда с партией наркотиков? Пока я этого не знаю, но узнаю.

– Вы с ума сошли, – хрипло прошептала она. – От вас требуется только установить мою личность. Позвоните мне в офис. Позвоните Барту Стэнтону.

– А выговор у вас не техасский.

– Я пять лет жила в Нью-Йорке. Потеряла акцент.

– Если то, что вы говорите, правда, то кто может подтвердить, что вы долгое время занимались поисками потерянного брата?

– Люди, с которыми я работаю. Барт. Моя мать, миссис Мерль О'Ши. Она живет в Шривпорте, штат Луизиана.

Он делал пометки в блокноте, который вынул из кармана рубашки. Записав, он помолчал.

– Вы говорили, что она живет в Хьюстоне.

– Когда умер мой отец, Джеральд О'Ши, она переехала к сестре в Луизиану.

– Как зовут сестру? – быстро спросил он. Эрин ответила. – Телефон?

Она дала ему телефон своей тетки и адрес.

Теребя обложку, он просматривал только что сделанные записи.

– Располагайтесь поудобнее, мисс О'Ши. Мне надо кое-куда позвонить. – Он направился к двери и, уже взявшись за ручку, снова повернулся к ней. – Кстати, Майк будет тут же за дверью.

– Вы что, думаете, я достану из-под юбки автомат и разнесу этот дом? – спросила она со всей язвительностью, на которую была способна.

– Нет, не думаю, – протянул он. – Я знаю, что у вас под юбкой. – И прежде чем выйти в холл и закрыть за собой дверь, он еще раз бесстыдно обшарил взглядом ее тело.

* * *

В течение следующих тридцати минут Эрин кипела от злости, ходила взад-вперед по комнате, раздражалась громкими тирадами, плакала и проклинала на чем свет стоит мистера Лоренса Баррета. Но, убедившись, что от этого ей ничуть не стало легче, она опустилась на колени и навела порядок в своих чемоданах. Когда дошла очередь до ночной сорочки, которую он с таким чувством рассматривал, если не сказать больше, она заметила, что руки у нее задрожали.

Он ужасный человек, всем отдает приказы, всеми помыкает, оскорбляет ее без всяких оснований. Каждое его движение грубо, даже его поцелуй. Почему она мысленно вновь

и вновь возвращается к его поцелую, тогда как ей хочется поскорее забыть об этом, загнать этот эпизод в самый дальний угол памяти?

В утешение себе она подумала: он все-таки ей не брат, в инцесте его не обвинишь.

Я не буду думать об этом поцелуе, сказала она себе. И о том невиданном доселе трепете, который охватывал, когда он пронзительно всматривался в нее, она тоже думать не хочет. А когда под его взглядом ее губы слегка открывались, то это была лишь условная реакция. Эрин О'Ши не имеет к этому никакого отношения. Абсолютно.

Но почему тогда она спорит сама с собой?

Когда он открыл дверь, она сидела на диване, откинувшись на спинку и закрыв глаза. Она испуганно вскочила. Неужели она задремала?

– Не везет вам сегодня, мисс О'Ши.

– Что вы имеете в виду? Она с неудовольствием заметила, что голос ее дрожит от страха.

– Я попытался связаться со «Спотлайтом». Никто не отвечает.

– Что? – воскликнула она и тут же поняла, в чем дело. Взглянув на свои золотые часы, она сказала:

– В Хьюстоне уже больше шести часов. Все ушли домой.

– Барт Стэнтон на два дня уехал в Пэнхэндл. Номер в Шривпорте тоже не отвечает.

Она в волнении потерла лоб. Думай, Эрин, думай, скоман-

довала она себе. Но в результате нескольких последних часов голова у нее шла кругом. Казалось, целая вечность минула с того момента, как она вошла в самолет в Хьюстоне, а ведь это произошло только сегодня утром. Она была измучена и плохо соображала. Слишком много непредсказуемого и невероятного обрушилось па нее в один день.

– И все же одно мне удалось установить, причем в вашу пользу, я спросил у миссис Лайман, был ли ее муж приемным сыном у своих родителей, и она ответила «да».

– Значит, вы мне верите?

Ей были противны просящий тон своего голоса и слезы, которые вдруг прихлынули к уголкам глаз.

– Только начинаю, – признался он.

– О, спасибо, мистер Баррет. Если вы не возражаете, я теперь пойду. У меня был очень длинный и утомительный день, если не сказать больше. Если я вам понадоблюсь еще для каких-нибудь вопросов, то вы сможете найти меня в «Фермонте». Естественно, я очень огорчена историей с моим братом и хотела бы знать, что на самом деле произошло. Я не уеду из Сан-Франциско, пока все не выяснится.

Взяв сумочку, жакет и кожаное пальто, она направилась к двери. Но дойти ей не удалось Мистер Баррет положил руку ей на плечо и взял у нее сумочку.

– Вы опять ошиблись, мисс О'Ши. Вы никуда не пойдете. Вы проведете ночь здесь. Со мной.

III

Эрин подняла на него пустые, непонимающие глаза. Лицо человека, который силой удерживал ее в этом доме, было непроницаемым и суровым. Когда смысл его слов наконец дошел до ее замутненного сознания, Эрин высвободила плечо из-под его руки и сделала несколько шагов назад.

– Вы точно сошли с ума, мистер Баррет.

– Я бы согласился с таким утверждением, если бы отпустил вас сейчас отсюда, не выяснив до конца, кто вы такая и что вас привело в этот дом.

Он отвернулся, давая понять, что разговор окончен, и пошел к двери. Обернувшись, он бросил:

– Пока что я совершенно в своем уме. – Его очаровательная, дружелюбная улыбка повергла ее в ярость. – Прошу вас меня извинить. У меня есть дела. Устраивайтесь удобно. Эта комната в вашем распоряжении.

– Пошли вы к черту, – прошипела она. Он улыбнулся еще шире.

– Я так и сделаю.

Не успел он сделать и двух шагов от двери, как она распахнула ее. Точно рассчитанным движением он крутнулся вокруг своей оси и оказался с ней лицом к лицу.

– Вы не имеете права держать меня здесь под арестом! – прокричала она.

– Разве? А кто мне может помешать? – ответил он с вызовом и несколько расслабился, увидев, что она не собирается бежать.

Она открыла рот для колкого ответа, но слова застряли у нее в горле. Кто в самом деле может ему помешать? Плечи ее резко опустились, и она тяжело вздохнула. Зачем она бьется с этим бесчувственным чурбаном? Одну ночь можно и пережить. А утром он позвонит в Хьюстон, удостоверит ее личность, убедится, что она попала сюда в поисках Кеннета Лаймана, и тогда – только ее и видели.

Ланс Баррет в упор смотрел на Эрин и, казалось, читал ее мысли. Собственно, такая у него работа – видеть людей насквозь, читать их мысли и чувства, независимо от того, что они говорят, и этому он был обучен в совершенстве.

Черт! Она красивая женщина, подумал он. Когда он открыл ей входную дверь и увидел ее на крыльце, похожую на картинку из журнала мод, у него было такое чувство, будто его железным кулаком ударили в живот. Конечно, этот порыв быстро прошел, и верх взяла его профессиональная выдержка. И все же он не мог от нее глаз отвести.

Она не просто красива и сексуальна, в ней есть нечто большее. И сообразительность, и ум. Она не пугливая и глупая дамочка, каких он обычно повергает в желеобразное состояние одним своим пронзительным взглядом. Эрин О'Ши то и дело отказывалась ему повиноваться. Черт, ему почти начинало нравиться их противостояние.

Не надо было ему целовать ее. Если кто-нибудь об этом узнает, то всю дорогу в Вашингтон он будет объектом шуток. И она права. Тот обыск, который он учинил, был совершенно излишним. Признайся, парень, тебе просто хотелось по-лапать ее.

Черт, достаточно было взглянуть на нее, и под ее отлично сшитым костюмом угадывались все изгибы и выпуклости ее тела. Черт! Этот костюм действительно стоит больше, чем он зарабатывает за неделю, и это его добило.

Сейчас он наблюдал, как она ровными белыми зубами кусает нижнюю губу. На лице ее, как на экране, отражались все чувства. Она никакая не мошенница, и он это прекрасно знает. История, которую она рассказала, слишком фантастична, чтобы быть вымышленной. Если правда установлена, он легко может отпустить ее восвояси и послать последить за ней одного из своих парней.

Тогда почему он этого не делает?

Ланс был обучен сохранять непроницаемый вид. Поэтому от Эрин остались в тайне все его мысли на ее счет, хотя она в этот момент и наблюдала за ним. Она решила извлечь максимум из этой невыносимой ситуации.

– Похоже, выбора у меня нет, мистер Баррет. Я останусь здесь до утра, когда, я надеюсь, вам удастся сделать необходимые телефонные звонки и убедиться, что я говорю правду.

– Похвальное стремление оказать содействие правительству, – поддел он ее.

Она переборолa желание съездить по его самодовольной ехидной физиономии и спросила:

– Позвольте узнать, можно мне побыть с Мелани? Мы даже как следует не познакомились, а она ведь мне сноха. Ей сейчас, должно быть, нелегко.

– Не вижу в этом ничего плохого. Я пришлю ее вам. Пока что я предпочел бы, чтобы вы оставались в этой комнате.

– Обещаю вам, что не стану бежать.

– Хорошо.

Он удалился.

Вот и весь юмор, подумала Эрин. Это не человек. В его жилах вместо крови течет ледяная вода. Он, наверное, смотрит все фильмы Клинта Иствуда и подражает этому твердолобому супермену.

И все же надо отдать ему должное, свое дело он знает. В конце концов, он на официальной службе и обязан выполнять любую работу, даже самую грязную. Ему, наверное, пришлось пройти трудную школу тренировки. Ясно, почему ничто не ускользает от его глаз. С того самого момента, как он открыл ей дверь, ей казалось, что он видит каждое ее движение и читает каждую ее мысль.

Она подошла к окну и выглянула наружу. Она судорожно сглотнула. К счастью, он может читать не все ее мысли. Те, что относятся к нему, она предпочла бы сохранить в тайне.

Когда он сказал, что ей придется провести ночь с ним, сердце у нее екнуло. Конечно, это образно сказано. Он не это

имел в виду. Так только прозвучало. И все же ее самолюбие очень пострадало бы, если бы он мог знать, как подействовали на нее его слова.

Щеки ее пошли розовыми пятнами при воспоминании о том, что она уже начинала отвечать на его поцелуй, когда их, к счастью, прервала Мелани Лайман. Пусть она даже считала его своим братом, все равно она виновата. Разве когда-нибудь раньше ее влекло к мужчине так безудержно? К какому-либо мужчине?

Она посмотрела вниз на сверкающий бриллиант, украшавший широкое золотое кольцо, и горестно улыбнулась. Барту бы не понравилось, что она сравнивает его поцелуй с поцелуем Ланса Баррета. Счет будет явно в пользу последнего.

Эрин знала, что она несправедлива к Барту. Полгода назад, когда он настоял на помолвке, она уступила, чтобы умерить его приставания.

– Ну же, дорогая, надень его.

– Но, Барт...

– Знаю, знаю, любимая. Ты все еще не уверена, что выйдешь повторно замуж. Обещаю, что не стану на тебя давить и требовать конкретной даты, но только если ты будешь носить это кольцо. Представь еще, что я отвезу его назад ювелиру – завтра весь Хьюстон будет говорить, что Барту Стэнтону дали от ворот поворот. – Он в притворной мольбе склонил голову. И, как всегда, она не устояла перед его капризом.

Смеясь, она пихнула его в плечо.

– Ну, ну, пожалуйста, не надо театральных сцен. Тысячи женщин с радостью выстроились бы в очередь и неделями или даже месяцами ждали бы своего счастья – надеть обручальное кольцо легендарного Барта Стэнтона.

– Мне нужна только одна женщина, дорогая.

В его голосе больше не было шуточных ноток, он говорил совершенно серьезно. Эрин знала, что он говорит правду. И это осложняло дело.

Они встречались уже больше года. Барт был влиятельный человек в Хьюстоне, всегда оставаясь в тени, имел большой вес в мире бизнеса. Можно было перечислить не так много крупных сделок, которые прошли мимо Барта.

Он был любимцем газетчиков и телевизионщиков. Его обожали за его имидж простецкого и робкого провинциального парня. Но в этой темноволосой курчавой голове работал пронизательный ум, умеющий надуть жертву и выжать из нее все, что можно, не дав ей понять, что с нею произошло.

Завоевать сердце Барта Стэнтона было большой победой, и многие завидовали удачливости Эрин. В его обществе к ней относились как к королеве, и сначала это было даже забавно. Но вскоре она стала замечать, что чувства Барта переходят за грань простой привязанности, а она ничем не могла на них ответить. Она не любила его настолько, насколько уважала за деловую хватку и насколько ей нравилось его об-

щество.

– Я надена кольцо, Барт. Но только пойми, что это никакое не обязательство. Я все еще не хочу выходить замуж. И это не значит, что я переменюсь в отношении... в отношении...

– Постели? – Он спросил самым тихим голосом, на какой был способен.

Она спокойно встретила его взгляд.

– Да.

– Провались я, если ты не самая упрямая женщина из всех, кого я знаю, – сказал он в волнении. Затем хохотнул. – Может быть, поэтому я тебя так и люблю, детка? – Он крепко обнял ее, и они скрепили свою помолвку долгим поцелуем.

Как ни странно, с того дня он не просил ее спать с ним. Прежде это было постоянным источником напряжения в их отношениях.

– Ты ведь не девушка или вроде того, – набросился он на нее в первый раз, когда она отказалась остаться на ночь в его огромном хьюстонском доме. – Ты ведь была замужем, Господи Боже ты мой.

Она осталась непреклонной и не изменила своего отношения и в дальнейшем. По-видимому, надев на нее обручальное кольцо, которое отчасти сделало ее его собственностью, он нашел выход сексуальной удовлетворенности на стороне. И Эрин была благодарна той неизвестной женщине или женщинам, которые давали Барту то, чего она ему дать не могла.

Вечернее солнце Сан-Франциско переливалось на гранях

алмаза всеми цветами радуги. Она вздохнула, приняв решение. Когда она вернется в Хьюстон, надо будет объясниться с Бартом. Она и так слишком долго использовала поиски брата в качестве предлога. Он уже, наверное, готов приступить к свадебным приготовлениям. Если она раньше колебалась, то теперь, после поцелуя Ланса Баррета, у нее не осталось сомнений. Она никогда не выйдет за Барта Стэнтона.

Ее раздумья прервала Мелани, которая приоткрыла дверь и просунула голову.

– Мисс О'Ши? – спросила она робко. – Мистер Баррет сказал мне, что вы хотели меня видеть.

Эрин подавила сильное желание засмеяться. Она находится в доме у этой женщины, а хозяйка только что не спрашивает у нее разрешения войти.

Быстро пройдя через комнату, она протянула обе руки навстречу своей снохе:

– Мелани.

Молодая женщина закрыла за собой дверь и взяла Эрин за руки. Они долго смотрели друг на друга, каждая как бы оценивая свою новую родственницу, после чего, повинувшись самому естественному порыву, крепко по-сестрински обнялись.

Сердце у Эрин сжалось, когда она почувствовала, что Мелани содрогается от рыданий. Эрин было наплевать, что слезы, падая ей на плечо, могут оставить пятна на шелковой блузке. Она гладила Мелани по длинным прямым волосам и

утешала ее, приговаривая, что все будет хорошо.

Когда Мелани начала было успокаиваться и отстранилась от Эрин, в глазах у той тоже стояли слезы.

– Мы такие глупые, правда? – сказала Эрин. – Давай присядем и познакомимся получше.

– Извините меня, мисс О'Ши, – всхлипнула Мелани. – Мне нужно было выплакаться – с того дня, как Кен... как он... сделал это. Я не могу этого понять. – Она грустно покачала головой, невидящими глазами глядя на Эрин.

– Пожалуйста, называй меня Эрин.

– Вы правда сестра Кена? – с надеждой спросила женщина – ребенок.

– Настолько, насколько можно быть уверенной при таких обстоятельствах, – честно ответила Эрин.

– Ты на него похожа, – сказала Мелани, всматриваясь в лицо Эрин.

– В самом деле? – со смехом сказала Эрин, обрадованная тем, что услышала. – А у тебя есть его фотографии?

– Конечно. Много.

Мелани вскочила с кушетки, слезы и горе были моментально забыты, и она открыла ящик стола – того самого, на который так небрежно клал ноги Ланс Баррет, подумала без всякой связи Эрин и тут же возненавидела себя за мысли о нем.

– Вот наши свадебные фотографии, – сказала Мелани.

– Как давно вы женаты?

Разве она не задавала этот вопрос Лансу? Но он дал ей уклончивый ответ.

– Четыре года, – отозвалась Мелани, опускаясь на кушетку рядом с Эрин и открывая большой белый пухлый альбом. – Вот он.

Эрин медленно взяла фотоальбом из рук Мелани, сдерживая нахлынувшие чувства, и опустила взгляд на фотографию улыбающегося мужчины.

Ее глаза подернулись влагой, картинка стала расплываться, поэтому пришлось смахнуть слезы ладонью. Он был высокий, намного выше невесты, смотревшей на него снизу обожающим взглядом. Волосы темные, такие же, как у Эрин, только без завивки, и гладко зачесанные назад. Глаза были однозначно фамильной чертой. И брови дугой выгибались над черными глазами – точь-в-точь как у нее. Рот тоньше, чем у нее, но в целом сходство разительное.

– Он очень красивый, правда? – спросила Эрин хрипловатым голосом. Горло сдавливало волнение.

– Да, – согласилась Мелани. – Я сразу в него влюбилась, когда пришла в тот день в банк и увидела его за кассой. Я спросила папу, кто этот новый служащий, но он не знал его имени. Впрочем, я сама его узнала!

– Твой отец работает в одном банке с Кеном?

– Он президент и председатель совета директоров, – отсутствующим голосом пояснила Мелани, переворачивая страницы в альбоме.

Эрин молча обдумывала эту информацию, с благодарностью кивая головой, когда Мелани показывала ей другие фотографии Кена. Позже, наедине, Эрин рассмотрит их повнимательнее. Что-то встревожило ее в этом сообщении о том, что отец Мелани занимает столь высокий пост в банке, где работает ее брат. Наверное, это и Кену доставляло беспокойство. Может быть, это и стало причиной хищения?

– Извини меня за любопытство, Мелани. Мне хочется узнать о брате как можно больше. Ты ведь на несколько лет моложе его, правда?

– Да, – ответила Мелани, опустив глаза. – Он на десять лет старше. Мы поженились, когда мне было всего двадцать лет. У мамы с папой был удар, когда мы объявили им о своих планах. Мы встречались тайно. Мне кажется, я с самого начала знала – им не понравится, что я встречаюсь с Кеном. Они хотели, чтобы я встречалась с сыновьями их друзей, которые каждый день играют в загородном клубе в теннис и гольф, а по выходным катаются на яхтах. Но мне никто не нравился. Я сразу влюбилась в Кена, когда он поцеловал меня и тут же попросил за это прощения. – Глаза ее сверкнули, и она добавила:

– Я сказала, что ничего не имею против.

В отличие от твоих родителей, подумала Эрин.

Раздался легкий стук в дверь, и вошел Ланс.

– Дамы, чего бы вам хотелось на обед? Я подумал, не сходить ли мне и не взять ли чего-нибудь в китайском рестора-

не, если никто не возражает?

Эрин поразила его бесчувственность. Он воспринимал эту странную ситуацию как обычный семейный пикник.

– Обожаю китайскую кухню, – радостно откликнулась Мелани. – А ты, Эрин? Если ты не любишь, мы можем взять что-нибудь другое.

– Я полагала, что пленникам полагается только хлеб и вода, – сказала она, обращаясь к Баррету.

Он секунду смотрел на нее, а затем проворчал:

– Только тем, у кого круглые попки.

Дверь с силой захлопнулась.

– Грубиян, – сказала Эрин ему вслед.

– Кто, мистер Баррет? – изумленно спросила Мелани. – Да он самый милый человек из всех, кого я знаю! Если, конечно, не считать Кена.

Эрин с недоумением посмотрела на нее.

– Ты шутишь! Он командует в твоём доме, распоряжается твоей жизнью. Он отдаёт приказы, как армейский сержант, и считает, что все обязаны ему повиноваться. Он до предела влез в твою личную жизнь.

– Он просто делает свою работу, Эрин, – тихо ответила Мелани. – Кен попал в большую беду. Когда мистер Баррет здесь появился, он извинился за свое вторжение. На протяжении долгих часов, что он меня допрашивал, он вел себя как настоящий джентльмен и утешал меня, когда я пугались и беспокоилась за Кена из-за того, что он натворил. Благо-

даря его уговорам я сумела вспомнить то, чего ни за что бы раньше не вспомнила, то, что может помочь найти Кена. Я все сделаю, чтобы ему помочь. Я хочу, чтобы они нашли Кена и привели его домой. Я хочу знать, что с ним все в порядке.

Эрин стало жаль молодую женщину, и она даже подержала ее надежду, что Кен Лаиман вскоре найдется. Но ее поразило, как Мелани описывала Ланса Баррета. Слова «джентльмен», «извинялся», «уговоры» совсем не подходили к человеку, который так обращался с ней.

Почему он подозревает Эрин в соучастии в преступлении, а жена его остается для него вне подозрений? С самого ее приезда он подвергает ее моральному и физическому давлению. Чем она заслужила такое жестокое обращение?

* * *

Несмотря ни на что, появление Эрин в доме надо отметить, настаивала Мелани. Она уговорила Майка разрешить Эрин покинуть кабинет и помочь ей накрыть на стол в столовой. Мелани накрывала стол так, как если бы ей предстоял званый обед: она постелила лучшую скатерть, достала фарфор и хрусталь.

Ее порыв был трогателен и несколько сентиментален. Она казалась намного моложе своих двадцати четырех лет. Хотя на словах она сокрушалась по поводу содеянного Кеном,

Эрин очень сомневалась, что Мелани на самом деле отдает себе отчет в серьезности происходящего. Во всем, что она говорила и делала, просматривались наивность и слепая вера.

Они втроем хохотали над непокорной салфеткой, отказывающейся стоять на фарфоровой тарелке по стойке «смирно», как того хотела Мелани, когда в комнату вошел Ланс.

Подняв тяжелый взгляд на Эрин, он принял неодобрительный вид. Не скрывая своего неудовольствия по поводу ее присутствия вне стен кабинета, он набросился на Майка.

– Гмм... Я... она... то есть миссис Лайман подумала... – заикался Майк, но Ланс резко оборвал его:

– Давайте есть, пока не остыло.

Майк вздохнул с видимым облегчением и бросил взгляд на Эрин, как бы возлагая на нее вину за свой проступок. Он поспешил на помощь Лансу, увешанному картонками с едой. Белая разделочная доска плохо сочеталась с прекрасной скатертью, но, рассаживаясь за столом, никто не обратил на это никакого внимания.

Эрин с изумлением наблюдала, как Ланс усаживает Мелани на стул. Он был очень заботлив, и когда смотрел на нее, глаза его заметно смягчились. Эрин вежливо приняла помощь Майка, пододвинувшего ей стул.

– Благодарю, – сказала она, не заметив тяжелого, уничтожающего взгляда, которым одарил Майка его босс.

Мелани объяснила Лансу, почему она решила накрыть па-

радный стол в столовой.

– Ведь не каждый день находятся такие красивые и милые золовки. Если бы Кен был здесь, – голос ее слегка дрогнул, – я уверена, он захотел бы отметить ее внезапное появление.

– Ваш муж когда-нибудь говорил вам о том, что у него где-то есть сестра, с которой его разлучили в детстве? – тихо спросил Ланс.

Тон был обманчив, но только для Мелани. Когда он перевел глаза на Эрин, она съежилась под его ледяным взглядом.

– Нет. Если он и знал о ее существовании, то никогда мне ничего не рассказывал. Он был бы рад с ней познакомиться. Я уверена.

– Мисс О'Ши. – От неожиданности Эрин даже подскочила. – В ваших поисках своей родни не попали ли вы на след ваших настоящих родителей?

Если бы этот вопрос исходил от кого-то другого, его можно было бы счесть вполне разумным. Но она поняла, что Ланс Баррет вновь расставил для нее какую-то ловушку.

– К сожалению, нет. Нянечка, которая рассказала мне о Кене, помнила только, что нас принесли вместе. Она ничего не помнила о ней... о том, почему... почему она... – как всегда, когда Эрин начинала говорить на эту тему, у нее сядились голосовые связки и ей становилось трудно договорить до конца, – почему она бросила нас.

За столом воцарилась тишина. Ни стука серебра о тарелки, ни шума льда в бокалах, никто не издавал ни звука. На-

конец Мелани нарушила тяжелое затянувшееся молчание и произнесла ласково, как говорят дети, когда утешают друг друга:

– Наверное, у нее были очень веские причины, Эрин.

Эрин взяла себя в руки и взглянула на Ме – лани.

– Да, наверное, – согласилась она с улыбкой.

Дальнейшая беседа проходила довольно уныло. Только однажды Ланс вызвал у Мелани смех, развлекая ее рассказом о приключении, в правдивости которого он клялся и божился, но которое Эрин посчитала совершенно невероятным. Возможно, с ним и произошло что-то, но совсем обыкновенное, а он разукрасил эту историю, чтобы придать ей таинственность.

Эрин позволила себе немного мысленно похвалить его за то, как он старался отвлечь Мелани от события, которое перевернуло всю ее жизнь. Она даже простила ему, хотя и неохотно, эту китайскую еду, потому что Мелани ела ее с аппетитом.

– Майк, если ты закончил, почему бы тебе не перейти улицу и не подменить кого-нибудь из ребят, чтобы они могли поесть тоже? А когда они устроятся на ночь, возвращайся и будешь здесь вместе со мной.

– Конечно, Ланс. Дамы, – поклонился Майк. Он не тратил лишних слов на извинения.

– А что там, через улицу? – Любопытство взяло верх, и Эрин не удержалась и задала невинный, на ее взгляд, вопрос.

– У группы мистера Баррета на той стороне штаб. Оттуда они могут следить за домом, перехватывать все телефонные звонки и так далее. Мы не должны подходить к красному телефону. Все наши разговоры по обычному аппарату записываются на пленку. Не правда ли, им повезло, что дом напротив как раз сдавался внаем?

Лицо Мелани горело возбуждением, а в глазах мистера Баррета Эрин заметила раздражение. Он не был в восторге от такой разговорчивости.

– Вам пора в кабинет, мисс О'Ши, – заявил он тоном, не допускающим возражений, взяв ее под локоть и буквально вытащив из-за стола.

– Наверное, мне надо помочь Мелани с посудой, – запротестовала Эрин, безуспешно пытаясь высвободиться.

– Я ей помогу, – сказал он.

Она засеменила, едва поспевая за его длинными шагами в сторону кабинета. Когда они подошли к двери, она резко выдернула руку и воинственно, в упор посмотрела на него.

– Какая необходимость так со мной обращаться?

– Я сделал вам больно? – быстро спросил он. В голосе проскользнула нотка неподдельного огорчения.

Его рука снова взяла ее локоть, но на этот раз было почти что нежное прикосновение, как если бы он гладил то место, на котором минуту назад его пальцы оставили синяк.

Через шелк блузки она чувствовала тепло его ладони. От пальцев по ее руке разбегались искры возбуждения, которые

заполняли всю грудь и со всех сторон сжимали сердце, заставляя его усиленно биться. От его ласковой руки исходило такое утешение, что ей странным образом захотелось прильнуть к его твердой, сильной груди и найти там еще больший покой.

Может быть, в этом было что-то от необычных взаимоотношений, возникающих между узником и тем, кто его пленил? Разве не бывает так, что пленник начинает испытывать по отношению к своему тюремщику чувство зависимости, граничащее с любовью?

Эта мысль обожгла ее мозг и потрясла душу. Она отступила от него в сторону, внезапно испугавшись той физической силы, которая от него исходила. Но с его стороны это была только минутная слабость, ибо когда она вновь посмотрела ему в лицо, то увидела знакомые жесткие и неподвижные черты.

Она слышала, как он ругнулся про себя, повернувшись и выйдя в холл.

IV

Через несколько часов Ланс вернулся в кабинет. Эрин листала альбомы с фотографиями. Еще не было одиннадцати, но ее организм работал по хьюстонскому времени, и, учитывая события этого дня, она чувствовала смертельную усталость. Все же почему-то она не могла лечь на диван и забыться сном.

Она всматривалась в фотографии, пытаюсь понять характер брата. Мелани притащила множество альбомов вместе с целой кипой одеял и подушек.

– Мистер Баррет попросил меня принести это тебе. Я предложила ему, чтобы ты спала в гостевой спальне наверху, но он не разрешил.

– Надо думать, – проворчала Эрин.

– Я как раз вспомнила про эти альбомы, они лежали в шкафу у нас в спальне. Не хочешь взглянуть?

– Спасибо, Мелани. Передать тебе не могу, до чего тоскливо сидеть в четырех стенах. К тому же я хочу знать про Кена все.

С проникательностью, которая изумила Эрин, Мелани заявила:

– Я бы с удовольствием побыла с тобой и поговорила, но думаю, лучше тебе побыть одной. Тебе надо осилить больше тридцати лет жизни Кена.

Эрин бросилась к невестке и расцеловала ее.

– Спасибо, что ты признала меня. Я знаю, что, когда Кена найдут, все образуется. И если понадобится моя помощь, вы всегда сможете на меня рассчитывать.

– О, Эрин, Кен тебя полюбит. Я знаю. – Она опять говорила как невинное дитя.

Скинув туфли и поджав под себя ноги, Эрин забилась в угол дивана и принялась рассматривать фотографии. Там попадались снимки, на которых Кен был в обществе симпатичной пары – по-видимому, своих приемных родителей. Она хохотала над фотографией, на которой Кен был запечатлен у ворот Диснейленда с огромными ушами Микки-Мауса. Вся его жизнь калейдоскопом проходила перед ее глазами. Она провела пальцем по последней фотографии, где Кен стоял на рыбацкой пристани. Его темные волосы были взъерошены ветром, он ухарски улыбался, а длинные ноги в обтрепанных подрезанных выше колен джинсах выглядели загорелыми и сильными.

На глаза у нее навернулись слезы, и она стала мысленно молиться, чтобы скорее увидеться с этим единственным человеком на Земле, с которым ее объединяла кровь. Когда дверь открылась и вошел Ланс, она смахнула слезы тыльной стороной ладони.

На мгновение он задержался в дверях, наслаждаясь видом женщины, свернувшейся калачиком в углу дивана. Или она та, за кого себя выдает, или она величайшая актриса, поду-

мал он угрумо, заметив, как она вытирает слезы.

Она подняла к нему лицо – ее усталость была слишком очевидной, но он подумал, что ввалившиеся щеки придают ей менее ухоженный и еще более симпатичный вид. Бледно-лиловые тени под огромными, бездонными глазами делали их еще неотразимее. Любой здравомыслящий мужчина должен был бы со всех ног бежать от этих глаз.

Он проглотил комок, который как-то вдруг образовался у него в горле при виде стройных ног, которые она подогнула под себя. Юбка ее задралась выше колен, обнажив гладкое, стройное, обтянутое шелком бедро.

Черт! – подумал он. Если бы он не умел сохранять невозможное выражение лица, то выглядел бы сейчас полным идиотом. Он чувствовал себя как мальчишка, впервые открывший «Плейбой». Он пытался заставить себя забыть вкус ее губ.

– Мистер Баррет?

Ее неуверенный вопрос вернул его с небес на землю. Что, если его лицо было не таким непроницаемым, как он вообразил?

– Я думал, вы давно спите, – сказал он, прикрывая за собой дверь.

– Нет. Я устала, но день, что ли, был слишком суматошный, только мне кажется, я не смогу расслабиться.

Его появление отнюдь не способствовало ее спокойствию. Сказать по правде, его присутствие усиливало ее возбужде-

ние.

– Вам с кухни ничего не нужно?

– Нет. Спасибо.

Его учтивость теперь бесила ее не меньше, чем бывшая враждебность. Она с опаской наблюдала за ним, пока он развязывал галстук, болтавшийся у него на шее весь день, и вешал на спинку стула. Затем положил обе руки на поясницу и потянулся, выставив грудь колесом. Игра мускулов под рубашкой производила впечатление. Наконец он сделал вдох, и мышцы вернулись в обычное положение.

– Какое вы хотите одеяло? – спросил он, усаживаясь в глубокое, туго набитое кресло. Носком одной ноги он сдернул мокасин с другой.

Уставившись на него и не веря в его намерение, Эрин пролепетала:

– Вы хотите сказать... вы собираетесь...

– Не могли бы вы выразаться пояснее, мисс О'Ши? – ядовито спросил он.

Его язвительность вывела ее из себя.

– Не собираетесь ли вы спать в этом кресле?

Он смерил кресло, в котором сидел, оценивающим взглядом.

– Вообще-то собирался. Но если вы предпочитаете, чтобы я прилег с вами на диван...

– Не двигайтесь, – скомандовала она, уставив на него указательный палец, когда он сделал попытку встать с кресла. –

Что вы из себя строите? – спросила она, поднимаясь на ноги. Она сделала два шага в его направлении, уперев кулаки в боки. – У вас, наверное, комплекс Джеймса Бонда, и вы воображаете, что можете целый день унижать женщину, а потом ночью ее же и соблазнить. Ну что же, сообщаю вам, мистер Баррет, что, в отличие от любвеобильных барышень в кино, я могу и буду оказывать сопротивление.

– Вы перегибаете, мисс О’Ши, – сказал он спокойно и веско. Ее тирада и впрямь прозвучала смешно. – Отдыхайте и будьте уверены, что мое присутствие в одной комнате с вами вызвано производственной необходимостью. Поверьте, я предпочел бы быть сейчас в доме напротив и растянуться на кровати, в которой я проспал последние десять дней, нежели корчиться здесь на кресле.

– За мной не требуется круглосуточного наблюдения, – вспыхнула она.

И снова его голос прозвучал раздражающе спокойно:

– Возможно, но пока я не установил вашу личность, вы останетесь под моим наблюдением. Я не допущу, чтобы контрабандистка совершила побег.

– О Господи! – простонала она, вознеся глаза к небу.

Она рухнула на диван в крайнем раздражении и какое-то время сидела надувшись, а он разбирал одеяла и подушки. Каждое его движение вызывало ее интерес, и она не могла удержаться, чтобы не смотреть в его сторону. Если бы она могла, то призналась бы себе, что идея провести ночь с ним

в одной комнате выглядит заманчиво. Она была раздражена не столько его поведением, сколько ударами собственного сердца и всплесками возбуждения, которых она прежде не знала.

Он поровну разделил постельные принадлежности и обернулся к ней. Она встретила его уничтожающим взглядом, который был хорошо знаком ее подчиненным. Обычно он предвещал неприятности для того, кто допустил досадную оплошность.

– Мне бы хотелось принять душ.

– Забудьте об этом.

– Мне нужно в туалет! – воскликнула она.

– Это разрешается.

– Как великодушно с вашей стороны, – ласково сказала она. Она прошествовала мимо него, взяла свои чемоданы и зашагала к двери. – Показывайте дорогу, стражник, – сказала она.

Его золотистые брови грозно нависали над пронзительными голубыми глазами, но он молча открыл дверь и повел ее по темному холлу в крошечную туалетную комнату под лестницей.

– Не стесняйтесь надеть на себя что-нибудь более удобное, – посоветовал он.

Он стоял так близко, кругом было темно. Без каблуков она оказалась настолько ниже его, что он горой нависал над ней, и Эрин почувствовала, как у нее вдруг подкосились но-

ги. Коленки дрожали от напряжения.

Пытаясь скрыть смущение, она произнесла:

– Вам бы этого очень хотелось, не так ли?

Она старалась, чтобы эти слова прозвучали обвинением, но они вышли больше похожими на предложение.

Он сделал шаг еще ближе, и ее обдало жарким дыханием, хотя темнота скрывала его лицо. Он еще подвинулся и прижал ее к стене. Его тело, как и ее, было напряжено. Будто ее прижала статуя.

Но статуя ожила.

Глина еще не успела запечься на ее поверхности. Она, наоборот, еще подвергалась лепке – под влиянием ее тела. Она принимала ту форму, которая совпадала с ее линиями, пока не совпала идеально.

Уголкем глаза она увидела, как он поднял руку, и подумала, что сейчас он обнимет ее. Но он просто щелкнул выключателем в туалете у нее за спиной.

Внезапно вспыхнувший свет разрушил то, что, казалось, продолжалось целую вечность. Она быстро отвернулась и вытащила в туалет свои чемоданы.

– Не очень-то затягивайте, не то мне придется вытаскивать вас отсюда.

– А вы что же, останетесь здесь? – спросила она в ужасе, видя, как он прислонился к косяку.

– Угу, – сказал он, утвердительно мотнув головой.

Губы ее гневно сжались, и она намеренно сильно захлоп-

нула дверь перед его смеющейся физиономией.

Она опустила чемоданы на пол и оперлась рукой на раковину. Сделав несколько глубоких вдохов, попыталась стереть из памяти его лицо. Оно еще стояло у нее перед глазами, и она продолжала дрожать даже после того, как включила холодную воду.

Какой грубиян! Отвратительный! Бесчувственный! А она, идиотка, вся дрожит в полном смятении от одного его присутствия. Ей в самом деле хотелось, чтобы он поцеловал ее еще. Господи, прости!

И все же ее очень интересовало, каков будет его настоящий поцелуй. Тот, каким он наградил ее сегодня днем, был только пробой. Он просто хотел проверить, насколько она выдержит легенду о своем братце. Тот поцелуй был жесткий и неистовый. Но на одну миллионную долю секунды, когда его язык перестал исследовать глубины ее рта, а легонько коснулся кончика ее языка, разве это не было проблеском сладчайшей ласки?

Нет! – подумала она и принялась яростно чистить зубы в надежде смыть следы того долгого поцелуя.

Она наложила на лицо крем и расчесала волосы. Было нелегко открыть большой чемодан в крошечном помещении, но она умудрилась приоткрыть шелку, достаточную, чтобы просунуть руку.

На ощупь она выбрала джинсы и футболку. Джинсы были не те модные, жесткие, которые она обычно носила. Это бы-

ли старые, вылинявшие и застиранные до мягкости. Извиваясь и изгибаясь, она высвободилась из своего мятого костюма и натянула джинсы.

На минуту она задумалась, снять ли лифчик.

Перспектива спать в нем всю ночь ей не улыбалась, поэтому она расстегнула застежку быстро, пока не передумала, и, почувствовав свободу, облегченно вздохнула. Хотя на своем последнем дне рождения она решила расстаться с самоуверенностью молодости, но все же ее фигура манекенщицы была еще достаточно крепка, чтобы иногда позволять себе обходиться без лифчика. Сегодня это и вовсе не имело значения.

Натянув майку через голову, она поняла, что после последней стирки она под села и теперь слишком се обтягивает. Теперь уже то, что она без лифчика, начинало иметь значение. Ее груди выглядели слишком бесстыдными, чтобы быть без лифчика. Со вздохом она ухватилась за край футболки, чтобы стянуть ее, но тут Ланс постучал в дверь.

– Хватит, – сказал он коротко.

– Еще одну минуту. Я почти гото...

Не успела она договорить, как он уже распахнул дверь. Он застал ее, когда она, взявшись руками за край майки, собиралась ее снять, и успел увидеть гладкий живот и два полукруга под мягким розовым хлопком.

Эрин опустила майку. Как магнитом, его глаза были притянуты к ее груди. Она чувство – вала, как напряглись под

тугим хлопком ее соски. До замужества, во времена работы в домах модели, она привыкла часами стоять почти обнаженной, пока модельеры и портнихи вносили свои изменения. Но никогда прежде она так не чувствовала своего тела.

подавив внезапный приступ стыдливости, она закричала.

– Ну и наглец! Я ведь сказала, что через несколько минут выйду!

Ланс, похоже, потерял дар речи. Казалось, его мозг лишился способности посылать правильные сигналы органам речи. Он поспешно сделал глотательное движение и произнес как можно более суровым тоном:

– А я сказал вам, что время вышло.

– Могу я по крайней мере принять таблетку? Я сегодня пропустила.

Она рылась в косметичке, стараясь скрыть дрожь в руках. Найдя наконец упаковку пенициллина, она выдавила таблетку из фольги. Стакана не было, и ей пришлось запивать лекарство водой из-под крана, зачерпывая ее пригоршнями. Выпрямившись, она увидела в зеркале, что, пока она стояла наклонившись над раковиной, Ланс вперился глазами в ее бедра. Он торопливо отвел взгляд и сказал:

– Если хотите, можете оставить свои вещи здесь. Никто их не тронет.

Мягко ступая в носках, он прошел через холл в кабинет.

Она молча последовала его предложению. Чемоданы лучше оставить здесь. Он не настолько вежлив, чтобы предло-

жить ей поднести вещи обратно в комнату, а тащить их самой не осталось никаких сил. Проще не спорить, а выключить свет и покорно пойти назад в комнату.

Спотыкаясь, она вошла в кабинет и увидела, что Ланс уже погасил все лампочки за исключением ночника на столике возле его кресла. Она расстелила одно из одеял на кожаном диване, положила в угол подушку и села, вытянув ноги вдоль дивана и прикрыв их другим одеялом.

Ланс терпеливо ждал, в задумчивости глядя перед собой и не произнося ни слова. Он не гасил свет, а Эрин не могла лечь при горящей лампе. Это сделало бы ее слишком уязвимой, слишком незащищенной. Из-за всех сил избегая смотреть на него, она оглядела комнату, хотя за этот день делала это уже сотни раз.

– В камине никогда не разводили огня, – произнесла она лениво.

Не повернув головы, но поведя глазами в ее сторону, Ланс сказал:

– Что?

– Вы заметили, что в этом камине никогда не разводили огня? За красивой резной решеткой лежат поленья, но на кирпиче нет сажи. Не могу себе представить – иметь камин и не разводить огня.

– Очень тонкое наблюдение. Вам, наверное, подошла бы моя работа. – Взглянув на него, она увидела, что он, ссутулившись в кресле, улыбается ей. Не задумываясь, она улыба-

нулась в ответ. – А у вас есть камин? – спросил он.

– Три.

– Три?

Она рассмеялась.

– Да. Я живу в доме родителей, тех, что меня вырастили.

Когда папа умер, мама захотела продать дом. Я упросила ее на какое-то время сдать его внаем, она так и делала несколько лет. Когда я вернулась из Нью-Йорка, я стала жить в этом доме. Это скромный, но очень старый дом и очень своеобразный. Я его отремонтировала и обставила заново.

– Звучит здорово.

– Многие не находят в нем ничего примечательного, но для меня это родной дом. Наверное, когда тебя берут из приюта, семейные традиции и все такое приобретает особое значение. Это почти что неотъемлемая часть твоей жизни, она дает чувство надежности, безопасности.

Они долго молчали, затем Ланс спросил:

– О'Ши хорошо к вам относились?

– Они были прекрасными родителями. Лучше не бывает. Отец был высокий и сильный. Он всегда казался мне гигантом, даже когда я выросла. Несмотря на габариты, это был самый нежный человек на свете. Он был плотник. А мама у меня маленькая, вспыльчивая, и у нее морщинки вокруг самых синих глаз, какие мне доводилось видеть. – Кроме твоих, добавила она про себя.

Потянувшись, он зевнул, а затем взъерошил свои золоти-

стые волосы.

– Вам надо поспать. Спокойной ночи, – сказал он и выключил свет.

– Спокойной ночи.

Она легла на спину, укрывшись одеялом, и стала смотреть в темноту. Слышно было, как Ланс пытается принять в кресле максимально удобную позу. Раздался шелест ткани, затем глубокий вздох, и все в комнате стихло.

В молчании прошло несколько минут, затем, почему-то уверенная, что он не спит, Эрин прошептала:

– Мистер Баррет?

– А?

Нервными движениями она перебирала одеяло. Темнота придавала обстановке особую интимность. Как любовники после...

– Что будет с моим братом, когда вы его найдете?

В темноте было слышно, как он ворочается. Голос его прозвучал низко и неуверенно... а может, грустно?

– Не знаю. Это не входит в мою компетенцию. Он украл крупную сумму денег из национального банка. Одного этого достаточно, чтобы на долгие годы засадить его за решетку. Федеральное правительство очень строго к тем, кто запускает руку в казну.

– Значит, его посадят в тюрьму, – сказала она безо всяких эмоций. Это была просто констатация факта. Она об этом раньше не думала.

– Да. Ему, правда, может помочь то обстоятельство, что его тесть – президент банка. Уинслоу не стал обращаться в местную полицию, хотя кое-кого из их людей мы привлекли – тех, кто, так сказать, умеет искать иголку в стоге сена. Возможно, если Лайман еще не истратил этих денег и может их вернуть, ему будет присужден крупный штраф и условное заключение.

– Но вы ведь так не думаете, да? Его голос прозвучал устало и покорно:

– Да. – Помолчав, он сказал:

– За все годы оперативной работы мне так и не удалось понять мотивы, которые движут преступником.

– Мой брат не преступник! – вскричала она.

– Он совершил преступление. Это делает его преступником по определению, – резонно возразил он.

Она глубоко и горестно вздохнула.

– Конечно, вы правы. Извините. О чем вы говорили?

– Знаете, мне кажется, у него все было. Зачем он это сделал? Поставил на карту все? Оставил миссис Лайман? Глупейший поступок. Он же должен понимать, что мы его все равно поймаем.

Эрин с удивлением услышала в его голосе раздраженные нотки. словно ему не хотелось ловить Кена.

– Мелани это все причинит ужасную боль. Я думаю, она даже не понимает всей серьезности положения.

– Конечно, не понимает. Она милое дитя.

Знаете, мы ведь могли устроить свой штаб в любом месте. Здесь мы отчасти для того, чтобы защитить Мелани. Мы ведь не знаем, работал ли Лайман один или же он оказался втянутым во что-то более серьезное. Она может стать невинной жертвой.

Его раздражение по поводу расследуемого дела было очевидным, и Эрин почувствовала угрызения совести, что лишь добавила ему головной боли.

И мягко спросила:

– А я? Вы думаете, что я убийца с ангельским лицом и явилась со своей жалостливой историей, чтобы завоевать расположение бедной девочки, а затем убрать ее?

После долгой паузы он признался:

– Мне приходило это в голову.

– Ясно, – прошептала она.

От всего, что она только что услышала, голова шла кругом и стала, казалось, слишком легкой, чтобы удерживаться на подушке. Она беспокойно металась по узкому дивану, пытаясь найти удобное положение, в котором смогла бы погрузиться в столь нужный ей сон. Наконец, уставшая от бессонницы, она легла на спину и закинула руки за голову.

То ли ей послышался легкий шелест одежды, то ли хруст его коленок, опустившихся на пол возле ее дивана, но она вдруг поняла, что он уже не лежит в своем кресле. Он оказался так близ – ко, что она ощущала жар его тела. Она лежала совершенно неподвижно, боясь даже моргнуть.

– Не знаю, ни кто ты, ни что ты, но ты точно не убийца. –
Голос его был хриплым от возбуждения, но у нее не было
времени размышлять над этим, потому что его губы сомкну-
лись с ее.

Не легкий ли вздох удовольствия слетел с ее губ? И не
был ли поворот ее головы жестом горячей мольбы? Почему
его губы вдруг на миг задержались, отодвинувшись от ее губ,
чтобы затем снова слиться с ними в глубоком поцелуе?

Темнота, окутавшая их, поглотила и враждебность, и на-
стороженность, и подозрительность, и обиду, которые стоя-
ли между ними. Под этим черным бархатным покровом, где
не выносятся суждения и не хранятся секреты, они забыли
себя. Различия между ними стали казаться незначительны-
ми, они просто перестали существовать. Они стали просто
двое. Мужчина и женщина, объединенные взаимным притя-
жением, жадной столь же непреодолимой, сколь и не подда-
ющейся определению.

Под его губами губы Эрин стали мягкими и нежными и в
нетерпении приоткрылись. Он пробовал, смаковал, запоми-
нал ее своими губами, зубами, языком, пока она со вздохом
не произнесла его имени.

Сами собой ее руки скользнули вниз, и она обхватила его
голову. Он осыпал ее шею горячими страстными поцелуями.
Его руки ощупали ее тело, почти обхватив всю разом. Она
с томлением ощутила, как его большие пальцы снизу подби-
раются к ее грудям и нежно поглаживают их. Она погрузила

ладони в его густые золотые волосы и опустила лицо во впадину на своей груди. Сквозь футболку ее кожу обдало горячее влажное дыхание. Она помогла ему ликвидировать этот последний барьер. Его пальцы с наслаждением ласкали ее гладкую кожу, исследуя каждый дюйм от шеи до талии.

Затем он целовал по очереди каждую грудь. Полностью захватив ртом сосок, он втягивал его в себя. Удовольствие, рождаемое в груди, отдавалось сладостным томлением глубоко во чреве, как если бы между ними была натянута невидимая струна. Внутри нее взорвался маленький вулкан, наполнивший ее жилы кипящей лавой, затопившей все ее тело своим пылающим жидким огнем.

– О Господи.

Его стон был агонией самоотречения. Он накрыл ее груди ладонями. Губы его снова приникли к ее рту. Его ненасытная жажда сдерживалась одним лишь желанием доставить ей такое же удовольствие, какое получал он от этого поцелуя. И хотя, повинуясь его языку, она целовалась так, как никогда раньше, это не было призывом, а скорее только лаской.

Он поднял голову. Пожалуй, слишком неожиданно. Она чувствовала, что он смотрит на нее. В абсолютной темноте она не могла различить его лица, но глаза и во мраке не теряли своей силы. Под их гипнотической волей она лежала не шевелясь и не издавая ни звука.

– Ничего этого не было, – резко сказал он. – Тебе понятно, Эрин? – Голос был строгий и требовательный, принуж-

дающий ее вникнуть в то, что он говорит. – Ничего этого не было. Тебе понятно?

Она молча отрицательно покачала головой.

Но в темноте он, конечно, этого не разглядел.

V

Когда она проснулась, его уже не было. Она медленно открыла глаза и, не поворачивая головы, осмотрела комнату. За ночь в ней ничто не изменилось. Все было в точности как накануне. Изменилась только она. Все перемены произошли с ней самой.

Что она наделала? Как это могло случиться? Или она временно лишилась рассудка?

А может быть, это был ночной кошмар? Нет. Ну хорошо, пусть это было слишком приятно для кошмара, тогда, может быть, это был сладкий сон? Нет. Она все еще чувствовала на коже неуловимый запах одеколона Ланса. Ее грудь была чуточку оцарапана в тех местах, где он прижимался к ней колючими щеками. Ее тело носило на себе слишком много свидетельств их ночных объятий. Даже сейчас она могла в деталях воспроизвести все их нюансы. Это был не сон!

Ее глаза снова остановились на кресле, в котором он спал. Смятая подушка еще хранила отпечаток его головы. Эрин ощутила прилив нежности и поймала себя на том, что улыбается, вспоминая о прошедшей ночи.

Улыбка сползла с ее лица, когда она увидела небрежно брошенное на пол одеяло возле кресла. Нет сомнения, что он с таким же безразличием отбросил и мысли о ней.

Она поднесла к губам хрупкий кулак. При воспоминании

о том, как она отвечала на его поцелуи, ее охватило такое чувство стыда, что она крепко зажмурилась. Господи! Да он, наверное, сегодня млеет от самодовольства. И он ведь мог легко добиться от нее... Нет!

Из ее горла вырвалось еще одно рыдание, а из-под закрытых век выкатились слезы. Она зарылась лицом в подушку.

Как это могло случиться?

Она не могла сказать в свое оправдание, что он подпоил ее, или сыграл на жалости, или принудил ее физически поддаться на его поцелуи. Он даже не соблазнял ее никакими ласковыми словами. Он вообще ничего не говорил! Он просто подошел к ней в темноте, дотронулся до нее и поцеловал, а она больше чем охотно дала ему то, что он просил, и готова была на большее.

Она жалобно застонала от унижительных воспоминаний о том, как он жадным ртом хватал ее груди. Нет. Ничего он не хватал, и рот у него совсем не жадный. Ее унижение усугублялось тем, что при каждой мысли о ночи тело ее начинало ныть от желания.

Она не станет больше думать об этом. Будет лучше, если она станет воспринимать это как бы со стороны. Для него это было не более чем шалости в темноте. Она не покажет виду, что для нее это нечто большее. Поднимаясь с дивана, она вдруг заметила, что грудь по-прежнему открыта, и после отчаянных поисков обнаружила футболку за диваном.

Она тихонько подошла к двери и прислушалась. Из глуби-

ны дома не доносилось ни звука. Выйдя из кабинета, она направилась в крохотный туалет, в котором умывалась на ночь. Вспомнив, как Ланс застал ее в той неудобной позе с задранной майкой, она поежилась от смущения. В действительности каждая мысль о Лансе Баррете вызывала в ней прилив горячего возбуждения.

– А, вот ты где, – сказала Мелани, когда Эрин выходила из туалетной комнаты. Ее невестка стояла в дверях кабинета.

– Доброе утро, – пробормотала Эрин в надежде, что Мелани не заметит на ее лице виноватого выражения.

Да что она ведет себя как последняя идиотка! Что, в конце концов, случилось? Невинные ласки, только и всего.

– Я пришла тебя спасти, – загадочно проговорила Мелани. – Я уговорила Майку позволить тебе подняться и принять настоящую ванну. А потом мы с тобой вместе позавтракаем.

– А как же генерал Баррет? Он не сочтет меня находящейся в самовольной отлучке?

– Да он, может, и не узнает, – пропела Мелани. – Его здесь нет. Пошли.

Мелани захотела помочь Эрин вытащить чемоданы и сейчас же увлекла ее вверх по лестнице, проводив в небольшую, но уютную гостевую спальню.

Комната была обставлена белой плетеной мебелью, которая приятно сочеталась со светло-зелеными стенами. Покрывало и занавески были с веселым цветочным рисунком.

В дальнем углу стояло бело – зеленое полосатое кресло.

– Ванная вон за той дверью, – сказала Мелани. – Я все проверила, но если что-нибудь упустила, покричи мне.

– Спасибо, Мелани. Все прекрасно. Я быстро.

– Из-за меня не спеши, – сказала Мелани.

– Да я не из-за тебя, а из-за мистера Баррета.

Мелани хихикнула и, закрыв за собой дверь, удалилась.

Ванна была просто божественна, и в горячей, пенной, ароматной воде она разнежилась. Она уговаривала себя не очень усердствовать сегодня со своим лицом, но в результате сделала все наоборот.

Она высушила волосы феном, искусно работая щеткой так, чтобы создать на голове художественный беспорядок. Из одежды выбрала юбку защитного цвета и хлопчатобумажную клетчатую блузку в приглушенных голубых и темно-красных тонах. На ноги надела темно-синие кожаные туфли на деревянных каблуках.

Единственным ее украшением, помимо золотых часов и бриллиантового кольца Барта, были маленькие золотые сережки-кольца. Она выглядела хладнокровной и абсолютно уверенной в себе.

Эта уверенность улетучилась, едва она услышала, когда спускалась по лестнице, доносившийся из кухни голос Ланса Баррета. Сердце ее забилось, ноги подкосились, и она инстинктивно схватилась рукой за перила.

– Эй, Ланс, это ты?

Она узнала голос Майка.

– Да.

– Тебе звонит Чарли Хиггинс.

– Иду.

Раздались торопливые шаги, он, видимо, прошел в гостиную. Что он ей скажет сегодня? А что ему скажет она? Она ни на минуту не сомневалась, что он не забыл того, что произошло между ними в ночной темноте, хотя и велел ей выкинуть все из головы. Как она может забыть те несколько прекрасных мгновений, когда она ощутила в мужских объятиях верх блаженства? При воспоминании о его ласках в ней снова оживало волнение, подобно повторным подземным толчкам при землетрясении.

Все равно рано или поздно придется встретиться с ним лицом к лицу, так почему бы не теперь? Она сделала несколько шагов по лестнице и в нерешительности остановилась на нижней ступеньке, откуда ей была видна гостиная. Ланс стоял у телефона, зажав трубку между плечом и подбородком. Он делал какие-то пометки в блокноте.

Она ожидала увидеть его одетым как накануне: серые брюки, белая рубашка – униформа всех правительственных агентов. Но ее взору предстало нечто совсем иное.

На нем были лишь короткие серые шорты и кроссовки. Больше ничего. Нагнувшись над столом и делая записи на листке, который слегка намок от его потной руки, он нетерпеливо поправлял очки, соскальзывающие со вспотевшей

переносицы. Наконец он с раздражением сдернул их вовсе и швырнул на стол, а сам продолжал отчаянно строчить.

Эрин не знала, сколько времени она стояла так, неподвижно уставившись на него, словно была загипнотизирована видом его великолепного тела. Теперь ей было ясно, откуда у него такая прекрасная спортивная форма. Если он каждое утро совершает пробежки – а, судя по его виду, дистанция была немаленькая, – то понятно, откуда такое собранное тело.

Его ноги и руки были крепкие и жилистые. Широкие плечи венчали впечатляющую грудь, покрытую светло-коричневой растительностью, сейчас превратившуюся в мокрые завитки. Эрин беззастенчиво смотрела на полоску волос, идущую от грудной клетки вниз, через плоский живот, и теряющуюся где-то под резинкой шорт. Его ровный, без контрастных участков, загар странным образом приводил ее в смущение. И в еще большее смущение приводило то, что под шортами явно угадывалась мужская сила.

– Нет, я полагаю, этого достаточно, – сказал он уверенно. – Если мне будет нужно что-нибудь еще, я позвоню. Спасибо, Чарли. С меня причитается.

Повесив трубку, он еще несколько секунд что-то записывал, после чего выпрямился в полный рост.

Он не сразу заметил, что она стоит на лестнице и смотрит на него. Откровенным взглядом он смерил ее фигуру сверху донизу и обратно. На какую-то долю секунды глаза их

встретились, и у Эрин перехватило дыхание. Она удивилась, что он быстро отвел взгляд. Где же самодовольная насмешливость, которую она приготовилась увидеть?

Она решительно вошла в комнату и остановилась перед письменным столом. Он наконец поднял глаза и посмотрел на нее ничего не выражающим взглядом.

– Вы рано поднялись.

– Вы тоже, – ответила она. – Вы всегда так начинаете свой день? – спросила она, кивая на его спортивный вид.

– Да, стараюсь каждое утро пробежать хотя бы несколько миль.

Почему он говорит такими отрывистыми фразами? Он явно не склонен заводить с ней разговор, а только из вежливости отвечает на вопросы. В его глазах она не смогла прочесть ничего из того, что ей так отчаянно хотелось знать.

– На улице не холодно?

Он пожал плечами, отчего все мышцы у него заиграли, и Эрин с усилием отвела взор от его мощного торса.

– Поначалу бывает прохладно, но я быстро разогреваюсь. Вообще-то я вышел в куртке. Оставил ее на крыльце. Ребята из того дома сказали мне, что меня спрашивал Майк.

Тыльной стороной ладони он смахнул пот с бровей и вытер руку о шорты. Движения были машинальные, и было видно, что мысли его заняты чем-то.

– Я вас обрадую: ваши показания подтверждены.

Он сказал это как бы между прочим, будто это не имело

никакого значения. Она с удивлением взглянула на него, но лицо его застыло, как маска.

– Вечером я звонил приятелю в Хьюстон, и он взялся за это дело. Что не смог сделать вчера, выяснил сейчас, утром. Теперь мы о вас знаем все, мисс О'Ши.

Он вернулся к официальному обращению, и это задело Эрин. Простой ночью, перед тем как вернуться в свое кресло, он шептал в темноте ее имя, и от этого звука ее пробирала дрожь. А он этого и не помнит.

– Мы даже знаем, что мусор у вашего дома забирают по вторникам и пятницам. Надеюсь, вы не забыли выставить его перед отъездом сюда?

Это что, такие шутки? Что-то не похоже, он даже не улыбается, подумала она. Он и на нее – то не смотрит – глаза бегают по комнате, останавливаясь то на одном предмете, то на другом. Если он и смотрел на нее, то это были лишь короткие скользкие взгляды. С того момента, как она вошла в комнату, он ни разу не взглянул ей прямо в лицо.

– И вы, конечно, можете быть свободны, – сказал он небрежно.

Почему он ведет себя так, будто между ними ничего не произошло? Почему не улыбается, не дразнит, не мучает ее? Почему не просит прощения? Почему он ничего этого не делает?

– Мне жаль, если я причинил вам неудобства.

Может быть, если бы он не сказал этой последней фразы,

она бы так и ушла, навечно озадаченная этим загадочным человеком, с которым судьба свела ее на один день в Сан-Франциско. Но именно эта небрежная фраза вывела ее из себя. Ее недоумение уступило место кипящей злости, и она обрушилась на него.

– Полагаю, все ваши поступки были продиктованы интересами дела!

Он сразу понял, на что она намекает, и Эрин увидела, что злость бывает заразительна.

– Так точно, – ответил он.

Вчера она набросилась на него за то, что он так грубо с ней обращается. Оказывается, это было только начало. Она и не подозревала, какую меру падения он ей уготовил. Глаза ее обожгли его, как раскаленные угли.

– Вы... – начала она.

– Миссис Лайман ждет вас завтракать. Она приготовила что-то необыкновенное, – сказал Майк, с улыбкой входя в комнату.

Он не дал Эрин произнести тщательно подбираемый эпитет – иными словами, ее лишили возможности осквернить слух мистера Баррета и поколебать его неприступное равнодушие.

– Мы здесь не для того, чтобы есть, – оборвал Ланс несчастного Майка, и под холодными голубыми глазами босса улыбка сползла с его лица.

– Нет, конечно, сэр, – быстро ответил он. – Только она ста-

ралась... и она говорит... – Он нервно облизнул губы. Взгляд Ланса не смягчился ни на йоту. Майк выдернул из-за пояса салфетку и спросил:

– У тебя сейчас есть для меня какие-нибудь дела, Ланс?

Ланс сделал шумный выдох и нервно запустил пальцы во все еще слипшиеся от пота волосы.

– Нет. Иди, завтракай. Я пойду в дом напротив привести себя в порядок. После этого мне надо сделать пару звонков, но если я тебе понадобится, позови. Мне потребуется не больше часа на все.

С этими словами он вышел из-за письменного стола и, не глядя на Эрин и даже не повернув головы в ее сторону, вышел. Минуту она стояла не двигаясь, ошеломленная и злая, пока не раздался смущенный голос Майка:

– Миссис Лайман вас ждет. Я, кажется, уже сыт.

Ланс запугал его своим повелительным тоном.

Ланс Баррет умел воздействовать на людей!

* * *

Мелани оказалась превосходной кулинаркой, но, отдавая должное роскошному завтраку, Эрин не переставала думать о том, что делать дальше. Она не знала, как быть.

Хотела она того или нет, она оказалась втянутой в жизнь своего брата, а он сейчас был в страшной беде. Он никогда уже не будет таким, как прежде. Либо его посадят в тюрьму

на многие годы, либо на него ляжет не меньший позор. Вчера он был для нее только именем на бумаге, надеждой, перспективой. Сегодня он стал живым человеком с реальными проблемами, и она не может отвернуться от него, единственного родного ей человека, в минуту, когда он больше всего нуждается в поддержке.

Она искала Кена, потому что ей не доставало семьи, настоящей, родной семьи. Она ожидала найти тепло и счастье, долгие часы, наполненные веселым смехом и воспоминаниями. А вместо этого оказалась в ситуации совершенно трагической. Но разве это что-то меняет? Ведь Кен Лайман не перестал быть ее братом. Семьям выпадают не одни только радости. Им достаются и печали тоже. И это, наверное, требует куда большего самопожертвования.

Она полюбила Мелани. Непосредственная и прелестная молодая женщина пробудила в ней материнскую заботу, и она сознавала себя обязанной оставаться с Мелани и поддерживать ее в это трудное время.

Решение принято. Она остается в Сан-Франциско.

Задумчиво она пила вторую чашку кофе и размышляла, почему это решение не принесло ей никакого облегчения. Она тревожится из-за своей работы? Конечно, длительные отлучки не годятся, особенно если учесть, что часто клиенты хотят иметь дело непосредственно с ней. Они доверяют ее опыту и творческому, притом безукоризненному вкусу. Иногда, соглашаясь с мнением кого-либо из ее сотрудников,

они выражают желание выслушать ее совет.

Что ж, пока что она пропустила всего несколько рабочих дней. Персонал у нее подготовлен хорошо. Они справятся. И если взять проблемы, возникающие в мире моды, то они покажутся слишком мелкими и надуманными в сравнении с теми, что обрушились сейчас на брата и его жену.

А может быть, она колеблется из-за разлуки с Бартом? Он будет на нее сердит. Он станет ныть и уговаривать ее ехать домой. И он ничего не поймет. Она по собирается докладывать о том, что натворил Кен, но выдвинет ему достаточно веские аргументы, так что такой деловой человек, как Барт, должен будет осознать резонность ее задержки в Сан-Франциско.

Убираясь на кухне после завтрака, Мелани весело щебетала. Она наотрез отказалась от помощи Эрин. Эрин несколько невпопад отвечала на вопросы и реплики Мелани – голова ее по-прежнему была занята той же дилеммой. Почему бы ей все же не остаться, пока не найдется Кен?

Она знала причину своих сомнений, но не хотела себе признаваться. Эта причина сидела где-то глубоко в углу ее сознания, и она не хотела выуживать ее оттуда. Так надежней.

Ланс Баррет.

Она не хочет оставаться здесь из-за него. Не так уж часто ей доводилось ощущать себя такой дурой. Практичные родители научили Эрии самообладанию и здоровому апломбу,

и она умела встречать превратности судьбы с высоко поднятой головой.

Тогда как случилось, что прошлой ночью она поддалась Лансу? Ей следовало сопротивляться его поцелуям всеми силами. Она должна была отвесить ему пощечину, позвать на помощь Майка, делать что угодно, только не лежать и бессмысленно отвечать на его ласки. Что на нее нашло, как это объяснить?

Со старших классов школы она была научена давать мужчинам отпор. Хотя чем старше становилась, тем труднее было это делать. Пример тому – Барт с его настойчивыми домогательствами. Никогда она не позволяла ни одному мужчине так быстро добиваться той или иной степени близости. За исключением, конечно, бедняги Джозефа. Но это совсем другое.

И все же сегодняшнее поведение Ланса ее обескуражило. Когда он ночью погасил свет в комнате, они разговаривали о том, что ожидает Кена. Он говорил без своих официальных ноток. В его голосе она слышала тревогу. Его поцелуи были поцелуями страстного любовника. Ее тело стало ему знакомым. А после жарких объятий он так взволнованно шептал ее имя...

Сегодня утром он опять превратился в холодного и безликого агента ФБР и опять командирским тоном назвал ее «мисс О'Ши». Но он не насмеялся над ней, как накануне. Он был как будто недоволен собой. Он выглядел взвинчен-

ным и озабоченным. Она не могла этого понять. Пусть она не рассчитывала, что он питает к ней действительно романтический интерес, но на какую-то реакцию все же надеялась.

Еще более неприятным было то, что она не могла себя заставить забыть его поцелуи! Этой ночью она испытала неизведанные доселе чувства. Она и не подозревала, что способна на такие ощущения. Как она теперь сможет оставаться с ним в одном городе, ведь она будет видеть его каждый раз, когда придет навестить Мелани? Ее внезапное погружение в судьбу Кена само по себе произвело на нее ошеломляющее впечатление. Если же она позволит себе увлечься Барретом, то во сто крат осложнит свою жизнь.

Вопросы и ответы беспрестанно кружились в ее голове, пока ей не захотелось кричать. Но она так ни к чему и не пришла.

Принять решение ей помог визит родителей Мелани.

Супруги позвонили в дверь поздним утром. Ланс еще не вернулся из дома напротив, и дверь открыл Майк, предварительно оглядев посетителей из-за оконной шторы в гостиной.

Сидя на диване и листая журнал, Эрин поняла, что так вот и Ланс наблюдал за ней, прежде чем открыть ей дверь. Она не забыла, как долго ей пришлось ждать после звонка.

Проведя пожилую пару в гостиную, Майк пробормотал:
– Пойду позову Ланса.

Он подошел к красному телефону и снял трубку.

– Он подойдет? О'кей. – Повесив трубку, он сказал:

– Сейчас придет.

– Мы пришли не к мистеру Баррету, и я не желаю подвергаться допросам этого человека всякий раз, как прихожу к собственной дочери.

Женщина, столь решительно осадившая Майка, по всей вероятности, была привычна делать все по-своему и не подчиняться ничьей воле. Эрин с горькой улыбкой подумала, что Ланс действительно должен был шокировать мать Мелани.

Это была невысокая женщина, судя по фигуре, позволявшая себе иной раз злоупотребить закусками на вечеринках. Волосы ее и лицо находились в безукоризненном порядке. Платье выглядело скромно, но Эрин отметила, из какого оно салона. Цена его должна была выглядеть менее скромно, из чего можно было заключить, что миссис Шарлотта Уинслоу привыкла сорить деньгами.

Говард Уинслоу обладал такой же ухоженной и банальной внешностью. Его патрицианская голова была коротко стрижена, волосы уже тронула седина. Если бы Эрин и не знала его профессии, то безошибочно угадала бы по его виду. Темно-синий костюм, белая сорочка и темный галстук свидетельствовали, что он пришел сюда прямо из банка, где занимал должность президента. Его уверенность в себе, прямой, спокойный взгляд и солидные манеры должны были внушать его клиентам, что их деньги в надежных руках.

Эрин сразу и резко невзлюбила их.

Заслышав голос матери, Мелани вприпрыжку сбежала по лестнице и теперь, задыхаясь, влетела в комнату.

– Послушай, Мелани, дай я все же договорюсь насчет тебя с парикмахером. Твои волосы просто отвратительны. Стоит ли так опускаться только из-за того, что твой муж сотворил какую-то глупость?

Слова миссис Уинслоу покоробили Эрин. Как может мать так говорить с дочерью? Особенно с дочерью, которая попала в беду?

– Извини, мама. В последнее время мне как-то не до прически, – покаялась Мелани. – Привет, пап.

– Привет, дочка. От Кена что-нибудь слышно?

– Не совсем, – сказала Мелани таинственно и улыбнулась

Эрин.

– Что? – требовательным голосом спросила миссис Уинслоу. – Его нашли? Деньги при нем?

– Нет, – грустно ответила Мелани. Ее оживление как рукой сняло. – Зато к нему кое-кто приехал. Кто-то совершенно особенный!

Она указала рукой на Эрин, которую супруги как будто не замечали, хотя прекрасно видели.

– Ну? – только и произнесла миссис Уинслоу, смерив Эрин внимательным взглядом ледяных, бесцветных серых глаз.

– Это сестра Кена, мисс Эрин О'Ши. Воцарилось тяжелое

молчание. Эрин встала поприветствовать родителей Мелани. Они посмотрели на нее как на зачумленную. Не успела она сказать и слова, как дверь открылась и показался Ланс. Все-таки он очень красив, подумала Эрин. Волосы были еще влажные после душа, чисто выбритые скулы блестели. До Эрин доносился слегка пряный запах одеколona. Такой знакомый запах...

Одного быстрого взгляда было ему достаточно, чтобы оценить ситуацию. Небрежно засунув руки в карманы брюк, он прошел в комнату.

– Добрый день, миссис Уинслоу и мистер Уинслоу. Что вы здесь делаете?

– По-моему, это очевидная вещь, Баррет, – оборвал его Говард Уинслоу. – За последние несколько дней от вас не было ни одного известия, а я требую, чтобы меня держали в курсе.

Ланс медленно вынул руки из карманов, и Эрин увидела, что они крепко сжаты в кулаки. Его тело напряглось от негодования. Только лицо оставалось неподвижным. Когда он заговорил, она поразилась его ровному тону:

– Во-первых, мистер Уинслоу, ваше положение не позволяет вам чего-либо «требовать». Пропали не ваши деньги. Они принадлежат федеральному правительству и вкладчикам вашего банка. Во-вторых, я уже говорил вам, что буду сообщать вам все новости. Пока новостей нет.

– Почему? – вскипела миссис Уинслоу. – Вам с вашей бан-

дой головорезов раз плюнуть поймать одного – единственного преступника.

– Если вы имеете в виду мистера Лаймана, то позвольте заметить, что пока еще ему не предъявлено никакого обвинения. Нам известно только то, что он исчез одновременно с крупной суммой денег. На вашем месте, миссис Уинслоу, я бы более тщательно выбирал выражения. Неизвестно, чем они могут обернуться.

От слов Ланса Эрин едва устояла на ногах. Разве прошлой ночью он не говорил ей совершенно противоположные вещи? Перед этими недобрыми людьми он защищает ее брата! Ей хотелось с благодарностью обнять его. Его неприязнь к чете Уинслоу была еще сильнее, чем ее. Она прочла это в его глазах, когда он поверх их голов посмотрел на нее.

Ровным голосом он продолжал:

– Я вижу, вы уже познакомились с сестрой мистера Лаймана.

Миссис Уинслоу засопела, но ее муж проявил несколько большую вежливость. Он сказал:

– Нас как раз представляли друг другу, когда вы вошли. Надо ли понимать, что вы являетесь кровной родственницей Кена? Мы думали, что у него нет семьи.

В его голосе звучало недоверие.

Для этих снобов происхождение, конечно, важнее всего, подумала Эрин, но спокойно ответила:

– Да, мистер Уинслоу, я сестра Кена. Мы с ним были взя-

ты из приюта в разные семьи, когда я была еще младенцем. Когда я несколько лет назад узнала о его существовании, то начала его разыскивать. И вот недавно наконец получила достоверные подтверждения того, что моего брата зовут Кен Лайман. Вчера я приехала сюда, чтобы познакомиться с ним.

Ее глаза сами собой остановились на лице Ланса, который тоже глядел на нее. Неужели никто не замечает тех волн, которые идут между ними?

– Я была поражена, когда мистер Баррет сообщил мне о том, что случилось с Кеном.

– Ну, не могу сказать этого о себе, – заявила миссис Уинслоу и перевела глаза на Ланса. – Я несколько не удивилась, когда он пропал, – добавила она со злостью. – Я никогда ему не верила. С самого первого дня.

– Мама, прошу тебя, не говори так про Кена. Он твой зять. – Голос Мелани дрожал, и нижняя губа вздрагивала.

Эрин с трудом удержалась, чтобы не подойти к ней и не защитить от злоязыких родителей.

– Это не моя вина, – огрызнулась женщина. Прищурившись, она посмотрела на дочь и погрозила ей пальцем, на котором красовалось кольцо. – Говорила я тебе, ты проклянешь тот день, когда вышла за него. И я оказалась права!

Теперь ты будешь рвать на себе волосы всю оставшуюся жизнь, независимо от того, чем все это для него кончится.

Мистер Уинслоу тоже посмотрел на дочь.

– Дело не только в том, что он был для тебя слишком стар.

Мы ничего не знали о его происхождении, о том, откуда он родом и из какой семьи. Думаю, что последние события подтвердили нашу правоту.

Эрин не верила своим ушам. Как можно так беззастенчиво грубо себя вести? Неужели они не понимают, что для нее их слова оскорбительны? Сейчас она им это объяснит!

Она воинственно шагнула навстречу парочке и только раскрыла рот, чтобы высказать все, что об этом думает, как Ланс ее остановил.

– Если не возражаете, – торопливо проговорил он, – может быть, отложим эту семейную сцену до лучших времен? Нам надо обсудить дела. И мне не хочется вам повторять, чтобы вы сюда не приходили. Если вы понадобится миссис Лайман, она может сама вас навестить.

– Вы что, запрещаете мне приходить в дом моей дочери? – От такой наглости Говард Уинслоу опешил.

– Да. Я не хочу, чтобы вы устраивали здесь парад, распугивая всех, кто может попытаться вступить в контакт с миссис Лайман. Информация может оказаться для нас слишком важной.

– Ну, знаете, я...

Реплику Шарлотты Ланс проигнорировал, будто ее и не было.

– Я работаю вместе с департаментом полиции Сан-Франциско. Если вы еще раз покажетесь на этом крыльце, я позову своих ребят и вас выдворят – учтите – силой. Уходите.

Немедленно.

Его поза и тон не допускали возражений. Остававшийся в тени на протяжении всей сцены Майк вдруг материализовался за спиной Уинслоу, как бы приготовившись выпроводить их за дверь.

Шарлотта подобралась и смотрела на него с видимой неприязнью, одновременно бросая уничтожающие взгляды на Ланса. Затем она вышла. Муж, с не меньшим высокомерием, последовал за ней. Входная дверь захлопнулась с такой силой, что стекло зазвенело.

Эрин заметила, как Ланс, очевидно, нецензурно выругался про себя. Майк направился на кухню. Мелани подбежала к Эрин.

– Эрин, мне очень жаль. Они тебя обидели, мне страшно неудобно. Не знаю, почему они такие злые! А как они говорили про Кена – просто... просто... – Она разразилась слезами и убежала наверх.

Эрин бросила взгляд на Ланса, но он этого не видел. Он сидел за письменным столом, облокотившись и закрыв лицо руками. Она кинулась вслед за Мелани.

Эрин нашла ее в слезах, распростертой на кровати. Она плакала, как девочка – подросток над несчастной любовью. Эрин утешала ее, нужные слова нашлись сами. Она не сомневалась, что все, что она говорила, не имело большого смысла, но, как бы то ни было, Мелани начала приходить в себя. Она посмотрела на Эрин широко открытыми, неверя-

щими глазами.

– Ты сказала, что останешься со мной, пока Кена не найдут?

Она всхлипнула и тыльной стороной ладони вытерла нос.

– Если ты этого захочешь, Мелани.

– Ну конечно, Эрин! Мне нужен друг, который понимал бы меня и разделял бы мои тревоги о Кене.

– Я останусь с тобой столько, сколько ты захочешь. – Сердце ее перевернулось, когда она увидела, какой радостью и облегчением озарилось заплаканное лицо Мелани. – Я найду комнату в отеле и буду от тебя на расстоянии телефонного звонка.

– Нет, Эрин. Я хочу, чтобы ты была здесь, у меня! Ты разместишься в гостевой комнате. Пожалуйста, останься здесь. Пожалуйста!

Эрин в задумчивости кусала губу. Оставаться в этом доме значило быть в постоянной близости от Ланса, но интересы Мелани были выше ее стремления держаться от него подальше. После того, как Эрин стала свидетельницей разговора Мелани с родителями, она понимала, насколько одиноко должна была себя чувствовать ее молодая невестка.

– О'кей, – согласилась она, тщательно скрывая свои колебания.

Мелани тут же принялась планировать для них всякие занятия и развлечения, но Эрин уговорила ее ненадолго прилечь и отдохнуть. Когда она уходила, Мелани лежала в по-

стели и ровно дышала, засыпая.

Ланс был в гостиной один. Он оторвался от заваленного бумагами стола и поднял на нее глаза. Впервые очки сидели на своем месте, а не красовались надо лбом.

– Как она? – спросил он. Эрин подошла ближе и опустилась в кресло напротив.

– В порядке, хотя это и странно. Сегодня я узнала, что своего ребенка можно обижать по-разному. Удивительно, как она еще не сошла с ними с ума.

– Согласен. Мы на них потратили не меньше времени, чем на работу, отбивая их дилетантские попытки делать дело, которое делаем мы. – Он слегка улыбнулся над своей неуклюжей фразой. – Я намерен держать их подальше от нее, пока мы тут не закончили.

– Правильно, – ответила Эрин.

Минуту они молчали, отчаянно пытаясь не смотреть друг на друга. Эрин знала по опыту, что на ее лице вес бывает написано как черным по белому. Все ее чувства и мысли. Это тем более опасно, что Ланс, напротив, отличался непроницаемостью.

Несколько раз оглядев комнату, он сказал:

– Вы скажете мне, когда захотите ехать, я прикажу Майку заказать для вас билет. И он, конечно, проводит вас в аэропорт.

– Благодарю вас, мистер Баррет, вы очень любезны. Но я никуда не еду.

VI

Ее слова эхом прозвучали у него в ушах и отдались в мозгу. Он постарался подавить нахлынувший прилив радости. Оставшуюся часть прошлой ночи и весь следующий день он ругал себя за то, что натворил. Он совершил на редкость глупый поступок и понимал это.

В крайнем случае можно простить себе тот, первый поцелуй. Он старался вывести подозреваемую па чистую воду, чтобы она запуталась в собственных показаниях. Но причина случившегося прошлой ночью – это исключительно плотское влечение...

Он убеждал себя, что, увидев ее при свете дня, будет недоумевать, не понимая, чем таким завлекла его эта женщина прошлой ночью. Но все вышло иначе. Стоило увидеть ее утром, как им овладело то же вожделение, заставившее каждый мускул напрячься и ощутить неприятное прикосновение одежды к коже.

Сейчас, когда он смотрел на нее, утопая в этих бездонных карих глазах, кровь с такой силой пульсировала в жилах, что ему хотелось броситься к ней через стол, заключить в объятия и целовать не отрываясь, пока она не взмолится о пощаде. Ему хотелось снова ощутить вкус ее губ, почувствовать нежность ее кожи, рассмотреть на свету то, что он целовал и ласкал в темноте.

Он мечтал снова услышать тот глубокий, низкий стон, который она издала, когда он начал целовать ей грудь. В этом звуке не было ни малейшей искусственности или наигранности – он вырвался у нее безотчетно, случайно.

Это было каким-то сумасшествием! Что случилось с его непоколебимой бесстрастностью, с его холодной рассудочностью? «Позабавился и будет», – был его принцип. Он почти убедил себя в том, что один страстный поцелуй, одно чувственное объятие – и с него довольно, но все вышло по-другому. Этого оказалось мало. Он хотел ее, жаждал всю целиком – со страстью, какой не испытывал с подросткового возраста. Так нельзя, Баррет! Нельзя!

Всякий раз, когда ее образ вновь непрошено возникал у него перед глазами, он пытался успокоить себя тем, что скоро она уедет и он снова будет вести себя разумно и прагматично. И вот она заявляет, что никуда не поедет. Проклятие! Она бросала ему вызов каждым своим поступком. И почему это он решил, что она вдруг станет кроткой и смиренной?

Он вскочил как ужаленный.

– Какого черта, мисс О'Ши!

Никак не ожидая подобной реакции, она с минуту смотрела на него широко открытыми глазами, в которых застыл немой вопрос. Она даже представить себе не могла, насколько женственно и незащитно выглядела в тот момент.

Но ее потрясение переросло в гнев. Она встала, перегнулась через стол и дала ему отпор:

– Да, я не еду. Я нужна моей невестке. Не более двух минут назад вы и сами признали это. Чем я вам здесь помешаю, мистер Баррет?

– Слишком долго рассказывать.

– Уверена, что у вас нет ни одного веского аргумента, – настаивала она.

– А мне они и не нужны, – прорычал он, снимая очки и бросая их на стол. – Если я говорю, что вы не останетесь, значит, так и будет. Я уже сказал все обоим Уинслоу – то же самое относится и к вам, мисс О’Ши.

Она выпрямилась и скрестила руки на груди, с вызовом вскинув голову.

– Вы можете как угодно меня запугивать, мистер Баррет, но хочу вас предупредить, что я не из пугливых. Даже если вы вызовете полицию, чтобы меня вышвырнули отсюда силой, я стану визжать, кричать, что меня убивают. Как, по-вашему, это подействует на Мелани? Она уже успела ко мне привязаться. Вы хотите столкнуться с двумя истеричными женщинами? К тому же я сестра Кена. Одно это дает мне право остаться.

Она обескуражила его. По тому, как он подскочил, развернулся на каблуках, рванул узел галстука и шагнул к окну, она поняла, что победила. Однако, рассудив, что важно не переусердствовать, она замолчала, ожидая его слов.

– Если вы сделаете что-то, что поставит под угрозу успех операции, вам тут же придется отсюда убраться.

Он все еще стоял к ней спиной и, не услышав ответа, был вынужден обернуться. Она кивнула.

– Развлекайте миссис Лайман, старайтесь отвлечь ее от мыслей о муже и держитесь подальше от меня.

Она была уязвлена его самонадеянностью, но решила попридержать свой острый язычок.

– Я сделаю все возможное, – ровным тоном ответила она.

– А как же с этим Билли Бобом или как там его? Не будет он шуметь, чтобы вы возвращались в Хьюстон?

Ей стоило большого усилия сдержать свой гнев. Имя Барта ему прекрасно известно. Он никогда ничего не забывал и не пропускал мимо ушей.

– Барт, – ядовитым тоном подсказала она, а потом добавила:

– Да, он, конечно, будет волноваться. Мне придется позвонить и предупредить его, что задержусь здесь еще на некоторое время, – Она перевела дух. – Если это все, генерал, разрешите приступить к выполнению своих обязанностей.

Сжав губы в узкую полоску и буравя ее ледяным взглядом, он угрожающе пошел на нее.

– Вам, мисс О'Ши, все это может показаться веселой игрой, но, уверяю вас, вы ошибаетесь. И я не потерплю, чтобы мне хамили – даже если эти слова слетают с такого прелестного язычка, как ваш.

Он перевел взгляд на ее губы, явно собираясь что-то доба-

вить, как вдруг его тяжелый взор потеплел, превратившись в немую мольбу. Эрин заметила, что он лихорадочно сжимает и разжимает вытянутые по швам руки. Его глаза скользнули вверх по ее лицу – от губ к носу, скулам и, наконец, к глазам. И она растаяла под его пламенным взором.

Этот момент был наполнен такой страстью и подавленным сексуальным влечением, что оба задрожали от захлестнувших их чувств. В памяти обоих вдруг снова всплыл эпизод, о котором следовало забыть, но который, как всякий запретный плод, был для них особенно сладок.

Наконец Ланс заставил себя оторвать взгляд от ее лица, вернулся к столу и, беззвучно выругавшись, плюхнулся на стул.

– А теперь, как мы договорились, оставьте меня в покое. Мне надо работать.

Ничего не ответив, она вышла из комнаты. Но если бы она обернулась, то заметила бы страстное томление, ясно читающееся в его глазах.

Ей не составило труда привыкнуть к установленному в доме распорядку. Чтобы связаться с агентством, она воспользовалась телефоном, стоящим в спальне у Мелани.

– Добрый вечер! «Спотлайт» слушает, – ответил бодрый голос. Эрин засмеялась.

– Я и забыла о разнице во времени. Так в Хьюстоне уже вечер?

– Наконец-то вы объявились! – радостно воскликнула ее

секретарь Бетти. – Так вы нашли, кого искали? – с жаром поинтересовалась она.

Еще до того, как Ланс предупредил ее, чтобы она никому не говорила об исчезновении Кена, Эрин решила не взваливать на друзей свои проблемы. Поэтому она ответила:

– Да, он нашелся. Точнее говоря, я нашла тут его жену, которая приняла меня с распростертыми объятиями. А Кен вернется домой через несколько дней.

– Вы хотите сказать, что он еще даже не знает, что вы у него есть?

– Ну да. Мы хотим сделать ему сюрприз. – Эрин поспешила перевести разговор на другую тему:

– Как у вас дела? Какие-нибудь крупные неприятности были в мое отсутствие?

– Только мелкие проблемы, и нам удастся с ними справиться. Так что можете спокойно отдыхать.

– Бетти, возможно, я пробуду здесь дольше, чем рассчитывала. Надеюсь, вы и все остальные сотрудники будете работать так, словно я с вами. Я уверена, что вы справитесь. Но если возникнут какие-нибудь вопросы или произойдет что-то непредвиденное, обязательно со мной свяжитесь.

Помолчав, Бетти спросила:

– Вы правду говорите, что у вас все нормально?

– Ну конечно, – соврала Эрин. Она дала секретарше телефон Мелани, осведомилась, какая у них погода и как здоровье коллег, после чего попрощалась и повесила трубку.

Распаковывая чемоданы в комнате для гостей, она спросила себя, правильно ли поступает. Может, ей стоит уехать в Хьюстон, вернуться к своей работе и забыть обо всем, что случилось со времени ее приезда в Сан-Франциско? И покачала головой. Нет, она не может бросить брата и Мелани сейчас, когда только что их нашла. И у нее есть перед невесткой определенные обязательства, пренебрегать которыми она не имеет права, с какими бы неприятными чувствами – в том числе и от общения с Лансом Барретом – они бы не были сопряжены.

Остаток дня они с Мелани провели в компании друг друга, без умолку болтая о Кене. Мелани было многое известно о его жизни до знакомства с нею, из чего Эрин сделала вывод, что их брак был счастливым. Но это никак не вязалось с тем, что он вдруг похитил крупную сумму денег и сбежал, не сказав ей ни слова на прощанье. Этот поступок Эрин, как ни силилась, никак не могла объяснить.

Они гуляли по патио и по саду за домом. Мелани не без основания гордилась своими цветами. Она подходила к каждому растению, сообщала Эрин его название, поясняя, когда его необходимо обрезать, чем удобрять и как часто поливать. Эрин заметила, что весной, когда все цветет, здесь должно быть безумно красиво, и Мелани вся засветилась от удовольствия.

Эрин казалось удивительным, что эта молодая женщина, которая выросла среди роскоши, решила пренебречь излюб-

ленным образом жизни своих родителей – загородными клубами и зваными обедами – и находит такое удовольствие в приготовлении еды и уходе за домом и садом.

В тот вечер Мелани испекла потрясающий пирог, который они ели прямо на кухне. Ланс и Майк вежливо отказались от ее приглашения присоединиться, несмотря на приведенный довод, что на двоих еды слишком много.

Эрин не видела Ланса почти до полудня следующего дня и столкнулась с ним чисто случайно. Она никак не могла застегнуть платье. В молнию на спине попала прокладка, и, как она ни тянула за язычок, он не двигался с места. Она решила обратиться за помощью к Мелани и, выйдя в коридор, нос к носу столкнулась с Лансом.

– Ой! – воскликнула она и попятилась к стене, чтобы прикрыть обнаженную спину.

– Привет, – сказал он, не менее смущенный этой неожиданной встречей.

– Привет.

– А я вот собираюсь, по просьбе миссис Лайман, лампочку вкрутить.

– А-а... – Эрин чувствовала себя ужасно глупо, стоя спиной к стене, не в состоянии двинуться с места, чтобы свалившееся с плеч платье не выдало ее дурацкого положения.

– Она внизу, на кухне, – невпопад сказал Ланс. От смущения вертикальная морщинка у него между бровей стала еще глубже.

– Я, пожалуй, пойду к ней. С вашего разрешения, мы ненадолго отлучимся. Она хочет свозить меня на Рыбацкую пристань.

– Значит, пожелали осмотреть местные достопримечательности? – насмешливо спросил он.

– Ничего я не пожелала, – вскипела она. – Это Мелани хочет мне их показать. И я уверена, что ей будет полезно хотя бы ненадолго покинуть этот мрачный дом, которому ваше присутствие несколько не придает веселья.

– А я здесь не в качестве придворного шута! Или вы забыли, что привело меня сюда?

Она тут же пожалела о своей вспыльчивости. Он же на работе: ему надо держать в уме миллион деталей, а в гостиной беспрестанно звонит красный телефон. И не стоит создавать ему лишнюю головную боль.

– Нет, я, конечно, не забыла, – сказала она примирительно. – Так ничего, если мы поедем?

– Ничего, – обреченно вздохнул он.

Она взглянула на него и застыла, замороженная магнетизмом его глаз, которые, казалось, заглядывали прямо в душу. Она вовремя подавила внезапный порыв протянуть руку и дотронуться до ямочки у него на подбородке. С чем она не могла справиться, так это с отчаянным биением сердца. Она быстро повернулась и шагнула прочь, но тут прохладный воздух, коснувшийся ее оголенной спины, напомнил ей о злополучной молнии. Она снова попятилась к стене.

– Что, черт побери, случилось? – осведомился он.

Таиться дальше не было никакого смысла. Надо было объяснить свое странное поведение – не стоять же так целый день.

– У меня что-то с молнией. Я как раз хотела попросить Мелани мне помочь.

Уголки его губ дрогнули в усмешке. Продолжая улыбаться, он прислонился плечом к стене в нескольких дюймах от нее и заговорил голосом героя – любовника, манерно растягивая слова:

– Она занята, а я, напротив, свободен. Свободен – и готов помочь.

– Нет...

– Давайте разберемся, в чем проблема.

Не успела она возразить, как он повернул ее к себе спиной. Она густо покраснела, осознавая, что сзади совершенно обнажена. Поскольку платье было с подкладкой, она не надела комбинации. Он видел сейчас ее голую спину, пересеченную узкой полоской лифчика. Молнию заело у самых ягодиц, прикрытых одними лишь колготками.

Она вздрогнула, почувствовав, как его руки скользнули ей под платье и легли на бока чуть ниже талии. Теплые пальцы приятно касались кожи.

Какое-то мгновение они стояли не двигаясь, в полной тишине, нарушаемой только стуком их сердец – таким громким, что каждый был уверен, будто он слышен другому. Сна-

чала Эрин думала, что мягкие, чувствительные движения его пальцев ей просто почудились, но потом она ясно ощутила их кожей живота. Наконец одна его рука пристроилась сбоку повыше талии – близко, так мучительно близко от ее груди. Другая забралась ей под колготки и нежно поглаживала живот в районе пупка.

«Не прикасайся к ней! – скомандовал себе Ланс, но его руки отказывались повиноваться. – Это сумасшествие! Ее любовник богат, как Крез, а ты... – Но, Боже, какое наслаждение ласкать ее. – Не надо, не мучай себя». Сделав над собой усилие, он вернул руки на то место, откуда они начали свое захватывающее путешествие.

– Подойдите поближе, – хрипло попросил он. Она чуть попятилась назад и почувствовала, как он легкими рывками пытается высвободить молнию. Наконец ему это удалось. Пальцами, которые, казалось, отказываются повиноваться, он застегнул платье.

– Спасибо, – смущенно пробормотала она, почувствовав, что молния застегнута.

– Минуточку, – сказал он, кладя руки ей на плечи. – Здесь еще какая-то застежка.

Он привлек ее поближе к себе и склонился над нею, чтобы продеть крошечный крючок в петельку величиною с игольное ушко.

Она чувствовала, как теплые пальцы касаются ее шеи, а его чистое дыхание колышет волосы у нее на затылке. Он

уже справился с крючком, но она стояла не двигаясь.

Он тронул ее стройную шею пальцами обеих рук. Сначала она попыталась уклониться, но поддалась искушению и прильнула к нему. Не контролируя себя, она прижалась ягодицами к его крепким бедрам.

Он заговорил, касаясь губами ее уха:

– Вы всегда так удивительно пахнете?

Его большая рука обвила ее талию и устроилась на животе, почти целиком прикрыв его. Медленным, ровным, неумолимым движением он притиснул ее к себе.

Она скорее почувствовала, чем услышала его прерывистое дыхание, одновременно ощущая мощный призыв его плоти. «О, Господи, – подумала она, – я не должна позволять...»

– Эрин, ты готова? – громко позвала из-под лестницы Мелани.

Они отпрянули друг от друга. Эрин постаралась прийти в себя и ответила неровным, срывающимся голосом:

– А... да, я сейчас спущусь.

– Хорошо, я жду в машине.

Щеки Эрин зарделись от смущения.

– Спасибо, – не в силах посмотреть Лансу в глаза, пролепетала она, уставившись в ковер.

Заговорщически подмигнув, он склонился к ней и, касаясь губами уха, прошептал:

– Мне это доставило удовольствие. Ей не оставалось ни-

чего больше, как сбежать вниз по лестнице.

* * *

В любое другое время Эрин пришла бы в восторг от бьющего через край оживления наполненной многоязыкими и разноплеменными толпами Рыбацкой пристани. Они с Мелани бродили по пирсу, любуясь пейзажем, внимая звукам, ловя запахи. Мелани знакомила ее с достопримечательностями города. Эрин была потрясена видом заброшенного острова Алькатрас. Тюрьма с ее блеклыми зловещими стенами возвышалась над голубой гладью залива, как уродливый бетонный Левиафан. Громада «Золотых ворот» далее на расстоянии внушала благоговейный трепет своими размерами. Мелани сыпала цифрами, как заправский экскурсовод.

Они не могли устоять перед завораживающими запахами, исходящими от прилавков со всякой снедью, и купили по картонному стаканчику с креветками, только что извлеченными из кипящей, приправленной специями воды. Мелани и Эрин с аппетитом набросились на еду, а потом, решив, что этого мало, взяли еще по порции. Осудив себя за такую неводержанность, они вскоре поддались новому соблазну.

Мелани потащила Эрин по круто уходящему вверх переулку к площади Жирардели. Они прошлись по нарядно украшенным магазинам и, еще испытывая чувство сытости от недавно съеденных креветок, купили себе по порции суфле.

У Эрин был так набит живот, что она едва могла дышать. Еще пару недель в Сан-Франциско – и она возвратится домой этакой пышкой.

– Как ты думаешь, не стоит ли мне вернуться и купить то платье? – задумчиво спросила Мелани, доедая суфле. Платье ей посоветовала примерить Эрин в одном из магазинчиков, где они были.

– Мадам, оно как будто для вас сшито, – прогнусавила Эрин, передразнивая продавщицу, и обе они расхохотались.

– Ладно, – сказала Мелани, поднимаясь из-за столика. – Пойду и куплю его. Ты меня уговорила.

И они повернули обратно к магазину, прокладывая себе путь через толпу гуляющих. Вдруг внимание Эрин привлекла группа уличных актеров.

– Если ты не против, – сказала она Мелани, – я подожду тебя здесь и посмотрю на их выступление.

– Ну, конечно, я мигом, – бросила на ходу Мелани и скрылась в толпе.

Эрин была настолько поглощена талантливой игрой актеров, что не заметила стоящего рядом мужчину, пока тот не сказал:

– Правда, здорово играют?

Она подняла глаза на его дружелюбное красноватое лицо, выдававшее в нем англичанина.

– Да, здорово, – ответила она с улыбкой.

– Вы живете в Сан-Франциско? – вежливо осведомился

ее собеседник, по-английски отрывисто произнося слова.

– Нет, я из Хьюстона, штат Техас. А вы, видимо, тоже турист, как и я?

Он хмыкнул.

– Признаю себя виновным. Мы здесь, наверное, очень выделяемся.

– Откуда вы? – спросила Эрин.

– Из Кента. На самом деле это мое второе посещение... колоний. – Он располагаяще улыбнулся, и Эрин расхохоталась. – Но в Калифорнии я впервые, хотя...

Его грубо прервал человек, протиснувшийся между ними и больно схвативший Эрин за руку.

– Извините, старина, – прорычал Ланс голосом, который никак нельзя было назвать доброжелательным.

Эрин даже не успела пожелать англичанину приятного времяпрепровождения и благополучного возвращения на родину, как Ланс потащил ее прочь сквозь толпу. Он грубо расталкивал окружающих, а ей оставалось лишь смущенно бормотать слова извинения, замечая, как люди бросают в их сторону неодобрительные взгляды. Ланс вел себя демонстративно и, похоже, даже не стеснялся.

– Какого черта вас сюда занесло? Где миссис Лайман? – раздраженно осведомился он, оттащив ее в сторону.

С каждым новым вопросом он все сильнее стискивал ей руку, так что в конце концов она чуть не взвыла от боли.

– Я ничего вам не скажу, пока вы не выпустите мою руку, –

сказала она.

Он уставился на свою кисть, сжимающую ей руку пониже плеча, как будто только сейчас заметил, что держит ее.

– Ладно, – пробасил он, отпуская Эрин. – Где миссис Лайман?

– В магазине, покупает себе платье, – сказала Эрин, потирая онемевшую руку. – Она его примерила и повесила на место, а потом решила вернуться за ним. А я ее ждала.

– Кто тот мужчина, с которым вам было так весело?

Его взгляд был так же холоден, как и тон, которым он задал этот вопрос.

В темных глазах Эрин сверкнула обида.

– Я не знаю! – вскричала она. – Просто мужчина! Очень приятный, дружелюбный человек. Не то, что вы, – добавила она язвительно.

– Вам следовало бы умерить свой сарказм, мисс О'Ши. Я был резок оттого, что беспокоился. Вас так долго не было. И тут звонит Кларк и заявляет, что потерял вас в толпе.

– Так вы еще и следили за нами! – с возмущением воскликнула она. – По какому праву...

– Ради безопасности миссис Лайман.

– Какого черта!

Вдруг Эрин увидела Мелани, которая направлялась к ним, на ходу болтая с каким-то мужчиной, который при ближайшем рассмотрении оказался никем иным, как Майком. Вид у него был виноватый.

– Я ее нашел, – зачем-то сказал он Лансу.

– Вижу, – сухо ответил тот.

Эрин прочла в его глазах осуждение, и ей стало жалко незадачливого молодого человека. Одна Мелани, которая, казалось, не замечала висевшего в воздухе напряжения, беззаботно щебетала, пока они шли к машине Эрин.

– Мы припарковались на той стороне улицы, – сказал Ланс, открывая ей дверь. – Вы поезжайте вперед, а мы – за вами.

– Слушаюсь, сэр! Как прикажете, сэр. – Она шутя отдала ему честь и почувствовала злорадство оттого, что его перекосила гримаса гнева. Он с досадой захлопнул дверцу.

Чтобы еще больше насолить ему, Эрин попросила у Мелани показать ей кратчайшую дорогу домой. Она пролегла по улице Ломбард – наверное, самой извилистой улице в мире, где на каждый квартал приходилось не менее семи поворотов. Впрочем, их «мерседес» легко справлялся с ним – чего нельзя было сказать об автомобиле Ланса.

Почувствовав первые спазмы в желудке, Эрин приписала их своему давешнему обжорству. Последовавшая затем стычка с Лансом тоже не способствовала спокойствию, необходимому для нормального пищеварения. Сославшись на усталость, она ушла спать, ничего не сказав Мелани о своем недомогании.

Эрин долго ворочалась, пока наконец не задремала, но за полночь была разбужена острой болью в животе. Боль отда-

валась во всем теле; ее прошиб пот. Когда она, откинув одеяло, пошатываясь пошла в ванную, ей показалось, что ее конечности налиты свинцом. Она едва успела включить свет в ванной и откинуть крышку унитаза, как ее вырвало.

Она не могла припомнить, чтобы когда-нибудь ее так сильно тошнило. Казалось, это длится вечность. Каждый новый позыв отдавался болью в животе, у нее перехватило дыхание. Жар поднимался вверх по спине, обволакивал шею и голову, плавил мозги, обжигал уши. А затем се стала бить дрожь. Она вся покрылась потом, ночная рубашка прилипла к телу, как мокрые водоросли.

В конце концов, после того как ее полностью вывернуло наизнанку, она умыла лицо и, не в силах выпрямиться, буквально поползла в постель. Она рухнула на кровать, с облегчением решив, что уже извергла из себя все остатки пищи, явившейся причиной ее болезни. Но не тут-то было. Всего несколькими минутами позже она с ужасом почувствовала, что ее опять тошнит. По дороге в ванную она врезалась в дверь, которая со всего размаху ударилась об стену. Ее все еще рвало, когда она обнаружила у себя за спиной бледную и испуганную Мелани.

Когда Эрин снова смогла поднять голову, Мелани уже не было. Эрин, пошатываясь, вернулась в комнату и в изнеможении упала на постель. Громкий звук заставил ее вздрогнуть и поднять голову: дверь спальни с грохотом распахнулась, и на пороге возник Ланс. Глаза его тревожно горели,

волосы были растрепаны. Он даже не надел рубашки, джинсы были натянуты впопыхах – он успел поднять молнию, но забыл застегнуть верхнюю пуговицу. На ногах у него были кроссовки с развязанными шнурками, волочащимися по полу. Из-за спины выглядывала Мелани в розовой ночной сорочке – испуганная и трясущаяся.

Ланс подскочил к кровати и склонился над Эрин, положив ладонь ей на лоб. Лицо его утратило сдержанное и строгое выражение: он шарил глазами по ее телу, пытаясь отыскать следы того, что причиняло ей боль.

– Эрин, что случилось?

Не может быть, чтобы это был Ланс. Наверное, это кто-то похожий на него. Его голос никогда не был наполнен такой добротой и таким участием. И он назвал ее Эрин, а не мисс О'Ши. Ей нравилось, как он произносит ее имя. О чем он ее спрашивал?

– Я... я не знаю. – Ее голос был слабым и хриплым. Она глубоко вздохнула и собралась с силами, но их хватило лишь на шепот. – Боюсь, я вчера переела. А может быть, креветки были несвежие. Я не... – Она схватилась за живот и скорчилась от боли – начались новые спазмы.

– А, черт! – выругался он вполголоса и распорядился:

– Миссис Лайман, срочно вызовите врача. Это не простое отравление. Если он не сможет сейчас же приехать, найдите того, кто смог бы.

– Он наш хороший приятель и обязательно приедет, – с

волнением отозвалась Мелани.

Эрин казалось, что ее голос доносится откуда-то с дальнего конца туннеля. Она почувствовала, что к горлу снова подступает тошнота, и зажала рот ладонью. Тогда Ланс откинул одеяло и поднял ее на руки, держа одной рукой за спину, а другой подхватив под колени. Он отнес ее в ванную и осторожно опустил на пол перед унитазом. Не успела она почувствовать смущение, как ее снова стошнило.

Наконец, она выпрямилась и прислонилась к стене. Осторожно поддерживая ее за талию, Ланс сказал:

– Ну вот. Теперь прополощите рот – только не глотайте.

Лязгая зубами о стакан, она набрала в рот зеленоватой жидкости и, прополоскав его, выплюнула в раковину. Как она теперь сможет посмотреть в глаза этому мужчине? Неужели он запомнит ее такой? Но сейчас она была не в состоянии об этом думать, а могла только цепляться за него, как цепляются за окружающие предметы побегии плюща, борясь за выживание.

Он бережно положил ее на кровать и накрыл одеялом, присел на краешек постели и принялся нежно убирать у нее со лба мокрые от пота пряди. В этот момент в комнату вбежала Мелани.

– Сейчас он будет здесь! Он живет всего в квартале отсюда. Ну что, ей лучше?

– Кажется, – услышала Эрин голос Ланса. – Идите на кухню, наполните льдом пластиковый пакет и принесите мне.

Эрин не помнила, как ушла и вернулась Мелани. Ей показалось, что уже через мгновение Ланс произнес:

– Если вы снова почувствуете приступ тошноты, я положу вам на горло лед. Это должно помочь.

Она слабо кивнула, но не смогла открыть глаз. Веки казались ужасно тяжелыми. Она лишь вцепилась в руку Ланса, как будто удержать его подле себя было для нее сейчас вопросом жизни и смерти.

Наверное, Эрин заснула, потому что следующее, что она помнила, – это похлопывание по плечу и слова, произнесенные незнакомым голосом:

– Мисс О'Ши, мисс О'Ши! Если уж из-за вас в два часа ночи человека вытаскивают из постели, так его надо хоть надлежащим образом поприветствовать.

Склонившееся над ней лицо оказалось таким же приятным, как и этот спокойный, ласковый голос. У доктора были седые волосы и выцветшие голубые глаза.

– Как вы себя чувствуете? Больше не тошнит?

– Кажется, нет.

– Мне сказали, что у вас были боли в животе. Сейчас живот не болит? – Он откинул одеяло и принялся ее ощупывать.

Подумав немного, она ответила:

– У меня в желудке уже ничего не осталось. Иногда начинаются новые спазмы, но уже не такие сильные, как раньше.

– Ничего, ничего. Там уже действительно нечему болеть, –

улыбнулся доктор. Он измерил давление, пощупал пульс и засунул ей в рот градусник. – А теперь еще несколько вопросов. Кивком головы отвечайте мне «да» или «нет». У вас нет каких-нибудь хронических заболеваний кишечного тракта?

Нет.

– А язвы желудка?

Нет.

– В рвоте не было крови?

Нет.

– Вы не беременны?

По какой-то необъяснимой причине она перевела взгляд на Ланса, стоявшего у нее в ногах. Он надел рубашку, но застегнуть ее не успел.

– Ну так как же? – переспросил доктор.

Нет.

– Вы не принимаете какие-нибудь лекарства, например, противозачаточные таблетки?

Она хотела было сказать «нет», но вовремя вспомнила про антибиотик.

Да.

– Я сейчас их принесу, – сказал. Ланс, направляясь в ванную.

Доктор достал у нее изо рта термометр.

– Температура нормальная, далее пониженная, – сказал он со смешком.

– У меня всегда такая, – сказала Эрин, слабо пытаюсь

изобразить на лице улыбку. – А как вас зовут?

– Эндрю Джошуа.

– Спасибо вам, – собрав все оставшиеся силы, прошептала она.

Он ласково похлопал ее по руке.

– Вот выздоровеете, тогда будете благодарить.

Он взял из рук Ланса пузырек с таблетками, достал из нагрудного кармана очки в серебряной оправе и прочел этикетку.

Эрин посмотрела на Ланса. Он стоял, засунув руки в карманы джинсов, и смотрел на нее со своего поста в ногах кровати. Во время осмотра ей даже и в голову не пришло задать себе вопрос: почему он здесь? Просто ей было приятно, что он рядом. В этот момент ей почему-то пришло в голову, что морщинка у него между бровей находится точно на одной линии с ямочкой на подбородке. Он улыбнулся короткой сдержанной полуулыбкой, и ей показалось, что теплота, светившаяся у него в глазах, согрела ей лицо. Ей хотелось забыть о том, как ужасно, должно быть, она сейчас выглядит.

Мелани по –прежнему не было видно.

– А-а, пенициллин, – протянул доктор Джошуа. – Зачем вы его принимаете?

– У меня была простуда.

– Когда вы простудились?

– На прошлой неделе. Кажется, во вторник.

– И вы, точно следуя предписаниям, принимали три таб-

летки в день?

– Позавчера я пропустила один прием. – Она бросила взгляд на Ланса.

– Вы ее приняли позднее или так и не стали принимать?

– Я не стала ее принимать.

– Тогда, сделайте одолжение, не принимайте их больше. Я считаю, что у вас была аллергическая реакция на это лекарство. Это очень хорошие таблетки, но, как вы знаете, для человека, подверженного аллергии, даже что-то хорошее может стать смертельно опасным.

– Но я всю жизнь принимаю пенициллин, – возразила Эрин.

– Это новая, синтетическая его разновидность. Ваш организм почему-то ее отвергает.

– Откуда мне было знать, – пробормотала Эрин, – Теперь знайте. Когда вернетесь домой, проинформируйте об этом своего врача. Я напишу заключение и отдам вам. А как теперь ваша простуда?

– Последние два дня она меня не беспокоит.

– Хорошо. Тогда я сделаю вам укольчик, чтобы вы уснули и больше не чувствовали ваших спазмов. Еще я вам дам противорвотное средство, но сомневаюсь, что вас опять будет тошнить. Пока не появится аппетит, ешьте что-нибудь легкое. – Ей было противно даже упоминание о пище, и доктор Джошуа засмеялся выражению ее лица. – Впрочем, уверен, что в ближайшее время вам есть не захочется!

Доктор сделал ей укол в руку, рассуждая об игре «Хьюстон Ойлерз» в последнем сезоне. Сунув использованную ампулу в черный чемоданчик, он сказал:

– Если вы ко всему прочему не хотите заработать сложную форму пневмонии, вам нужно встать и дать перестелить постель. Кроме того, наденьте сухую ночную рубашку.

Она попробовала было сесть, но мышцы ее не слушались, и опять заболел живот.

– Извините. – Она судорожно вздохнула и упала на подушки.

В какую-то долю секунды Ланс оказался возле нее. Он взял ее на руки и понес в ванную, а доктор пошел вниз звать Мелани, чтобы та перестелила постель. В ванной Ланс посадил Эрин на стул возле туалетного столика.

– Я принесу другую ночную рубашку. Попросить миссис Лайман вам помочь?

Она покачала головой.

– Я смогу переодеться сама, вы только просуньте свежую рубашку в дверь. Она лежит во втором ящике комода, сверху. – Эта речь при всей своей краткости ужасно утомила ее.

Когда Ланс вышел, она спустила бретельки ночной рубашки и сняла ее с плеч, потом стянула с бедер и, не вставая, перешагнула через нее.

– Возьмите, – проговорил Ланс из-за двери, просовывая в щель свежую ночную сорочку. – Дотянетесь?

– Да, – поспешно ответила Эрин и представила себе, что

было бы, если бы не смогла. Она густо покраснела – на этот раз не от болезни, а оттого, что точно знала, что именно он бы сделал. Она влезла в рукава рубашки и попыталась застегнуть ее. Но пальцы были точно ватные, и задача показала ей равносильной подвигам Геракла.

– Позовите меня, когда будете готовы, – донесся его голос из-за двери.

– Я уже почти... Я только... – пролепетала она.

Он вошел и сразу посмотрел на ее висащие... как плети... руки. На лице его появилось выражение бесконечной нежности, и он опустил перед ней на колени.

Он мигом застегнул на ней рубашку от ворота до коленей, словно боясь даже на секунду затянуть этот процесс.

Дойдя до последней пуговицы, он вдруг остановился. И через секунду уже прижимался щекой к ее голому колену, а его руки сзади гладили ее икры. Ей захотелось протянуть руку и дотронуться до его гладких блестящих волос, которые нежно касались ее кожи, но она не могла собраться с силами. А его ладони в это время двигались вверх по ее ногам, массируя ослабевшие, беспомощные мышцы.

Прежде чем застегнуть последнюю пуговицу, он поднял голову и быстро поцеловал ее в колено. Потом взял ее на руки и отнес в спальню – именно в тот момент, когда она уже начинала мечтать о том, как эти сильные руки обнимут ее и прижмут к мускулистому телу.

Доктор и Мелани все еще перестилали постель, тихо пере-

говариваясь. Укол уже начал действовать: она почувствовала сонливость, и, когда Ланс сел в кресло, держа ее на руках, она свернулась калачиком и положила голову ему на грудь.

По всему ее телу разлилась приятная истома. Она чувствовала, как ритмично вздымается его грудь; выбившиеся из-под незастегнутой рубашки волоски щекотали ей нос. Она уютно устроилась у него на коленях, и ее рука, скользя ему под рубашку, удобно легла на курчавые жесткие завитки.

Она сама не почувствовала, как инстинктивно отыскала пальцами маленькую нежную плоть соска, затерявшегося среди густых волос, не ведая о том, какое удовольствие доставило Лансу это интимное прикосновение. Без всякого намека с его стороны она исполнила одно из его потаенных желаний. Рука Ланса последовала за ее рукой и, проникнув под рубашку, накрыла маленькую ладонь, прижав ее к груди, словно желая, чтобы она стала частью его собственной плоти.

А потом ей почудилось, будто он зарылся лицом в ее волосы. Слова, произнесенные шепотом, трудно было разобрать, но они были полны подлинного чувства. А уж прикосновение губ к ее лбу точно были частью сна. Однако чем бы это ни было – сном или явью – ей хотелось, чтобы так продолжалось вечно, и она стала тихо протестовать, бормоча что-то бессвязное, когда Ланс встал и понес ее к кровати.

Он заботливо укрыл ее одеялом, и она услышала, как док-

тор Джошуа сказал:

– Пусть она спит столько, сколько захочется.

– Но она поправится?

Неужели этот исполненный тревоги голос принадлежит Лансу? Конечно же, ему. Ведь в комнате, кроме него и доктора, других мужчин нет.

– Не волнуйтесь. Все будет хорошо. Правда, завтра еще будет чувствовать себя неважно, но послезавтра дела пойдут на поправку. Если нет – вызовите меня.

Эрин слышала, как они попрощались, и сквозь полуприкрытые веки видела, как гасили свет. Но из комнаты ушли не все. Кто-то вернулся к ее постели. Этот кто-то взял ее руку и прижал к грубой щетинистой щеке, а затем поднес к губам и запечатлел на ее ладони долгий горячий поцелуй.

Хотелось бы узнать, кто это был, но она не смогла заставить себя проснуться.

К тому же не исключено, что все это ей просто снилось...

VII

Судя по положению солнца за окном, Эрин проснулась во второй половине дня. Она лежала неподвижно, ожидая очередного спазма в желудке, но его не последовало. Из болезненных ощущений сохранились только слабость во всем теле и боль в мышцах.

Повернувшись на бок, она увидела, что кто-то предусмотрительно поставил на тумбочку возле кровати ведро со льдом. Она открыла его, вынула оттуда два кубика и положила на сухой саднящий язык. Не успел лед растаять, как она снова погрузилась в сон.

Вечером, когда небо окрасилось в багряные тона, ее разбудило звяканье посуды. Она повернулась и увидела входящую в дверь Мелани с подносом в руках.

– Наконец-то ты проснулась! – радостно воскликнула Мелани. – А мне уж начало казаться, что ты проспишь целую вечность. Но мистер Баррет сказал, чтобы я ни в коем случае тебя не будила.

– Мелани... – прохрипела Эрин. Что случилось с ее голосом? Она откашлялась и начала снова. – Мелани, мне очень стыдно, что я доставила тебе столько хлопот.

– Эрин, пожалуйста, не обижай меня своими извинениями. Ты не виновата, что заболела.

– Но тебе пришлось поволноваться из-за меня. Будто у

тебя своих волнений не хватает.

Она попыталась сесть, но ей удалось лишь повыше вползти на подушки.

Мелани поставила поднос на стол.

– Если уж кому извиняться, так это мне. – Она опустила глаза. – Прошлой ночью я ничем не могла тебе помочь. С детства я испытываю ужас перед болезнью. Когда я оказываюсь рядом с больным, мне начинает казаться, будто у меня появляются те же симптомы. Прости меня за то, что, когда ты так нуждалась в моей помощи, я тебя бросила.

Эрин взяла Мелани за руку.

– Я была слишком занята, чтобы это заметить, – сказала она и попыталась улыбнуться. – А сейчас мне гораздо лучше.

– О, я так рада! Мистер Баррет сказал, что ты захочешь крекеров и чая. Он ведет себя так странно. А знаешь, что он сделал ночью? Он заявил доктору Джошуа, что ты его жена. Я ничего на это не сказала. Зачем? Как вспомнишь его свирепый взгляд – ты его знаешь – и уже соглашаешься со всем, что он говорит. – Мелани не заметила, что в этот момент лицо золовки стало еще белее прежнего, и продолжала:

– Он сказал, что сейчас у тебя совсем пустой желудок... А ты сможешь что-нибудь съесть? Тебя не... стошнит? – с тревогой спросила она.

– Не знаю, – ответила Эрин. Мысль о еде по-прежнему вызывала у нее отвращение. К тому же после слов о Лансе желудок ее встревоженно заурчал. Но надо было избавиться

от болезненной слабости. – Я буду есть понемногу.

Мелани села у нее в ногах, и, пока она о чем-то рассказывала, Эрин удалось проглотить два крекера. Потом она сделала несколько глотков остывшего чая, чтобы промочить горло.

– Сегодня весь день звонит красный телефон. Кажется, что-то происходит, но мистер Баррет почему-то молчит.

– Может, пока ему еще нечего сказать.

Эрин старалась утешить невестку, которая выглядела сейчас так беспомощно и растерянно. Эрин снова извинилась перед ней за то, что в данный момент не может оказать ей никакой реальной помощи.

– Ты должна выздороветь к тому времени, как вернется Кен, – сказала Мелани, вставая. – Не хочешь сходить в ванную?

Эрин согласилась, что лучше осуществить это мероприятие сейчас, когда есть кому помочь. Добравшись туда с помощью Мелани, она сделала все что нужно, умылась и почистила зубы. Обратный путь показался ей настоящей одиссеей.

С наслаждением откинувшись на подушки, Эрин сонно проговорила:

– Мелани, спасибо тебе за лед. Он был очень кстати.

– Его принесла не я, а мистер Баррет.

Она закрыла за собой дверь, а Эрин осталась лежать наедине со своими мыслями.

Удивительно, как изменилось ее состояние всего за двенадцать часов. Утром Эрин уже чувствовала себя гораздо лучше. Она осторожно спустила ноги с кровати и встала. Ее качнуло, и комната поплыла перед глазами, но вскоре головокружение прошло. На этот раз она смогла добраться до ванной без посторонней помощи.

Она обтерлась влажной губкой и сменила ночную рубашку. На голове творилось бог знает что, но стоило лишь причесться, как волосы снова приобрели обычный блеск и упругость. Она нанесла на пересохшие губы бледную помаду и в качестве заключительного штриха побрызгала себя одеколоном с легким лимонным ароматом. Более сильный запах обязательно вызвал бы нежелательную реакцию ее желудка, но этот одеколон позволил ей снова почувствовать себя человеком. Да, ей на самом деле стало лучше: появилось желание следить за собой.

Она сидела на постели, втирая в руки лосьон, когда дверь приоткрылась, и в комнату заглянул Ланс. Руки ее застыли в воздухе, а сама она замерла, не в силах оторвать от него взгляда. На ней была бледно – розовая ночная рубашка из тонкого, но не прозрачного батиста, с кружевным воротничком, застегнутая сверху донизу.

– Привет, – сказал он.

– Привет.

– Ну что, жить будете? – спросил он, улыбаясь.

Она ответила ему улыбкой.

– Думаю, да. Хотя некоторое время назад у меня не было такой уверенности.

– Здорово вас прихватило.

Она отвела взгляд, со смущением вспомнив, как ее тошнило у него на глазах.

– Я хотела поблагодарить вас за помощь той ночью. Не очень-то приятная картина.

«Почему вы сказали доктору, что я ваша жена?» – так и подмывало ее спросить. Она разглядывала свои босые ноги, а он молчал.

– Не стоит меня благодарить, – наконец сказал он. – Мне так хотелось избавить вас от страданий.

Они долго смотрели друг на друга, им казалось, что весь окружающий мир перестал существовать и на Земле их осталось только двое – предназначенных друг для друга. Он заставил себя оторвать взгляд от ее чарующего лица и быстро произнес:

– Вы, наверное, хотите есть. Я чего-нибудь принесу. Но на плотный завтрак не рассчитывайте.

– Не беспокойтесь. Мелани...

– Рано утром уехала навестить родителей, – закончил он за нее. – Какие-то семейные дела. Майк дежурит у телефона, зато я – к вашим услугам. – Он застенчиво улыбнулся. – Я сейчас вернусь. – И поспешил вон из комнаты.

Тщательно расправив простыни, Эрин забралась в постель. Она взбила подушки и откинулась на них, снова по-

чувствовав упадок сил. «Мне не скоро еще захочется сыграть пару сетов в теннис», – устало подумала она.

Эрин снова начала было засыпать, как вошел Ланс с подносом.

– Сегодня у нас в меню: горячая каша, тосты и охлажденный чай, – объявил он с широкой улыбкой.

Он так редко улыбался. Хотя, может, это и к лучшему. Улыбка делала его настолько обворожительным, что против него просто невозможно было устоять. Эрин охватила слабость, не имевшая никакого отношения к ее болезни. Сердце бешено забилося, грудь под рубашкой всколыхнулась. От взгляда Ланса, который наклонился над ней, чтобы поставить поднос на стол, не ускользнуло это колыхание тонкой материи.

– Охлажденный чай – это хорошо, – возбужденно сказала она. – О сладком мне сейчас даже думать противно, зато я бы охотно выпила что-нибудь прохладительное.

– Доктор Джошуа сказал, что молоко и сок надо на несколько дней исключить из вашей диеты.

– Я и так не пью молока.

– Никогда? – удивился он.

– Нет, от него толстеют, – объяснила она, откусывая маленький кусочек тоста.

– Вот как. – Он внимательно оглядел ее, задержав глаза на очертании ног под одеялом. – Ну, конечно, имея комплекцию тяжеловеса... – Она впервые увидела в его обворожи-

тельных глазах озорной огонек. Он вознамерился поддразнить ее.

– Если бы я обпивалась молоком, у меня была бы такая комплекция, – с улыбкой проговорила она, и они вместе рассмеялись. – А это что такое? – спросила она, подозрительно заглядывая в супницу. – Похоже на тесто.

– Прошу прощения, мадам. Это рисовая каша. В ней нет ни единого комочка.

– Рисовая каша? Бр-р! – Ее так и передернуло. – И вы хотите, чтобы я ее съела?

– До последней ложечки! Вам нужно набираться сил, а от тостов никакого прока не будет. Надо, чтобы что-то застряло у вас в желудке.

– Боюсь, что она застрянет у меня в горле.

– Вы обижаете шеф-повара.

Набрав полную ложку каши, он решительно, без тени сочувствия поднес ей ко рту. Не успела она проглотить эту клейкую массу, как у ее рта снова оказалась ложка. Она засмеялась, глядя, как он сам открывает и закрывает рот, показывая, что от нее требуется.

– Вы меня кормите, как ребенка, – едва успела произнести Эрин, прежде чем новая порция каши забила ей рот. – У вас это здорово получается.

– Еще бы! – сказал он.

«Боже мой, он женат! – пронеслось у нее в мозгу. Раньше эта мысль почему-то не приходила ей в голову. – Ну да, он

женат, и у него куча детей».

– Сестра часто заставляла меня кормить своих малышей, так что я не мог не научиться паре-другой уловок, – объяснил он. – Благодаря ей я узнал и о крекерах. Когда она бывала беременной, ее тошнило, и она поглощала их коробками, потому что не могла взять в рот ничего другого.

– А у вас есть дети?

Эрин почувствовала громадное облегчение, когда узнала, что речь идет о его племянниках, а может, племянницах, но ей по-прежнему не было известно, женат ли он. Вопрос вырвался у нее невольно.

Очередная ложка каши застыла в воздухе.

– Нет, – ровным голосом ответил он. – Вот уже десять лет, как я холостяк. Женщина, на которой я так неосмотрительно женился, после двух лет брака решила, что я ее подавляю и что она хочет делать карьеру. Тогда она ушла от меня и потребовала, чтобы я дал ей развод.

Это исчерпывающее объяснение не оставляло места для дальнейших обсуждений, да Эрин и не собиралась больше ни о чем расспрашивать. Главное, он не женат. Это почему-то несказанно обрадовало ее.

Съев еще несколько ложек, она сказала:

– Я больше не могу.

– Пожалуй, и правда достаточно. На обед будет картофельный суп.

– Вишисуаз? – радостно спросила она. Он насмешливо

поднял брови и строго сказал:

– Нет, обычный картофельный суп из пакетика.

Они рассмеялись.

– Расскажите мне о вашей семье, – попросила Эрин, когда Ланс убрал с постели поднос. Он наклонился над ней, и она уловила исходящий от него запах крема для бритья. – Значит, у вас есть сестра...

– Да, а у нее муж и четверо детей. Когда мы все вместе собираемся у родителей, это просто сумасшедший дом.

Эрин почувствовала, как в ней шевельнулась зависть. У Гарольда О'Ши не было ни братьев, ни сестер. Только у матери где-то в Луизиане жила вдовая и бездетная сестра. Эрин надеялась, что хотя бы у Кена окажется большая семья. Она мечтала иметь родственников. Родовое древо. Потомки. Семья.

– Я вам завидую. Мне всегда хотелось иметь двоюродных братьев и сестер, родственников, которых можно навещать в отпуск и по праздникам. Жаль, что у Кена и Мелани нет детей. – Она вздохнула. Порой даже простые мечты оказываются совершенно несбыточными.

Ланс прошелся по комнате и встал у окна спиной к Эрин.

– Мы напали на след Лаймана, – вдруг сообщил он.

Она так и подскочила. Ее мечтательно – умиротворенное настроение мигом улетучилось.

– Правда? Вчера Мелани как раз высказала такое предположение. Так какие же новости?

– Он взял напрокат машину. Конечно, мы с самого начала разрабатывали эту версию, но одно небольшое частное бюро проката автомобилей почему-то выпало из нашего поля зрения. А его хозяин заявил в полицию, что кто-то взял машину по поддельным водительским правам. Когда мы показали ему фотографию Лаймана, он его опознал. – Ланс глубоко вздохнул. – Так что теперь у нас появился конкретный след. Мы знаем марку машины и номерной знак. Теперь найти его – дело нескольких дней.

Ей нечего было сказать. Она легла и закрыла глаза, безмолвно молясь, чтобы брат образумился и сдался властям или хотя бы чтобы его поймали.

– Доктор Джошуа прислал заключение, чтобы вы взяли его с собой в Хьюстон. Оно внизу.

Ланс поменял тему, словно то, о чем они говорили до этого, его не особенно интересовало.

– Хорошо, – растерянно отозвалась она. – Я захвачу его, когда буду собираться домой.

И тут Эрин заметила, что за окном идет дождь, причем довольно сильный. Крупные капли стучали по стеклам, и с крыши мерным потоком стекала вода. В комнате было темно, уединенно, интимно.

– Полагаю, после того как Лайман найдется, вы вернетесь к своей работе и... ко всему, прочему. – Голос Ланса звучал глубоко и низко, как раскаты грома, доносившиеся с дальних холмов. Его силуэт казался огромным на фоне серова-

того света, проникавшего в окно. Он стоял, облокотившись на оконную раму и подперев голову кулаком.

– Полагаю, что так, – ответила Эрин.

И вдруг перспектива возвращения в Хьюстон ужаснула ее. Но ведь там ее дом! Ее работа. И ей нравится Барт. Тем не менее все это уже не казалось таким уж важным. Стремление понять этого человека, постигнуть его желания и дать ему все, что в ее силах, полностью захватило ее существо. Она хотела, чтобы он был счастлив. Это сейчас было для нее главным в жизни. И если бы ей предоставили возможность выбирать, она предпочла бы эту комнату, где была наедине с Лансом, любой другой точке земного шара.

Значит, она любит его?

Видимо, Ланс обладал сверхъестественной способностью читать чужие мысли. Этот дар и на сей раз не подвел его. По-прежнему стоя к ней спиной, он повернул голову и пронзил ее насквозь своим всевидящим небесно-голубым взглядом.

В широко открытых глазах Эрин отражалось охватившее ее смятение. В растерянности она качала головой, как бы не желая признавать подлинность внезапно захлестнувших ее чувств. Ее дрожащие губы, казалось, беззвучно произносили его имя. Слезинка – одна из многих, бывших на подходе, – выскользнула из-под ресниц и покатилась по бледной щеке.

Ланс решительно повернулся и пошел от окна к кровати. Он не отводил взгляда от ее глаз.

– Эрин.

Звук ее имени был едва различим даже в полной тишине, царившей в комнате.

А он был уже возле ее постели и склонился над ней.

– Эрин, почему ты плачешь? – нежно спросил он.

– Не знаю, – выдохнула она.

– Ты знаешь, Эрин. Скажи, почему?

Она отвела взор, потому что любовь к нему слишком ясно читалась в ее глазах. Опустив лицо, она снова покачала головой.

– Я не знаю, – произнесла она одними губами.

Указательным пальцем он поднял ей подбородок и заставил поглядеть себе в глаза.

– Скажи мне, чтобы я уходил. Скажи мне, что это безумие.

– Это безумие, – прошептала она.

Ее сердце готово было выпрыгнуть из груди. Единственное, что она могла видеть, что она хотела видеть, было его лицо – в нескольких дюймах от ее глаз.

– Скажи, чтобы я уходил, – требовал он.

– Нет, – взмолилась она, мотая головой. – Я не могу!

– Тогда да поможет нам Бог.

Эти слова едва успели сорваться с его губ, когда те уже сливались в единое целое с ее ищущим ртом.

Матрас прогнулся и глухо застонал под тяжестью его тела, когда он бросился на постель рядом с ней и привлек ее к себе. Не теряя времени на прелюдию, он накрыл ее рот своим. Его настойчивый язык протиснулся сквозь губы и обшарил все

потаенные уголки ее медово-сладкого рта, словно претендуя на полное господство над ним.

Когда наконец первый голод был утолен, он стал вкушать ее с большей обстоятельностью: его язык стер с ее щек следы слез, ощупал каждую черточку лица, обшарил уши, шею.

Она держала его голову в руках и, не отрываясь, глядела на него своими темными влажными глазами, переполненными так и не пролившимися слезами.

– Ланс, – как заклинание, шептала она его имя. – Ланс, Ланс.

Чуть приподняв его голову, она поцеловала ямочку у него на подбородке, а потом прикусила губами его нижнюю губу. Он застонал и вдавил се в подушки, наваливаясь всем телом и снова захватывая ртом ее губы.

Крепко держа ее в объятиях, он перевернулся на спину, и она взглянула на него сверху вниз. Его руки гладили ее спину, бока, бедра, все сильнее обнимая ее. Они вжались друг в друга с такой сумасшедшей одержимостью, что дыхание едва вырывалось у него из горла.

Она покусывала ему шею, исследуя ищущим языком ложбинку у ее основания. Не в силах больше терпеть, он запустил руку ей в волосы и, чуть приподняв голову, нащупал ртом ее губы. Задыхаясь и смеясь от беспредельного счастья, он перевернул ее на бок, и они легли рядом, лицом к лицу. Их головы покоились на одной подушке, пальцы переплелись, носы соприкасались, губы слились в единое целое.

Они с наслаждением вкушали друг друга.

Наконец Эрин нащупала галстук, до сих пор болтавшийся у него на шее. Негнущимися пальцами она ослабила узел и сняла галстук через голову. Он помог ей, приподнявшись на подушке, – он мог позволить себе подождать, пока она сама справится с этой задачей, ведь в запасе у них была целая вечность.

Ее пальцы трудились над пуговицами его рубашки – и вот они были расстегнуты. Раздвинув гладкую ткань, она с минуту разглядывала его. Он был так мужественно сложен, что она даже немного смутилась.

– У тебя такое красивое тело, Ланс, – прерывисто сказала она. Все еще робко, но не в силах устоять перед соблазном, она положила руки ему на грудь и, расставив пальцы, провела ими по густым зарослям курчавых рыжеватых волос. – Смотри-ка, седой волос! – воскликнула она. – Вот здесь. – Она потянула за волосы, пытаясь ухватить свою находку.

– Это же парик.

– Шутник! А сколько тебе лет? – спросила она, поглаживая место, откуда только что пыталась вырвать седой волос.

– Тридцать семь.

– А я думала, тридцать три. Правда, тогда я считала, что ты – Кен.

– Нет, я уже старый – слишком старый для тебя.

Его пальцы нежно скользнули по ее ключице.

– А я просто без ума от старинных вещей, – пошутила она,

трогая крепкие мускулы на его волосатой груди.

Он покорно сносил это легкое шутливое поглаживание, пока ее чуткие пальчики не коснулись сосков. Дыхание со свистом вырвалось у него из груди; он поймал ее руки и прижал их к этим розовым напрягшимся бутонам.

– Так нечестно, – сдавленно пожурил он и поцеловал ее в губы.

– Я не знаю правил, – хитро улыбнулась она.

Он положил ее руки к себе на плечи и потянулся к ее ночной рубашке – двенадцать перламутровых пуговиц от ворота до талии стали серьезным испытанием его выдержки. Но когда все они были расстегнуты, он на мгновение остановился, предвкушая момент, когда распахнет на ней тонкие покровы.

И вот уже его глаза любовно обшаривали ее тело, но Эрин, как ни странно, не была ни капельки смущена. И даже когда за глазами последовали пальцы, она не испытала ни стыда, ни угрызений совести.

Он нежно взял в руки ее груди и немного приподнял их. Его глаза были полуприкрыты, а пальцы совершали мерные неторопливые движения, от которых все в ней напряглось.

– Какая ты красивая, – сказал он. – Я знал, что ты такая, – я чувствовал.

У нее перехватило дыхание, напрягшиеся горловые связки не могли больше сдерживать рвавшихся наружу чувств. Она провела пальцем по его губам.

– Пожалуйста, – только и смогла вымолвить она, прежде чем он оказался над ней, обрушивая град поцелуев на ее распростертое тело.

Его влажные и горячие губы сомкнулись вокруг розоватой вершины ее нежной груди. Он поводил головой из стороны в сторону, и язык его затрепетал, подвергая ее сладостной пытке. Он обхватил ее за бедра, прижимая их к своей возбужденной плоти. Легко и естественно она принялась двигаться в унисон с его движениями, и тогда из его горла вырвался сдавленный крик. В страстном порыве он прижал ее к себе.

И тут до него донесся тот, уже знакомый ему, глубокий и низкий стон, исходящий как будто из самых недр ее естества, отчего сердце его забилося с невероятной, бешеной быстротой. Этот стон, ее запах и вкус, возможность касаться ее тела целиком заполнили его мозг, вытеснив оттуда все, что там только было рационального, разумного, взвешенного. Можно было считать это сумасшествием, безумием, но он полностью растворился в Эрин О'Ши.

Он вскочил с кровати – но только лишь затем, чтобы сбросить с себя одежду. Внимательно следившая за ним Эрин не испытала ни капли страха, стыда или отвращения при виде его восставшей плоти. Он сел на кровать, помог ей снять рубашку, а потом глядел на нее голодными глазами, словно желая зрительно насладиться каждым дюймоном ее обнаженного тела, прежде чем накрыть его своим. Теперь, в объятиях

друг друга, они были самими собой.

В один голос, словно по команде, они издали долгий, сладостный вздох. Ланс зарылся головой в ложбинку у нее между грудей, Эрин обхватила руками его спину. Его обнаженная мужественность удивительным образом дополняла ее мягкую женственность: его волосатость и ее шелковистая кожа, его крепкие мышцы и ее округлые изгибы, его вибрирующая сила – и ее манящее лоно.

Руки Ланса начали чувственное путешествие по телу Эрин. Они нащупали груди и принялись нежно ласкать их; потом, осмелев, стали теревить соски, заставив их затвердеть. Опустив голову ей на грудь, он взял сосок губами и начал катать его во рту, пока тишину спальни не прорезал крик наслаждения – лишь спустя мгновение Эрин сообразила, что он вырвался из ее груди.

Не уставая повторять его имя, Эрин изгибалась и терлась о его большое тело, но он старательно отстранял ее, упираясь рукой ей в живот. Наконец его рука стала медленно и неумолимо спускаться вниз. Как эти пальцы и ладони могут обладать такой чувственной силой? Она ахнула от прорвавшегося наружу напряжения, когда его рука, находясь в преддверии потаенного, замерла, готовая приступить к раскрытию последних секретов ее обнаженного тела.

Она ждала, когда он решится приступить к этому исследованию. А он подвергал ее сладкой пытке. Но вот наконец его пальцы осторожно разъяли мягкие створки и нежно погру-

зились во влажную, податливую плоть, переполненную желанием.

– Эрин, – только и вымолвил он, но интонация его голоса содержала море разных оттенков.

Изогнувшись, она выкрикнула его имя; или это было только эхом слова, прозвучавшего в ее мозгу? Но, услышав призыв, он сделал первый толчок...

И тут же замер, потрясение глядя ей в глаза.

– Боже мой, Эрин, почему ты мне не сказала? – взволнованно прошептал он.

– Я не посчитала это важным, – прошептала она в ответ.

Он не отводил от нее настойчивого взгляда.

– Ты не права. Это очень важно.

– Я не то хотела сказать. Просто сейчас это не имеет особого значения.

– Так что же тогда имеет значение?

Дрожащими пальцами она притронулась к его лицу.

– Чтобы тебе было хорошо со мной.

– О, Боже! – выдохнул он, прижимая ее к себе и ломая последнюю печать ее невинности.

Они двигались совершенно синхронно, словно в прекрасно отрепетированном танце, поднимая друг друга к таким высотам наслаждения, о существовании которых доселе не ведали.

Они не контролировали свои движения и жесты. Просто стали частью какой-то первобытной стихии, не нуждающейся

ся ни в объяснении, ни в оправдании.

Нашептывая неразборчивые слова, Ланс подбадривал ее, ведя вслед за собой к чему-то неизведанному – к пределу, которого она еще не познала. И когда она достигла его, Ланс присоединился к ней, словно взмыв рядом на гребне волны, поднимающей их к высшей точке блаженства.

Но он не отпускал ее. Она чувствовала на щеках его хрипловатое дыхание, когда он прижимался к ней своим пылающим лицом. Он держал ее в объятиях нежно, но властно. Может, ему казалось, что она – лишь мираж и в любую минуту готова испариться, исчезнуть.

Она поудобнее устроилась под ним, обхватив его бедрами. Он издал стон, в котором ясно прозвучала нотка восторга. Она встретила его новым приливом желаний, хотя сначала немного удивилась, снова почувствовав его в себе.

Только когда они оба были в полном изнеможении, он, отдышавшись, покинул ее теплую, приветливую гавань. Обняв ее, он положил ее голову к себе на грудь.

– Как ты? Тебе хорошо? – спросил он. Его пальцы нежно скользили вверх и вниз по ее спине.

– Больше, чем хорошо, – сказала она и, услышав в ответ смех, приподняла голову. – Ты смеешься? – удивленно произнесла она.

– А что тут странного?

– Для тебя это необычно. Раньше ты даже улыбался редко. Он снова улыбнулся, но его глаза сделались серьезными.

– Я улыбаюсь, когда рядом ты, – прошептал он.

– Это правда?

– Да. – Они поцеловались. Когда ее язык проник к нему в рот и принялся трогать его изнутри, Ланс отпрянул. – Эрин, перестань, иначе я не смогу остановиться. К тому же считается, что ты больна. – Он встал и начал одеваться. – За кого ты меня принимаешь, если думаешь, что я могу так издеваться над бедной больной женщиной? Вдобавок я на государственной службе и нахожусь при исполнении. – Он скорчил зверскую физиономию. – А это был просто перерыв на обед.

Эрин захохотала.

– Ты исправляешься – вон даже шутить начал.

Он надел синие трусы. Она одобрительно покачала головой.

– Мне никогда не приходило в голову, что у тебя могут быть такие сексуальные трусы. Ты выглядишь в них почти так же здорово, как совсем голый.

Он бросил на нее насмешливый взгляд и вдруг широко улыбнулся.

– Ты наверняка говоришь это всем своим любовникам.

Она весело рассмеялась в ответ.

Одевшись, он вернулся к кровати и наклонился над Эрин.

– Ты и вправду нормально себя чувствуешь? Я вовсе не собирался быть таким ненасытным, но, Эрин, ты... – Не закончив фразы, он снова поцеловал ее. – Я не сделал тебе боль-

но? – В его голосе безошибочно угадывались тревожные нотки.

– Нет, Ланс, мне правда хорошо. И ты не сделал мне больно – видишь ли, я сама этого хотела. – Она ласково улыбнулась, любовно откидывая прядь волос с его лба. – Все было прекрасно, я просто счастлива.

Он присел на краешек постели и взял ее руки в свои.

– Эрин, – медленно произнес он, чертя пальцем треугольник на ее ладони, а потом поднял голову и заглянул ей в глаза, – у меня появилось к тебе столько вопросов, но в постели мне не хотелось говорить о других мужчинах.

– Да, я понимаю.

Он наклонился и поцеловал ее в мягкую ложбинку между грудей, а потом еще раз – в губы.

– Я зайду к тебе позже? – спросил он, вкладывая особый смысл в свой вопрос.

– Ага, – лениво ответила она.

В этом междометии слышалось обещание.

– Тогда отдыхай. – Он осторожно поцеловал ее в лоб и вышел из комнаты.

VIII

Когда несколькими часами позже она выходила из ванной, вытирая полотенцем влажные волосы, в дверь постучали. Эрин была плотно закутана в длинный махровый халат и потому сказала:

– Войдите.

В приоткрывшуюся дверь просунулась голова Майка.

– Мисс О'Ши, вам звонит какой-то Барт, Вы подойдете к телефону?

Барт! Она вздрогнула и почему-то приложила палец к губам. Майк удивленно посмотрел на нее, и она сказала запнувшись:

– Д-да, я поговорю с ним. Пожалуйста, попросите его немного подождать.

– Возьмите трубку в комнате миссис Лайман – тогда вам не придется спускаться вниз.

– Спасибо, Майк.

Он был уже в дверях, как вдруг повернулся и сказал:

– Кстати, я рад, что вам лучше.

Не успела она ответить, как он опустил глаза и вышел из комнаты. При его обычном немногословии эта речь казалась верхом красноречия.

Эрин отнесла мокрое полотенце в ванную и, безжалостно раздирая волосы расческой, попыталась причесаться. Она

старалась выиграть время. Что же сказать Барту? Ей так не хотелось разговаривать с ним после того, что случилось между нею и Лансом...

Едва он ушел, она тут же заснула, поэтому не успела привести в порядок свои мысли и насладиться воспоминаниями о драгоценных минутах их близости. То огромное и яркое, что между ними произошло, было еще так ново, так дорого и свято! Ей хотелось восстановить в памяти все поминутно, воскресить все свои ощущения, припомнить все его слова.

Но если не поговорить с Бартом, кто знает, что взбредет ему в голову. Он может вообразить Бог весть что, а то и сообразит, в чем дело, – и тогда неизвестно, чего ждать.

Она со вздохом вышла из спальни и направилась в комнату Мелани. Возможно, даже лучше поговорить с ним именно сейчас. На таком расстоянии всех проблем все равно не решить, поэтому нет нужды сообщать о своем намерении расторгнуть помолвку. Она сделает вид, будто ничего не произошло, а когда вернется в Хьюстон, скажет Барту, что между ними все кончено.

– Алло, – сказала Эрин в трубку.

– Ну, наконец-то! Где это ты там ходишь? Я жду у телефона уже пять минут. Надеюсь, все в порядке, крошка?

«Интересно, Барт никогда не называл меня по имени», – с неприязнью подумала она. И в тот же момент ей стало стыдно за свое раздражение, поэтому, отвечая ему, она попыталась изобразить радость:

– Все прекрасно, Барт. Извини, что не сразу подошла. – Она не стала объяснять почему.

– Как твой брат? Он тебе понравился? – грохотал в трубке голос жениха. Его добродушие и постоянно приподнятое настроение почему-то угнетали ее. Человек, который глубоко чувствует и серьезно смотрит на жизнь, не может так себя вести. Вот и сейчас он почему-то расхохотался. – Дорогая, ты что, заснула?

– Нет, я... э-э... Мы с Кеном пока еще не встретились, – пробормотала она.

– Как так? Я надеюсь, это не связано с какими-нибудь неприятностями?

– Нет-нет, – поспешно ответила она. – Просто он уехал по делам, а его жена Мелани, от которой я в восторге, решила, что пока лучше скрыть от него мой приезд. Пусть он сделает все, что наметил, и тогда возвращается.

Достаточно ли правдоподобно это звучит? Она почти никогда не врала, и ложь давалась ей нелегко. К тому же было так трудно сосредоточиться. Она все еще видела перед собой горящие страстью глаза Ланса и слышала слова любви, которые он хрипловато нашептывал ей.

– А я только вчера возвратился из Пэнхэндла. Мы ввели в строй еще одну скважину. Жаль, что тебя здесь нет, а то бы мы вместе отпраздновали.

– Как восхитительно, Барт! – воскликнула она. Зачем ему еще одна скважина? Их у него и без того около тридцати.

– Утром я первым делом позвонил в твой офис, и Бетти дала мне этот номер. Кто же тогда подошел к телефону, если, как ты говоришь, твой брат еще в отъезде? Трубку-то снял мужчина.

Да, она всегда недооценивала Барта.

– Это был, – думай, Эрин! – э-э, деловой партнер Кена. Он принес какие-то бумаги. А мы с Мелани были в саду. Поэтому я так долго и не подходила. Ему еще пришлось нас искать.

Она не хотела говорить Барту о своей болезни. С него станет ближайшим рейсом вылететь в Сан-Франциско! Прешлой осенью, когда она простудилась, утром кто-то неожиданно позвонил в дверь. Открыв, она обнаружила на пороге профессиональную сиделку, готовую приступить к работе: ее нанял Барт. Нет, она ни за что не скажет ему, что была больна.

– Когда же возвращается твой брат? И когда ты вернешься домой? Дорогая, я здесь один как перст и очень по тебе скучаю.

Так что же шептал Ланс? «Ну-ка, приподними... а-а, Эрин... Да, вот так. Да! Я подожду, ничего, я подожду тебя... Но поспеши...»

– Я тоже скучаю по тебе, Барт, – услышала она свой голос как в забыты.

– Дорогая, я понимаю, что это для тебя очень важно, иначе бы не стал вот так сидеть, ожидая, когда ты приедешь.

– Я уверена, что ты не так уж одинок, как хочешь казать-

ся, – мягко сказала она. – Неужели ты сократил посещение званных обедов с шести до четырех в неделю?

– Ну ладно, дорогая, не надо меня дразнить, – обиделся Барт. – Ты же знаешь, что без тебя мне это все не в радость. Поэтому приезжай поскорее. Ведь я же тебя люблю.

Эрин сглотнула. А говорил ли ей о любви Ланс? А она ему? Просто так: «Ланс, я тебя люблю»? Вряд ли, иначе она бы помнила.

– Я знаю, Барт, что ты меня любишь, – сказала она слабым голосом. – И я тебя тоже люблю.

Разве она его любит? По крайней мере не так, как ему хотелось бы. И не очень сильно. Совсем не то, что...

– Тебе ничего не нужно, например, денег? Я могу чем-то тебе помочь?

Он действительно очень добр. Но рано или поздно ей придется сказать ему, что она неожиданно и навсегда полюбила другого. Не будет ли это для него слишком большим ударом?

– Нет, Барт, мне ничего не нужно. Через день или два я дам тебе знать о своих дальнейших планах.

– Хорошо, дорогая. Ты уж там поосторожнее. В Сан-Франциско полно извращенцев.

– Ладно, я постараюсь. До свидания, Барт!

– Пока, крошка!

Эрин посмотрела на бриллиантовое кольцо у себя на пальце. Оно было великолепно: большой, чистейший воды бриллиант – камень, не имеющий цены. Но он отражал холодный

свет, в нем не было теплоты. Он не мог разжечь ее сердце, как та пара голубых глаз под золотистыми бровями. В тех глазах было гораздо больше граней и изысканной игры света, чем в этом камне безупречной огранки.

Она сняла кольцо и, как сомнамбула, пройдя по коридору в спальню, подошла к туалетному столику, на котором стояла шкатулка с ее украшениями. Открыв крышку, она бросила туда кольцо и решительно щелкнула замком.

К тому моменту, когда она высушила и уложила волосы, натянула шерстяные носки и надела свитер из ангоры, ноги у нее подкашивались от усталости. Горячая ванна пошла на пользу, но после нее она чувствовала слабость и легкое головокружение. Нужно было подкрепиться.

Она спустилась вниз и побеседовала с Майком, который сидел в гостиной у телефона.

Потом прошла на кухню и зажгла свет. Дождь кончился, но было темно и облачно. Она не нашла пакетика с супом, о котором говорил Ланс, и потому поджарила себе хлеб с сыром и развела в чашке бульонный кубик.

Она уже допивала густой бульон, когда дверь кухни открылась и вошел Ланс. Ее лицо тут же просветлело. Отдавая себе отчет в том, что выглядит сейчас свежей и привлекательной, она вся зарделась в предвкушении их новой встречи. Осмелится ли он поцеловать ее здесь, зная, что рядом Майк?

Но когда Ланс закрыл за собой дверь и повернулся к ней,

радостное приветствие застыло у нее на губах. Лицо у него было еще более мрачным и холодным, чем в тот день, когда она впервые увидела его на пороге этого дома. Его глаза буравили ее, как кусочки сверкающего голубого льда. Он стоял в напряженной позе, угрожающе наклонив голову.

– Я вижу, вам уже лучше. Удивительно, как много значит небольшая разминка. Физические упражнения пошли вам на пользу.

Его тон был резким, слова злыми и намеренно оскорбительными.

– Мне на самом деле гораздо лучше, – не понимая, в чем дело, проговорила она. Почему он так смотрит на нее? – Ты не хочешь поесть?

Она ненавидела себя за то, что так запинается и лепечет. Что она такого сделала? Разве можно с ней так говорить после того, что произошло между ними всего несколько часов назад?

– Нет, ненавижу бульон.

– Может, достать какую-нибудь закуску?

– Не утруждайте себя, мисс О'Ши, – сказал он с подчеркнутой вежливостью. – Я зашел только лишь затем, чтобы попросить у вас машину. Только что позвонил Кларк и сообщил, что автомобиль, на котором он повез миссис Лайман, вышел из строя. Они ждут в автомастерской. Она просит меня заехать туда и привезти ее домой.

– Да, конечно.

– Она попросила вас поехать со мной – если вы не возражаете.

Эрин кивнула.

– Я поеду. Мне нужно глотнуть свежего воздуха.

– Только непонятно, зачем. На мой взгляд, вы и так находитесь в отличной форме, – сказал он, криво усмехнувшись, повернулся к ней спиной и вышел из кухни.

Почему он так себя ведет? Что могло случиться всего за несколько часов? Почему нежный и страстный любовник превратился в саркастичного, переполненного злобой типа? Как мог он, как мог кто бы то ни было перечеркнуть воспоминания о том восторге, который они недавно вместе испытали?

Вдруг ее потрясла страшная догадка: их близость не была для него чем-то из ряда вон выходящим. Время от времени Ланс пускался в подобные интрижки. И он наверняка имел успех у слабого пола. Конечно, ни одна женщина не может оставаться равнодушной к его мужественному очарованию. И вот сегодня она пополнила ряды тех, кого он сумел осчастливить, удовлетворяя свои сексуальные аппетиты. А теперь может забыть о том, что между ними произошло.

Она вела себя, как набитая дура: отдалась ему сразу, без лишних слов. Куда подевалась ее осмотрительность? Эрин О'Ши, всегда гордившаяся своими моральными принципами и умеренным образом жизни, предоставила свое тело в полное распоряжение малознакомого мужчины, несколько

не задумываясь о последствиях! И вот сейчас, когда Ланс так резко изменил свое отношение к ней, она испытывала стыд и страшные угрызения совести.

Теперь он может смотреть на нее с презрением, поворачиваться спиной, гнать вон. И все же если бы он кричал на нее и бросал в лицо оскорбления, она бы могла это снести, понимая, что заслужила подобное отношение. Но он вел себя по-другому, и это ужасно бесило ее. Как большинство женщин, Эрин не могла простить мужчине единственного – безразличия.

Эрин вылетела из кухни вне себя от ярости – она была готова к битве. Но весь ее гнев куда-то улетучился, едва она увидела Ланса, мирно беседующего с Майком. «Ланс, что произошло?» – так и хотелось ей крикнуть.

Он подался к ней всем телом, будто услышал эти слова. «Черт подери!» – выругался он про себя. Почему она так красива, так чертовски красива? Коралловый цвет ее свитера подчеркивал матовую белизну лица – он знал, что таким же матово-белым было все ее тело. Серые брюки ладно обтягивали аккуратную маленькую попку – ему казалось, что он чувствует эти упругие ягодицы на своей ладони. Ее прелестную головку обрамляли волнистые темные локоны, еще недавно обвивавшие его руку. Глаза, которые с первого взгляда околдовали его, сейчас излучали какой-то необыкновенный, божественный свет, безошибочно выдававший недавнюю близость с мужчиной. Этим мужчиной

был он.

Он пытался убедить себя в том, что стоит только увидеть ее вне завораживающей обстановки полутемной спальни, и все очарование исчезнет, рассеется, как дым. Но этого не произошло. Он не подозревал, что с ним может случиться такое. Сон разума возвел в общем-то банальное любовное приключение в ранг всепоглощающей страсти.

Как такая красивая женщина могла прожить столько лет, не зная мужчины? Открытие, что она девственна, чуть было не остановило его. Чуть было?! В тот момент его было так же легко остановить, как несущийся на всех парах многотонный состав!

И она якобы успела побывать замужем! Конечно, это вранье! А этот ее приятель, должно быть, круглый идиот, раз позволил такой женщине оставаться непорочной. И значит, он заслуживает того, чтобы эта похотливая самка наставила ему рога. Он вздохнул. Кто это похотливая самка? Ведь всего несколько часов назад она была девственной. Ланс Баррет никогда раньше не совращал девственниц. Он ни к чему ее не принуждал. Почему она так легко отдалась ему?

Почему? Почему она позволила ему овладеть собой? И как ей удалось вести себя так, что он почувствовал, будто и сам до сего дня оставался девственником?

Еще никогда в жизни ему не отдавались с такой страстью и самоотреченностью. Их единение было настолько полным, что оно не укладывалось в рамки представления о физиче-

ской гармонии, а подразумевало какую-то загадочную духовную связь. Он почувствовал, что связан с ней некими таинственными узами, которые не в силах разорвать.

И вот сейчас он смотрел на нее, не зная, ударить ли ее по лживым губам или впиться в них поцелуем, пока она в беспомощности не начнет повторять его имя, как в тот момент, когда какая-то слепая сила бросила их в объятия друг друга.

– Возьмите пальто и ключи от машины, – резко бросил он ей, а потом повернулся к Майку. – Мы ненадолго.

– Я понял, шеф, – прозвучал краткий ответ. Он крепко взял ее под локоть и повел к «мерседесу».

– Вы не будете против, если я поведу?

– Я против того, чтобы вы вели себя, как подонок.

Она вырвала руку и швырнула ему в лицо ключи, обошла машину и уселась на место рядом с водителем. Хлопнули дверцы, он завел мотор и выругался, ожидая, пока тот прогреется. Наконец он дал задний ход и, развернувшись, выехал на шоссе.

На улице было свежо, но приятно. Нажав на кнопку, Эрин опустила стекло и с наслаждением вдохнула прохладный вечерний воздух. Они ехали в молчании. Руки Ланса крепко сжимали руль, а глаза не отрываясь глядели на дорогу.

В сознании Эрин боролись три чувства: смятение, обида и злость. Она не могла бы сказать, которое из них сильнее, но твердо решила ничего не показывать Лансу. Скорее наступит конец света, чем она спросит, отчего он так резко пе-

ременился к ней. Но не прошло и нескольких минут, как она получила ответ.

Она вдруг с удивлением обнаружила, что машина свернула с главной дороги на какую-то аллею. Она сообразила, что они на территории парка «Золотые ворота» – в дальней, пустынной и неосвещенной его части. Он резко нажал на тормоза и выключил двигатель. Большие деревья, распростершие над ними голые ветви, напоминали металлические каркасы зонтиков. Густой вечерний туман окутал их слепым безмолвием.

Ланс повернулся к Эрин, положив руку на спинку ее сиденья. Падающие на лицо тени придавали ему зловещий вид. В какой-то момент Эрин даже испугалась.

– Вы можете быть горды собой, мисс О'Ши!

– Я вас не понимаю, – ответила она. – Что вы имеете в виду?

– А то, что вы сделали дурака из немолодого уже человека, которому пора бы научиться поменьше доверять людям.

– Но, Ланс, я не понимаю, о чем ты говоришь. – Голова ее шла кругом, она пыталась собраться с мыслями. – Ведь они нас ждут...

– Ничего, подождут еще немного, – отрезал он. – Я хочу во всем разобраться раз и навсегда.

Его примирительный тон почему-то поднял в ней волну гнева.

– В чем разобраться? Ты не можешь говорить яснее?

Он улыбнулся, но глаза оставались холодными.

– «Дорогая, я здесь один как перст и очень по тебе скучаю...» – вдруг передразнил он тexasский говорок Барта.

И тут ее осенило.

– Ты слышал! – в ярости вскричала она. – Ты подслушал мой разговор!

Он небрежно пожал плечами.

– По служебной необходимости. Мы прослушиваем всех, кто звонит Лайманам. И ты это знала.

Да, она знала, но забыла.

– Но ты должен был понять, что это мой частный телефонный разговор. Для тебя он не представляет никакого интереса.

– Напротив, мисс О'Ши, – ласково возразил он. – Я почерпнул из него так много любопытного. Я выяснил, например, что вы маленькая лгунья, которая водит за нос как минимум двух мужчин.

– Это не так? – с жаром воскликнула она.

– Не так? «Я скучаю по тебе, Барт», «Я люблю тебя, Барт». Вы забыли только рассказать вашему любимому Барту о том, чем вы занимались незадолго до его звонка.

– Как это гадко! – выпалила она.

– Вот в этом вы абсолютно правы! – заорал он в ответ. – Думаю, Барт сказал бы то же самое, если бы узнал, что его невеста самозабвенно овладевает искусством трахаться, проявляя в этом незаурядные способности.

Едва он успел выпалить эту фразу, как она залепила ему пощечину и сама сообразила, что произошло, лишь когда в напряженной тишине салона прозвучал звонкий удар. Она отшибла себе ладонь, но наградой ей стало ошарашенное выражение его лица. Правда, ее победа оказалась недолгой. Быстро овладев собой, он протянул руку и железной хваткой сжал ее кисть.

– Больше никогда так не делайте – или я сломаю вам руку, – процедил он сквозь сжатые зубы, и она поняла, что он не шутит. Его голос звучал, как наждак по стеклу. – Я знаю, как обращаться с женщинами вашего пошиба, мисс О'Ши.

Кисть пронзила такая острая боль, что она поморщилась.

– Никакого я не пошиба! – выкрикнула она.

– Да, именно вашего пошиба, – повторил он с притворной мягкостью. – Это ведь такое развлечение – завести шашни с сыщиком, поиграть в казаки-разбойники, а потом вернуться к своему тexasскому миллионеру.

– Нет, – только и сумела она сказать.

По щекам у нее потекли слезы. Она плакала не от физической боли, которую причиняли ей железные пальцы, сдавившие руку, а оттого, как плохо он о ней думал. Если бы она только могла объяснить...

– Но теперь все, игра окончена. Вы, может быть, и не прочь еще поразвлечься со мной, но я привык играть в своей лиге.

– В своей лиге? – с упреком повторила она. – А почему

ты решил, что мы в разных лигах?

– Да потому, черт подери, что ты водишь белый «мерседес», а я езжу на развалюхе-«шевете». Тебе это ни о чем не говорит?

Он выпустил ее руку и отвернулся к окну.

Ей потребовалось несколько секунд, чтобы вникнуть в смысл сказанного. Поняв, что он имеет в виду, она так и взвилась от злости.

– Как ты смеешь думать, что для меня имеет значение, в какой машине человек ездит или сколько он зарабатывает! Я... я легла с тобой в постель, потому что почувствовала, что мне это надо.

– Вот как? – саркастически проговорил он, впиваясь в нее взглядом. Вдруг он схватил ее и, навалившись всем телом, вдавил в спинку сиденья. – Значит, Стэнтон тебя не возбуждает? А что ты собиралась сказать старине Барту в первую брачную ночь, когда он обнаружит, что его невеста менее чиста, чем он рассчитывал? Ах да, я понимаю! Он, конечно, решит, будто это твой покойный муж взял у тебя то, что ему принадлежало по праву.

– Пожалуйста, замолчи! – всхлипнула она. Но он, по-прежнему наваливаясь на нее, злорадно шептал:

– А когда твой жених обнимает тебя, ты так же страстно прижимаешься к нему? – Извиваясь, она пыталась его отпихнуть, но он был слишком силен, и бьющееся под ним тело только еще больше распяляло его. – Когда он тебя целует,

ты так же стонешь от удовольствия? – Он попытался ее поцеловать, но она сумела отвернуться. Тогда он схватил ее за подбородок и, повернув к себе, впился в нее, как будто пытаясь расплющить ей губы. Она пробовала сопротивляться, но он держал ее мертвой хваткой. Его пальцы так сдавили ей челюсть, что она испугалась, как бы не треснула кость. – И твое тело так же отвечает на его ласки, как и на мои?

Он распахнул на ней пальто и положил руку на грудь. Вопреки своей воле она почувствовала, как ее естество откликается на это прикосновение. Его руки грубо мяли ее податливую плоть. Постепенно эти движения становились все более чувственными. Он хотел ее унижить, но влечение брало верх. Он запустил руку ей под свитер и принялся ласкать груди, пока не почувствовал, что соски затвердели. Тогда он расстегнул на ней лифчик, и его пальцы, теперь уже не жестокие, а чуткие, готовые дарить наслаждение, поймали ее сосок.

Только его губы продолжали грубый натиск. Но постепенно и они ослабили напор и от штурма перешли к уговорам. Его поцелуй становился все более нежным и страстным, и вдруг Эрин обнаружила, что постанывает от удовольствия. Ее помягчевшие губы с восторгом приняли его ищущий язык. Тело подалось навстречу его чутким рукам. Она не заметила даже, как начала повторять в сладостной муке: – О, Ланс! Ланс...

Ее голос, произносящий его имя, вдруг вернул его к дей-

ствительности, разбудив противоречивые чувства, которые бушевали в нем с тех пор, как он невольно подслушал ее разговор со Стэнтоном. Он отшатнулся от нее и вцепился руками в руль, как будто вознамерившись вырвать его с корнем. Голова его бессильно склонилась на грудь.

Боже, он чуть было не изнасиловал ее!

Плечи его поникли; он яростно потер ладонями глаза, провел пальцами по волосам. Потом втянул ртом воздух, пытаясь восстановить дыхание.

– Прости меня, – сказал он, подняв на нее глаза и беспомощно разводя руками. – Никогда в жизни я не... Если бы я сделал тебе больно... Прости меня, – хрипло повторил он. Он снова потер глаза и голосом, полным отчаянья, сказал, обращаясь скорее к себе, чем к ней:

– Не знаю, что со мной...

* * *

Похоже, Мелани даже не заметила, что между ними что-то происходит. По дороге домой все трое хранили молчание. Про себя Эрин отметила, что у невестки красные и припухшие глаза. Всегда такая приветливая и оживленная, она едва промямлила что-то в качестве приветствия, когда они с Лансом приехали в автомастерскую, и сразу же забилась на заднее сиденье. Кларку Ланс приказал остаться и ждать, пока починят машину.

Мелани дала понять, что у нее нет настроения разговаривать. Эрин впервые видела ее такой расстроенной. Судя по всему, у нее не было сил даже плакать – в глазах сквозили отчаянье и беспомощность, не облегченные слезами.

Как только они приехали, Мелани под каким-то предлогом поднялась к себе.

Ланс и Эрин тоже не сказали друг другу ни слова. Она повесила пальто в прихожей и пошла на кухню попить воды. На обратном пути, проходя по коридору к лестнице, она столкнулась с Лансом, выходящим из гостиной после разговора с Майком.

Он попрощался с нею вежливым и холодным кивком головы, каким обмениваются малознакомые люди. Только сегодня он лежал у нее в объятиях, принимая в дар ее жертвенную страсть. Она знала каждый сантиметр его тела, но совершенно не знала его как человека. Теперь причина его гнева была ясна: он подслушал ее разговор с Бартом и неверно его истолковал.

Как он только может думать, что она способна на такое двуличие? Неужели на самом деле считает, будто она воспринимает то, что между ними произошло, как легкую любовную интрижку? Если так, то он совершенно не знает ее! Да, в этом все и дело. Они просто плохо знают друг друга.

Подготовка ко сну не заняла у нее много времени. Она уже выключила свет в ванной и направлялась к кровати, когда в дверь робко постучали.

– Это я.

– Входи, Мелани. Я еще не легла, – отозвалась Эрин.

По одежде Мелани было видно, что она тоже собиралась ложиться. Поверх ночной рубашки был наброшен легкий халатик.

– Я тебя не потревожила?

– Конечно, нет. Как прошел день? – спросила Эрин у молодой женщины, когда та с понурым видом опустилась в кресло.

– Ужасно. – Мелани говорила, горестно раскачивая светлой головкой из стороны в сторону и крутя на пальце обручальное кольцо. – Родители сводят меня с ума. Утром они позвонили и стали настаивать, чтобы я срочно к ним приехала. Знаешь, о чем они хотели со мной поговорить? О разводе! Они хотят, чтобы я развелась с Кеном.

– О, Мелани, как они могут сейчас предлагать тебе такое?

– Не знаю. Я, конечно, не желала слушать об этом, но они выдвигали все новые и новые доводы. Они просто не хотят понять, что я люблю его! – Она закрыла лицо ладонями и принялась так горько плакать, что сердце Эрин буквально разрывалось от сострадания. Она встала перед невесткой на колени и ласково обняла ее. – В том, что сделал Кен, виноват отец. Он всегда им командовал, давал разные сложные задания и, когда Кен не справлялся с ними, позорил перед другими служащими банка. Кен очень старался, но у него ничего не выходило. Он хотел уйти на другую работу, но я

умоляла его но делать этого. У отца не было сыновей, и я думала, что Кен сможет дать ему то, чего не могла дать я. Эгоизм с моей стороны! Я не понимала, какой удар это наносит самолюбию Кена.

– Не казни себя, Мелани. Кен – взрослый человек. Возможно, такое положение ранило и уязвляло его, но ему все равно не следовало так поступать. А уж если он совершил ошибку, то должен сам отвечать за последствия. Я уверена, он это понимает и ни в чем тебя не винит.

– А почему же он тогда даже не попытался связаться со мной? Я ведь его не видела и не получала от него никаких известий с того самого утра, когда он, как всегда, ушел на работу... Мне так плохо без него.

Эрин вздохнула и погладила Мелани по спине, стараясь хоть немного успокоить.

– Я думаю, он не связывается с тобой именно потому, что любит тебя. Он не хочет ни во что тебя втягивать. Он заботится о тебе.

– Мне не нужна его забота – мне нужен он!

Эрин грустно улыбнулась.

– Я тебя понимаю, но мужчина вряд ли способен понять это. – Она подумала о своем и добавила:

– Они воспринимают все не так, как мы.

Висморкавшись в платок, который Эрин заботливо подала ей, и вытерев слезы, Мелани сказала:

– Меня целый день не было, и я не могла за тобой уха-

живать. Я даже не спросила тебя, как ты себя чувствуешь, – Мне гораздо лучше.

Мелани растерянно кивнула. Эрин видела, что она все еще не может успокоиться. Исчезновение мужа обрекло ее на страдания, разделить которые в полной мере не было дано никому.

Будто подтверждая эту мысль, Мелани встала.

– Если ты не против, я, пожалуй, пойду к себе. Из меня сегодня плохой собеседник. Мне хочется лечь в нашу с Кеном постель и думать о нем, Это звучит глупо?

– Это звучит совершенно нормально. Если вдруг ночью тебе захочется поговорить, приходи ко мне. Я охотно составлю тебе компанию.

– Спасибо, Эрин. Я... я так рада, что ты здесь.

Ее тоненькие ручки обняли Эрин за шею, и та нежно прижала невестку к себе.

– Я и сама рада, что приехала. Ну, спокойной ночи.

– Спокойной ночи.

Эрин долго спала днем и боялась, что ночью не сможет заснуть, но сон пришел к ней на удивление быстро. Она хотела было поразмыслить над поведением Ланса, но ей так и не удалось сосредоточиться. Она подумала об исчезновении Кена, потом о Мелани, состояние которой очень ее беспокоило. Но мозг уже включил защитный механизм, и она заснула, едва только голова коснулась подушки.

Во всех ее снах присутствовал Ланс. Он то представлял пе-

ред ней жестоким и мстительным, то заключал ее в страстные объятия и овладевал ею. Она явственно ощущала у себя под пальцами его волосы, вдыхала его запах, ставший уже таким родным. Он уткнулся губами ей в ухо, повторяя ее имя: «Эрин, Эрин, Эрин...» Она еще теснее прижалась к нему и обвила руками за шею.

Открыв глаза, она подумала, что видит продолжение сна: Ланс тихо произнес ее имя. Он склонился над нею, и она обняла его.

– Что такое? – Она вскочила и, отпрянув от него, поспешно прикрылась одеялом.

IX

– Ш-ш-ш... Извини, что я тебя напугал, – прошептал он. –

Эрин...

– Что ты здесь делаешь? – строго спросила она.

Что у него сейчас на уме? Она больше не доверяла ему – он был слишком непредсказуем. Но она не могла понять, почему вся дрожит и почему так бьется сердце. Наверное, в этом виноват сон. В нем все было, как наяву. Она чувствовала...

– Эрин, мне нужно кое-что тебе сказать. Я включу свет? – Она отрицательно покачала головой. – У нас плохие новости. Я хочу, чтобы ты подготовила миссис Лайман.

– Кен?!

Сначала она увидела, как он кивнул, и лишь потом услышала голос:

– Да.

Ее охватил ужас.

– О, Боже, – простонала она. – Ланс, вы нашли его?

– Нашли. – Он тяжело вздохнул. В темноте спальни он смог различить, что она поднесла руки ко рту. Он взял их и нежно сжал своими большими теплыми ладонями. – Эрин, он мертв.

– Нет! – выдохнула она, отказываясь верить тому, что услышала. Это не может быть правдой. Бог не может быть

так жесток. – Нет! – повторила она громче.

Ланс обнял ее за плечи и сказал:

– Мне очень жаль, Эрин, поверь. Они нашли его вчера поздно вечером в номере дешевого отеля на окраине Сан-Диего. Видимо, он собирался перейти границу.

Она попыталась осмыслить его слова, но безуспешно. Была лишь одна горькая правда – остальное не имело значения. Она никогда не увидит своего брата живым. Кеннета Лаймана больше нет. Она обнаружила, что Ланс молчит, и ровным бесцветным голосом спросила:

– Как?..

– Об этом позже.

– Я хочу знать сейчас, – потребовала она.

– Его убили, – вздохнул Ланс. – Забрали карманные деньги, часы и все такое. По иронии судьбы, чемодана с долларами убийцы не заметили – он так и остался под кроватью. – Он немного подождал и осторожно спросил:

– С тобой все в порядке?

– Да. – Ее удивило собственное спокойствие. – Надо идти к Мелани.

Не дожидаясь ответа, она встала с постели и накинула халат. Обернувшись, она увидела, что он уже в коридоре.

У двери Мелани он предложил:

– Тебе лучше войти первой и разбудить ее. А когда будете готовы – позовите меня.

Это было, наверное, самой трудной миссией в ее жиз-

ни, но Эрин решительно вошла в комнату, подняла Мелани, помогла надеть халат, а затем присутствовала при том, как Ланс сообщал ей о гибели мужа. Эрин ожидала, что невестка упадет в обморок, будет плакать, кричать, что у нее начнется истерика, но ничего подобного не произошло. Она приняла трагическое известие стойко, не проронив ни слезинки. Когда Ланс рассказал ей, как все произошло, опустив лишь некоторые второстепенные детали, она тихо сказала:

– Я знала, что он мертв. Сегодня мне вдруг стало казаться, что я больше никогда его не увижу. Странно, как я это почувствовала?

Она спросила Ланса, что сейчас от нее требуется.

– Мы уверены, что нашли именно его, но, к сожалению, порядок требует, чтобы вы присутствовали на опознании. И поскольку он умер насильственной смертью, вам придется собрать кучу бумаг, прежде чем получить тело. В оформлении документов я вам помогу.

– Спасибо, мистер Баррет.

– А сейчас я позвоню вашим родителям...

– Не надо. – Казалось, Мелани повзрослела сразу на несколько лет. – Я сделаю все сама. Мне только нужно, чтобы рядом была Эрин.

Ланс, нахмурившись, посмотрел на нее, собираясь что-то возразить, но Эрин быстро сказала:

– Конечно, я поеду.

Тогда Ланс пожал плечами и взглянул на часы:

– Я пойду закажу билеты на самолет. Сейчас половина седьмого. Часа два вам на сборы хватит?

– Да, через два часа мы будем готовы, – спокойно ответила Мелани.

События следующих полутора дней стали для Эрин конгломератом каких-то отрывочных воспоминаний. Потом она уже не могла восстановить общую картину, хотя отдельные эпизоды четко врезались ей в память.

Эрин и Мелани хватило отведенного времени, чтобы подготовиться к вылету в Сан-Диего. В дорогу они надели удобную и практичную одежду. На Эрин была светло – коричневая шерстяная юбка, шелковая блузка кремового цвета и темно-синий жакет. Выходя из дома, она сияла с вешалки кожаное пальто и повесила его на руку.

Мелани оделась в том же стиле. Она гладко зачесала волосы и стянула их в «конский хвост». Без косметики ее лицо казалось блеклым. И все же она была красива – той красотой, которая отличает трагических героинь. Эрин всем сердцем сочувствовала молодой женщине, с такой стойкостью переносящей свое горе.

На отремонтированной служебной машине Ланс отвез их в аэропорт. Мелани молча сидела на заднем сиденье. Взор Эрин затуманивали слезы, но глаза Мелани были сухи. О ее переживаниях можно было судить лишь по тому, как лихорадочно она сжимала руку Эрин во время перелета из Сан-Франциско в Сан-Диего. Они заняли места у иллюминато-

ров и возле прохода, положив на кресло между ними сумочки и пальто. Ланс, сидевший через проход от них, весь полет смотрел в иллюминатор. Он был предупредителен с Мелани и вежлив по отношению к Эрин, хотя и держался на дистанции.

Агент того же уровня, что и Майк, встретил их в аэропорту Сан-Диего и проводил к своей машине, напоминавшей колымагу, которая возила их в Сан-Франциско. Ланс сел рядом с молчаливым водителем, а Эрин и Мелани устроились сзади. По дороге мужчины перекинулись парой фраз, говоря приглушенными голосами, так что слов разобрать было нельзя. Мелани, невидящим взором глядевшая на проносившиеся мимо автомобили и на пейзаж за окном, находилась словно в гипнотическом сне.

Несколько последующих часов они попеременно то сидели, то стояли в мрачных, строгих коридорах в ожидании разных начальников. Ланс заходил в кабинеты и говорил с солидно одетыми людьми, которые с любопытством поглядывали на Мелани. Ей задавали вопросы. Она отвечала на них без энтузиазма, но честно и открыто.

К Эрин почти не обращались. Ее единственной обязанностью было заботиться о Мелани, переносившей выпавшие на ее долю испытания с мужеством, которого Эрин от нее никак не ожидала.

Эрин вынуждена была признать, что Лансу удалось избавить Мелани от многих неприятных процедур. Складывава-

лось впечатление, что почти каждое казенное учреждение имеет какое-то отношение к случившемуся и вправе требовать от них той или иной информации.

Когда они наконец закончили оформление бумаг и покинули последнее из бесчисленных учреждений, солнце уже давно село. Они направлялись в местную больницу. Эрин с ужасом ожидала этого момента. Несмотря на то, что личность Кена была установлена, им необходимо было опознать его, чтобы забрать тело из морга.

Агент, встретивший их в аэропорту, повел Мелани в глубь коридора к зловещей двери. Эрин шла следом. Ланс замыкал шествие. В двух шагах от двери морга он взял Эрин за руку выше локтя и повернул к себе лицом.

– Ты не должна туда идти, – спокойно, но твердо сказал он.

– Нет, должна! Я нужна Мелани.

– Я сам пойду с ней. Тебе нечего там делать.

– Какое ты имеешь право мне указывать? – Она высвободила руку. – Я хочу видеть моего брата.

– Не надо. Тебе незачем видеть его таким. – Он взял ее ладони в свои. – Подумай, Эрин: ты представляешь его себе здоровым, красивым, молодым. Лучше, чтобы он остался для тебя таким, а не... – Он осекся. – Тебе не стоит видеть, какой он сейчас, – добавил он после небольшой паузы. – Я прошу тебя: не ходи!

Его убедительные доводы, устремленные на нее умоляю-

щие глаза, напряженное лицо заставили ее согласиться. Она покорно кивнула и оперлась на его руку. Он отвел ее в сторону и усадил на казенный диван, обтянутый кожзаменителем. Агент и Мелани в ожидании Ланса замерли у двери. А он ласково положил руку Эрин на плечо и прошептал:

– Мы скоро.

Когда дверь снова открылась и они вышли в коридор, Мелани беззвучно плакала, вытирая слезы мужским носовым платком. Горе словно придавило ее к земле – казалось, за эти несколько минут она стала меньше ростом.

Эрин бросилась к ней и бережно обняла за плечи.

Мелани сжимала в кулаке листок бумаги. Она подняла на Эрин заплаканное лицо.

– Вот что они нашли у него в кармане. Это письмо мне. Он любил меня. Там так написано. Он любил меня!

Она повисла на Эрин, которая тоже держалась из последних сил, и, рыдая, стала рассказывать, как любил ее Кен. А потом Эрин и прижавшаяся к ней Мелани сидели на том же неудобном диване в ожидании, пока Ланс завершит последние приготовления для транспортировки тела в Сан-Франциско.

Эрин была рада, что Мелани плачет. Слезы приносят облегчение. Плачущая женщина внушала куда меньше опасений, чем тот зомби, на которого была похожа Мелани, безмолвно, с застывшим лицом делавшая то, что от нее требовалось.

Мелани проплакала всю дорогу в аэропорт и все время, которое они провели в зале ожиданий, так что к моменту, когда они поднялись в самолет, она была уже совершенно без сил.

К счастью, пассажиров на ночной рейс набралось немного. Чуткая и услужливая стюардесса убрала подлокотники кресел и предложила Мелани лечь. Та не стала возражать. Она позволила Эрин укрыть себя пледом и покорно опустила опухшие от слез веки.

Ланс, который беседовал у трапа с сопровождавшим их агентом, поднялся на борт последним. Он сел через кресло от Эрин у прохода и засунул под сиденье перед собой неприглядного вида чемоданчик. Эрин сразу поняла, что это такое, и отвела глаза в сторону. Этот ужасный предмет, точнее – его содержимое, стоил жизни ее брату.

Когда самолет поднялся в воздух и Сан – Диего внизу стал лишь пятном огней, Ланс спросил:

– Как она?

– Сейчас лучше.

– Ей надо было выплакаться.

– Наверное, только увидев тело Кена, она поняла, что он умер. – Эрин облизала пересохшие губы. – А что, перед смертью он очень... – Она не закончила фразу.

– Нет. Все произошло быстро, – мрачно ответил Ланс. – В протоколе медэкспертизы говорится, что смерть наступила в результате асфиксии. Видимо, его задушили во сне, зажав

лицо подушкой.

Эрин побледнела и, прикрыв рот рукой, уставилась прямо перед собой невидящим взглядом.

– Я благодарна ему за его последнее письмо, – отрешенно произнесла она. – Главное, оно доказывает Мелани, что Кен любил ее.

– Да, хорошо, что грабители его не тронули.

– Вы кого-то подозреваете?

– Нет. Скорее всего, дело будет закрыто как бесперспективное. Не осталось никаких следов. Все было сделано за считанные минуты. Судя по всему, работал профессионал. Нам еще повезло, что преступник или преступники не нашли денег.

– Ну, конечно, нам очень повезло! – саркастически воскликнула она.

Ее вдруг охватило непреодолимое желание как можно больнее уколоть его, отомстить за поведение накануне вечером. Ей захотелось заставить его страдать так, как он заставил страдать ее.

– Теперь вы можете гордиться собой, мистер Баррет. Вы возвращаетесь к себе на службу победителем. Что там у вас обычно говорят, когда вам удается поломать еще чью-то жизнь? «Ну, что ж, парни, на этом можно поставить точку?» – или: «Это дело можно положить на полку?»

Она была несправедлива и прекрасно понимала это. В том, что Кен совершил преступление, не было никакой ви-

ны Ланса. Но ей было больно оттого, что она никогда больше не увидит брата. Все мечты о семейных узах, о любви и привязанности родных людей рассеялись как дым, и она почувствовала потребность выместить на ком-то свою досаду и боль от несбывшихся надежд. Рядом оказался Ланс. Она была не права, но испытала какое-то извращенное удовлетворение при виде того, как он поджал губы и кинул на нее удивленный, обиженный взгляд.

Эрин откинулась на спинку кресла и закрыла глаза. Через несколько минут она скорее почувствовала, чем услышала, как Ланс поздравил стюардессу.

– Выпей! – коротко приказал он, тронув Эрин за руку.

– Что это?

– Бренди. Тебе это сейчас нужно.

Она покачала головой.

– Я не пью крепких напитков.

Он насмешливо взглянул на нее.

– А я пью. – Первый стакан он выпил залпом, так что на глазах у него даже выступили слезы. Он скорчил жуткую гримасу, с шумом втянул воздух и удовлетворенно вздохнул. – Попробуй. Прекрасно снимает напряжение. – Он сделал небольшой глоток из второго стакана.

Некоторое время оба молчали. Когда он наконец заговорил, голос его звучал примирительно:

– Мне очень жаль, что Лайман погиб. Я бы хотел, чтобы все было по-другому.

Она повернулась к нему, и их глаза встретились.

– Я знаю, – прошептала она. – То, что я сказала, – это так глупо и несправедливо. Ты меня простишь?

Вместо ответа Ланс взял ее за руку. Отдав стакан стюардессе, он подсел поближе к Эрин и убрал разделявший их подлокотник. В салоне горел тусклый свет. Немногочисленные пассажиры либо спали, либо что-то читали, включив маленькие ночники над креслами. Стюардессы, убедившись, что все устроилось на ночь и никому ничего не нужно, удалились к себе.

Ланс нежно гладил руку Эрин, лежавшую у него на ладони, чутко скользя по ней пальцами, их колени соприкасались. Незаметно для себя она прислонилась к нему плечом, словно ища у него защиты.

– Эрин, расскажи мне о своем муже, – тихо попросил он.

Она не стала ломаться. Повинуясь непреодолимому порыву, она положила голову ему на плечо.

– Таких добрых людей, как Джозеф, я никогда не встречала. И он очень преуспевал в бизнесе. Во многом успех объяснялся тем, что все служащие его просто боготворили. Даже посыльный имел у него свою долю прибыли. Возможно, кто-то считал его хитрым и расчетливым, но на самом деле он просто испытывал потребность делиться с людьми своими доходами. – Ланс обнял ее за плечи и покрепче прижал к себе. – Когда он только начал проявлять ко мне интерес, я подумала, что он ценит меня за мои знания и прислуши-

вается к словам. На самом деле так и было. Но только после того, как он несколько раз пригласил меня в ресторан, до меня дошло, что я нравлюсь ему. Теперь, оглядываясь назад, я понимаю, что помогла ему ненадолго вернуть молодость. До нашей встречи он много лет прожил вдовцом. Его дети выросли и отделились. Долгое время он жил только работой. Он был одинок. В конце концов он сделал мне предложение. Я была ошеломлена и немного напугана. Он всегда был со мной так безупречно корректен, что его предложение застало меня врасплох. Я дала ему согласие не потому, что любила, а потому, что боялась обидеть его отказом. – Ее рука продвинулась к бедру Ланса и теперь машинально скользила вверх и вниз, перебирая складки на брюках. – Когда я вышла за него, все были в ужасе. Меня считали алчной и беспринципной. Я переживала оттого, что люди шушукаются за моей спиной, но сама знала, что меня не за что упрекнуть. К нам с Джозефом нельзя было подходить с общими мерками. Я была молода, одинока и, в общем, горда тем, что такой человек обратил на меня внимание. Вот и все. Не прошло и года, как он умер.

Ланс поймал ее руку и прижал к бедру.

– Нет, Эрин, это не все.

Она покраснела, понимая, что он имеет в виду.

– В физическом смысле мы так и не стали мужем и женой.

Джозеф... он пытался, но к тому времени он был уже очень болен. – Она запнулась. Краска заливала ее лицо. – Когда

он пошел к врачу, чтобы проверить... ну, в общем, у него обнаружили опухоль. Она была уже неоперабельна.

Вернувшись мыслями к тем дням, Эрин вдруг с удивлением подумала, какую перемену произвела в ней встреча с Лансом. Безуспешные попытки Джозефа овладеть ею отвратили ее от секса. Он был настолько убит собственной беспомощностью, что Эрин ощущала его боль и унижение, как свои. С тех пор она шарахалась от всего, что было связано с сексом, воспринимая его как нечто унижающее человеческое достоинство, и мужчины не вызывали у нее интереса.

Это ни в коей мере не было связано с отсутствием выбора. В Нью-Йорке и перед этим, и после смерти Джозефа за ней увивалось много молодых людей, но ей удавалось охлаждать их пыл. В конце концов, убеждаясь в бесперспективности своих притязаний, они отправлялись искать новых подруг. В Хьюстоне повторилось то же самое, но потом она встретила Барта, с которым достигла соглашения воздерживаться от интимных отношений.

Ее пугал не сам половой акт. Родители Эрин были любящей парой, жившей активной половой жизнью. Еще ребенком Эрин ощущала, что их связывает какая-то тайна. Теперь, когда это стало касаться ее самой, она боялась разочарования, если что-то опять будет не так.

Почему же она с таким восторгом отдалась Лансу Баррету? С первого объятия, еще принимая его за Кена, она почувствовала в себе искру желаний, которая впоследствии

разрослась в целый лесной пожар. Даже бросая ему в лицо оскорбления, она не могла подавить в себе сексуального чувства – оно было неистребимо, раз он находился рядом.

И он об этом знал. Ее тело не позволяло держать это томление в тайне, и его тело инстинктивно отвечало тем же. От нее как будто исходили какие-то магнетические токи, которым он не мог противостоять.

Но она играла в опасную игру. Ведь она отказалась стать любовницей Барта, в частности, еще и потому, что мечтала о семье. И почему – то чувствовала, что Барт – не тот, кого она хотела бы видеть своим мужем и отцом своих детей. Если бы она увлеклась им, он мог бы стать препятствием на пути к тому, к чему стремилась и чего ждала от жизни.

Но если Барт был препятствием, то Ланс – непреодолимой преградой. Всего через несколько дней они разойдутся и никогда больше не увидят друг друга. Зачем ей рисковать своим будущим? Связь с Лансом ничего не сулила впереди. Продолжать ее было глупо, безнадежно, безнравственно.

И все же сейчас, чувствуя на щеке его дыхание и ощущая его руку у себя на груди, она понимала, что не властна над своей страстью и ничего не в силах изменить.

Когда она подняла голову и посмотрела на него, он потонул в глубине ее темных глаз, широко открытых и полных невыплаканных слез. Сжав губы, он сказал сдавленным голосом:

– Я сожалею о том, что произошло вчера в парке.

– Ничего страшного. Ты просто вышел из себя, – спокойно ответила она.

– Тому, что я сделал, нет никакого оправдания! Боже, я чуть было не изнасиловал тебя. – Он вздохнул, сокрушенно крутя головой. – Поверь, Эрин, я никогда в жизни не вел себя с женщинами подобным образом. Я не причинил тебе боли? – Его виноватый вид совершенно обезоружил ее.

– Немного, – ответила она с улыбкой.

– Если бы только можно было вернуть время назад! Я бы все отдал, чтобы такого не случилось.

– А почему бы тебе не попросить у меня прощения? – спросила она с обольстительной улыбкой.

Он нежно улыбнулся, положил палец ей на губы и провел им из одного уголка рта в другой – медленным, возбуждающим движением.

– Эрин, я прошу прощения за свой ужасный поступок.

– Я тебя прощаю, – прошептала она. Его палец пробрался между ее губ и притронулся к зубам.

Ланс украдкой огляделся.

– Жаль, что здесь столько народу.

– А что бы ты сделал, если бы никого не было? – игриво спросила она.

– Эрин, – произнес он сквозь стиснутые зубы, потому что она поймала ртом его палец и начала нежно трогать его языком. – Если твоя рука поднимется хоть чуточку выше по моей ноге, ты узнаешь, что бы я сделал!

– А что бы сделал? – не унималась Эрин.

– Я поцеловал бы тебя, – ответил он ей в тон, – вот так... –

По-прежнему обнимая ее за плечи, он другой рукой взял ее за подбородок и накрыл губы своими. Сначала он дразнил ее, покусывая ей губы, трогая их языком. Потом немного отстранился, чтобы взглянуть на результат. Ее глаза были прикрыты темными ресницами, губы влажно блестели. – Эрин, – простонал он, вновь впиваясь в нее поцелуем. Сейчас не время выяснять отношения, думал он. Ну и пусть ее жених – миллионер. Но ведь сияла же она подаренное им бриллиантовое кольцо! Ему казалось, что он угадал момент, когда она решила избавиться от этого символа принадлежности другому мужчине.

А что, если он больше никогда ее не увидит? А вдруг ее доход вчетверо больше его? Хотя какое значение это имеет сейчас? Сейчас, когда она рядом. В самолете темно, уютно, и им хорошо вдвоем. Она прижалась к нему своим податливым телом, послушным любой его прихоти. Ее рука покоилась на его бедре, совсем близко от его мужского естества, уже познавшего ее и сейчас опять напрягшегося в готовности. Ее губы раскрыты в ожидании его ищущего языка. Он едва сдержал рвущийся у него из груди стон и выпрямился, чтобы вдохнуть немного воздуха.

– От тебя пахнет бренди, – сказала она, когда их уста разомкнулись. – Я теперь полюблю этот напиток.

– Угощайся, – предложил он, и на этот раз ее язык при-

нялся исследовать глубины его рта, заполняя их.

Поцелуй был окончен, но этот неутомимый язычок ощущал теперь ямочку и у него на подбородке, заставляя его испытать слабость и одновременно ощущать себя властелином.

Затем в этой интригующей расселине оказался ее указательный пальчик, и она хрипловато спросила:

– А тебе не стыдно целовать меня, находясь при исполнении служебных обязанностей?

Ему нравилось участвовать в этой игре. Напустив на себя строгий вид агента спецслужбы, он произнес:

– Наверное, ты закоренелая преступница, а завлекательная внешность – твоё прикрытие. Сейчас ты пыталась меня соблазнить, и мои подозрения окрепли.

– Это не единственное, что у тебя окрепло, – еле слышно проговорила она.

Действительно ли он почувствовал её руку или это лишь разыграншееся воображение? Черт, в том состоянии, в каком он находился сейчас, это возможно. Он тяжело сглотнул.

– Ты отвлекаешь меня от темы, – с трудом выдавил он.

– Извините, сэр, – с шутливым раскаянием вымолвила она. – Продолжайте, прошу вас.

– Как я уже говорил, – для солидности он откашлялся, – мне придется еще раз вас обыскать.

Его рот надменно скривился – как хорошо ей было знакомо это выражение! Когда она впервые увидела его самоуве-

ренное лицо, то испугалась. Теперь оно заставляло ее сердце трепетать от восторга.

– Я убеждена, вы не захотите уклониться от исполнения своих обязанностей, – торжественно заявила она.

– Нет, я не могу этого допустить.

Он снова приблизил к ней лицо, но не поцеловал, а лишь глубоко заглянул в глаза, запуская руку ей под жакет. Тепло его тяжелой ладони у нее на груди отдалось теплой тяжестью внизу живота и запульсировало между ног. Нарочито медленно он повел руку вниз.

Эрин ощущала жар, который исходил от его пальцев и, проникая через блузку, обжигал кожу. Его глаза пронзали ее насквозь. Они глядели на нее нежным и одновременно жадным взором. Он смотрел на нее и не мог наглядеться.

Его рука опустилась ей на грудь. Он начал чувственно массировать ее круговыми движениями, пока не ощутил, как напрягся и затвердел сосок под ладонью. Ее губы, на которые он смотрел не отрываясь, раскрылись и беззвучно выдохнули его имя.

– Эрин О'Ши, – произнес он голосом, одновременно торжественным и проникновенным, – в тебе есть две удивительные вещи. Первая – вот эта. – Он провел пальцем по ее отзывчивой на ласку груди. – Вторая – твое умение произносить мое имя, на самом деле не произнося его. Я просто схожу от этого с ума.

Он ненадолго отпустил ее, но лишь затем, чтобы расстег-

нуть пуговицы на ее блузке. Потом его рука скользнула по ее округлым формам. Осторожно, словно раздевая ребенка, он снял тонкий кружевной лифчик и обвил ее рукой. Она подалась вперед, желая быть ближе к нему. Они не отрываясь смотрели друг на друга. Но стоило его пальцу начать чертить замысловатые фигуры на ее теле, как она тут же прикрыла глаза. Он наклонился над ней и прижался губами к уху. Осыпая поцелуями бархатистую, ароматную гладь ее шеи, он прошептал:

– Эрин, да простит меня Бог, но я так тебя хочу!

В его словах звучала настойчивость, но, несмотря на это, его испытующая рука словно убаюкивала ее. Катая шарик ее соска в своих чувственных пальцах, он спросил:

– А знаешь ли ты, какого восхитительного цвета у тебя кожа? И вкус ее тоже невозможно забыть! Я как будто ощущаю его на языке! А теперь я хочу...

В этот момент загорелось табло с надписью. «Пристегните ремни!», и раздался мелодичный сигнал, призывающий пассажиров к вниманию. Ланс тихо выругался и, прикрывая ее своим телом, вернул лифчик на место и помог застегнуть блузку. Эрин хотела прикоснуться к его руке, но он прошипел:

– Но дотрагивайся до меня! – Увидев обиду на ее лице, он улыбнулся:

– А тебе не приходило в голову, что мне требуется хотя бы пара минут, чтобы прийти в норму?

Он смотрел на нее с приветливой усмешкой, пока до нее доходил смысл его слов. Когда же она сообразила, в чем дело, то резко отдернула руку и выпрямилась в кресле, боясь пошевелиться.

Лишь когда самолет плавно коснулся земли, она застенчиво посмотрела на него.

– Ланс, а ты... тебе не кажется, что с моей стороны безнравственно так откровенно себя вести? По-твоему, я порочная женщина?

Его улыбка была нежной и искренней.

– В течение многих лет я наблюдал за реакцией людей на экстремальные условия и обнаружил, что разрядка после нервного стресса может принимать множество форм. Одни плачут, другие впадают в истерику, третьи ожесточаются. Некоторые начинают безумно хохотать, а есть люди, которые ищут забвения в любви. – Он сделал многозначительную паузу. – И каждое из этих чувств не более безнравственно, чем другое.

– Спасибо, – прошептала она.

X

– Здравствуйте, тетя Реба. Это Эрин. А можно маму?

– Эрин! Мы как раз о тебе говорили. Ты вернулась в Хьюстон?

– Нет. Я звоню из Сан-Франциско.

– Ну, не буду задерживать. Мама умирает от желания поговорить с тобой. До свидания, дорогая.

Через час должны были начаться похороны, но Эрин так нужно было поговорить с мамой, что она выкроила часть времени на междугородний разговор, зная, что он не будет коротким. Вчерашний день был самым печальным в жизни Эрин. Мелани решила не откладывать похороны Кена. Они были назначены на четыре часа, так что едва хватило времени на приготовления. Эрип подумала, что это мудрое решение. Чем скорее Мелани сможет восстановить хотя бы некоторую видимость нормальной жизни, тем лучше.

– Привет, Эрин! – Бодрый голос Мерль О'Ши был как бальзам на израненную душу.

– Мама, как я рада слышать тебя! Как ты себя чувствуешь?

– Я – хорошо. Но гораздо важнее, как ты. У тебя не особенно счастливый голос.

Этого Эрин только и нужно было. Из нее полились потоки слез и слов – она начала с того, как пришла па крыльцо дома Кена Лаймана, и рассказала все. Закончила она тем, что по-

хороны назначены на сегодня, и коротко всхлипнула в трубку.

– Девочка моя дорогая, я так тебе сочувствую! Я даже представить себе не могла, что все будет так ужасно! Ты столько надежд возлагала на то, что найдешь своего брата и встретишься с ним. – Эрин услышала, как дрогнул голос матери. Как всегда, когда Эрин страдала, страдала и ее приемная мать. Хотя она и не носила Эрин под сердцем, она выносила ее в своем сердце. – Я могу чем-нибудь помочь? Хочешь, я прилечу в Сан-Франциско?

Это было бы слишком большой жертвой. Мерль О'Ши смертельно боялась самолетов.

– Не надо, мама. Мне стало легче теперь, когда я поговорила с тобой. В самом деле, я буду в порядке – я должна, ради Мелани.

– Похоже, она очень хорошая девушка.

– Да. Мы с ней как сестры.

Мать слегка запнулась, прежде чем задать следующий вопрос.

– Эрин, э... я хотела спросить, ты узнала что-нибудь о своей настоящей матери?

Эрин улыбнулась в трубку. Мама не может избавиться от своеобразной материнской ревности!

– Нет, мама, ничего не узнала.

– Я никогда не прощу себе, что уничтожила те выписки, которые мне дали в приюте, так и не прочтя их. Когда мы

с Джеральдом взяли тебя, я так боялась тебя потерять и так эгоистично, собственнически тебя полюбила...

– Мама, ну пожалуйста! Мы тысячу раз говорили об этом! Тогда тебе казалось, что так будет лучше для меня. Кроме того, я и сейчас не уверена, что хочу узнать еще что-нибудь. Боюсь, я не смогу выдержать еще одного разочарования.

Обе помолчали, а затем Мерль спросила:

– А этот мистер Баррет, что он из себя представляет? Надеюсь, он не из этих бесчувственных «крутых парней»?

Эрин умышленно ни слова не сказала о своих отношениях с Лансом Барретом. Что такое Ланс?

– Я бы сказала, он довольно чуток, хотя все делает очень профессионально. Нет, бесчувственным его не назовешь.

Казалось, мать осталась довольна таким ответом.

– Хорошо. Слава Богу, что так.

– Да.

– Эрин, а когда ты вернешься? Мне гораздо легче, когда ты в Хьюстоне, а не так безумно далеко!

Эрин вздохнула. Она еще не собиралась возвращаться домой, хотя и знала, что надо.

– Не знаю, мама, – честно ответила она. – Хочу убедиться, что с Мелани все в порядке. Побуду еще несколько дней для верности. Я дам тебе знать.

– Пожалуйста. – Мерль секунду помедлила и продолжала:

– Эрин, я знаю, как много это значит для тебя. Если бы только я могла разделить с тобой эту боль! Ты ведь знаешь

это, правда?

– Да, мама.

– Иногда в жизни случаются необъяснимые вещи. Я надеюсь, это не пошатнет твою веру в то, что Бог тебя хранит.

– Нет. Сейчас эта вера нужна мне больше, чем когда бы то ни было.

– Я буду за тебя молиться. Я очень люблю тебя, Эрин!

– Я тоже люблю тебя! До свидания, мама.

– До свидания.

Эрин повесила трубку. Вот и прервалась ниточка, связывающая ее с женщиной, которая ее любит, с женщиной, давшей ей жизнь – хотя и не родившей ее.

Она апатично вернулась в спальню для гостей, чтобы одеться для похорон. Из Хьюстона она привезла простое платье от Хэлстона из черного шерстяного джерси, чтобы надеть его к обеду, если представится случай. Теперь она надевает его на похороны. Черные колготки и черные замшевые туфли завершили ее костюм. Из украшений она надела только жемчужные серьги и тонкую нитку жемчуга на шею.

Эрин любила черный цвет – он подчеркивал оттенки ее темных волос и глаз, изящную фигуру. Мелани не так повезло. Черное платье, которое она позаимствовала у Шарлотты Уинслоу, висело на ней, словно саван. Ее светлые волосы были по-прежнему строго зачесаны назад, черное платье делало и без того болезненный цвет ее лица совсем землистым. А глаза, в которых Эрин привыкла видеть искорки ребяче-

ского веселья, были потухшими и пустыми.

Кортеж двинулся от дома к часовне на кладбище. В траурном лимузине похоронного бюро ехали Эрин и Мелани. С ними были родители Мелани – казалось, их безумно раздражает все это. Эрин презрительно подумала, что, вероятно, из-за похорон им пришлось отложить партию в бридж или гольф, и им трудно с этим примириться.

За ними на почтительном расстоянии следовали Ланс, Майк и Кларк в незаметной служебной машине.

Казалось, Мелани досуха выплакалась вчера, перед посадкой в самолет. А после приземления, окруженная теплым вниманием Эрин и Ланса, пришла в себя, хоть и имела несколько отсутствующий вид. Отпевание она выдержала стойчески.

Эрин О'Ши смотрела на простой гроб с телом своего брата, усыпанный хризантемами, и ее захлестывало горе, какого она не испытывала со времени смерти Джеральда О'Ши.

Она была так близка к тому, чтобы узнать и полюбить брата. Так близка, и вот – она никогда не увидит его живым. Никогда не услышит его голоса. Никогда не постигнет тонкостей его натуры. А если бы она вошла в его жизнь несколькими днями раньше, может быть, ее появление повернуло бы его жизнь в другую сторону?

На отпевании она была почти такой же, как Мелани: стояла с отсутствующим видом, охваченная горем.

Когда они вернулись в дом Лайманов, уже почти стемне-

ло. Эрии с Мелани поднялись наверх и расстались у дверей своих комнат. Прежде всего Эрин хотела снять черное платье. Ей казалось, что она никогда больше не сможет его надеть.

Она переделалась в старые джинсы, в которых была в свой первый вечер в этом доме, и в удобный свитер. Причесалась и освежила лицо, перепачканное поплывшей косметикой. Стало немножко легче, и она решила, что, хотя и не чувствует голода, надо съесть что-нибудь из огромного количества еды, принесенной друзьями и соседями. Она все еще чувствовала некоторую слабость после болезни и к тому же в последние три дня не ела как следует. Спустившись вниз, она застыла как вкопанная: по ступенькам спускалась Мелани с двумя чемоданами в руках.

– Мелани, что...

– Эрин, возможно, я поступаю ужасно... Я ухожу.

Эрин потрясли эти слова, сказанные совершенно спокойно.

– Но... Но куда ты собираешься? Почему?

– Ты видела моих родителей?

Трудно было их не заметить, подумала Эрин. После похорон чета Уинслоу проводила дочь до ее дома и тотчас же, не успев войти, начала уговаривать Мелани ехать с ними домой. Они устроили прямо-таки сцену, чем весьма смутили юную вдову.

– Я сказала им, что хочу провести эту ночь в своем до-

ме, особенно учитывая то, что ты здесь, но пришлось пообещать, что завтра я перееду к ним. – Губы Мелани сжались в решительную прямую черту. – Я не собираюсь выполнять это обещание. Они разрушили мою жизнь, не говоря уже о Кене. И я не позволю им больше руководить мною.

Эрин растерянно оглянулась и увидела, что за ее спиной стоит Ланс и слушает «декларацию независимости» Мелани.

– Но куда ты пойдешь сейчас? – спросила Эрин, хватаясь за перила.

– Не знаю, – безразлично пожала плечами Мелани. – Мне и в самом деле все равно. Только бы подальше отсюда. От них. – Она печально вздохнула. – Я действительно не хочу сейчас продавать дом, но не могу здесь оставаться – это значит подвергнуть себя их постоянной травле. Понимаешь?

Вопрос был риторическим, скорее, это была мольба об одобрении, поэтому Эрин, несмотря на свои сомнения в благоразумности планов Мелани, ответила:

– Конечно, понимаю.

– Спасибо тебе, Эрин. Я знала, что ты поймешь. Я оставлю родителям письмо на столике у входной двери в холле. Пожалуйста, передай им, когда они придут.

– Что еще?

– Ничего. Я скоро свяжусь с тобой. Я записала твой адрес и телефон в Хьюстоне. Мне очень неловко вот так убегать от гостей, но я должна это сделать.

Эрин улыбнулась.

– Я не гость. Я член семьи.

– Вам что-нибудь нужно, миссис Лайман? Деньги у вас есть? – спокойно спросил Ланс из-за спины Эрин. Он явно одобрял отъезд Мелани.

– Есть. У меня свой счет. Мне неловко обременять вас лишними просьбами, мистер Баррет, но когда вы выясните все, что вам нужно, может быть, вы отдадите ключ от дома ближайшей соседке? Она присмотрит за домом, пока я не вернусь.

– Будет сделано, – твердо пообещал он. Внезапно Мелани шагнула к нему и через мгновение оказалась в его объятиях.

– Спасибо вам, вы всегда были так добры, – бормотала Мелани, уткнувшись в его рубашку. – Я знаю, вы сделали все, что могли, чтобы найти Кена и вернуть его. Вы были справедливы к нему.

Глаза Ланса напряженно сощурились.

– Ни в коем случае я не хотел, чтобы все так получилось, миссис Лайман.

Мелани устремила было к двери, но потом опять повернулась к ним.

– В каком-то смысле я рада, что Кену не пришлось оказаться в тюрьме или страдать от еще какого-нибудь бесчестья. Он долго был несчастлив. Он пишет мне в этом письме, – она прикоснулась к груди, где, догадалась Эрин, было спрятано письмо, – что ему недоставало признания. Я думаю, что он и деньги взял, чтобы обратить на себя внимание,

словно бы говоря всему миру. «Я живу на свете! Вот я какой, я, Кеннет Лайман!» Я не философ и не психолог, но сейчас мне абсолютно ясны его мотивы. И я знаю, он любил меня, несмотря ни на что.

Устами младенца... подумала Эрин, еще раз обнимая свою дорогую невестку, и слезы неудержимо покатались у нее по щекам. Они с Лансом стояли в дверях, пока Мелани выводила машину из гаража, разворачивалась... Наконец, она укатила в ночь.

– Как ты думаешь, Ланс, с ней все будет в порядке? – взволнованно спросила Эрин.

– Гораздо лучше, чем раньше, – пробормотал он, и Эрин вдруг обрела утешение в этих его простых словах. – А теперь, – он посмотрел на нее с забавной усмешкой, – позвольте мне осушить ваши слезы. – Он вытащил из кармана белоснежный носовой платок. – Сколько времени прошло с тех пор, как ты нормально ела?

– Не помню, – засмеялась она.

– Тогда, я думаю, – глубокомысленно сказал он, – ты отощавешь. – Чтобы показать, как именно, он обхватил ладонями ее за ребра и развернул в направлении кухни. – Еды здесь хватит на целую армию, а утром нам придется все выбросить. Так давай уничтожать ее!

Пока на кухне она наполняла свою тарелку, он в гостиной снял трубку красного телефона.

– Майк, вели парням сделать перерыв, и приходите съесть

хоть часть этой еды.

Он вернулся на кухню без галстука, с закатанными до локтей рукавами рубашки.

– Что-то ты мало положила, – сказал он, проверяя ее тарелку, словно школьный учитель.

Не слушая возражений, он добавил еще один кусок холодного жареного цыпленка и грудку картофельного салата.

– Я растолстею, – запричитала она, глядя, как он загружает тарелку.

Он улыбнулся открытой, дружелюбной, чуть насмешливой улыбкой, которая редко появлялась на его лице, но, если появлялась, была совершенно неотразимой.

– Ни в коем случае. А потом, я знаю пару таких мест, которым даже излишняя пухлость не повредит, – и его взгляд многозначительно упал на ее груди.

– Я... – не успела она открыть рот, чтобы достойно ему ответить, как входная дверь открылась и вошли его люди. Она узнала Майка и Кларка, но с ними были трое других. Вероятно, они видели ее раньше и прослушивали ее разговор с Бартом. Когда Ланс представлял их, она залилась краской.

Они все были очень подтянуты, очень вежливы и очень тихи. Эрин наконец поняла, почему при пей их поведение становится почти подобострастным. Ведь сегодня были похороны, и каждый из них держался в соответствии с этим обстоятельством. Чтобы обстановка несколько разрядилась и всем стало легче, она решила развеять эту скорбь и ста-

ла задавать им вежливые вопросы. Довольно долго, прежде чем ответить, они, словно спрашивая разрешения, бросали взгляд на Ланса. Но постепенно разговорились, и к концу ужина в кухне порой даже раздавался смех.

Эрин собрала бумажные тарелки и использованную одноразовую посуду и выбросила их в пластиковый мешок для мусора. Ланс помог ей вымыть освободившиеся от еды блюда. Надо сказать, освободилось их не слишком много.

– Я полагаю, утром я должен отнести эти блюда к той же соседке, а она вернет их владельцам.

– Наверное, так. – Эрин вытерла стол. Ей по хотелось задавать следующий вопрос, но деваться было некуда. – А когда вы уезжаете?

Ланс медлил с ответом, весь уйдя в завязывание узла на мешке с мусором, потом понес мешок к задним дверям, чтобы утром его забрали...

– Сегодня вечером мы уберем отсюда всех наших людей. А мне нужно еще разобраться с несколькими ниточками. Так что я уеду если не завтра, то послезавтра. А ты?

Не глядя па него, Эрин сняла передник, который надела перед тем, как убирать кухню, и повесила его на крючок в кладовой.

– Не знаю. Я хотела остаться на несколько дней с Мелани, по теперь... – Ее голос сорвался.

Ланс подошел и положил руки ей на плечи, нежно поглаживая основание шеи.

– Ты устала, – заботливо прошептал он. – Иди наверх. Мне нужно еще посмотреть кое-какие бумаги в гостиной. Я все запру, когда буду уходить.

Это был конец. Она не знала, чего от него можно ожидать, но надеялась, что сегодня это будет нечто большее, чем пожелание «спокойной ночи», которое обращают к младшей сестре.

Когда она уже дошла до двери, то вдруг услышала:

– Эрин?

Сердце ее подпрыгнуло от радости, она обернулась... Он даже не смотрел на нее, уставившись в окно.

– Да? – «Ланс, обернись же!» – стонало ее сердце.

– Если ночью тебе что-нибудь понадобится, сними трубку красного телефона. Мы не отключим его до утра.

Это все, что он хотел сказать?

– Хорошо, – подавленно сказала она и пошла наверх.

Она готовилась ко сну машинально, не отдавая себе отчета в том, что делает. И когда наконец легла и укрылась, постель, и комната, и весь дом показались ей такими же пустыми и холодными, как ее сердце.

Все правильно, Эрин, твердила она себе. В конце концов, чего ты ожидала? Он при исполнении служебных обязанностей. Завтра его работа будет завершена, и он вернется в Вашингтон ждать нового задания. Эрин О'Ши, возможно, будет упомянута в представленном им отчете, и, может быть, когда-нибудь он вспомнит о ней с нежностью, но скоро чер-

ты ее лица изгладятся из его памяти.

Она останется для него приятным приключением во время сложной работы. Разрядкой от напряжения, которого требует его работа.

Но неужели он может расстаться с ней так просто? Неужели он не помнит, что случилось в этой комнате? В этой постели? Ей казалось, что в этих стенах звучит эхо жарких, страстных слов, которые он ей шептал, которые были для нее песней.

«Дурочка! Глупышка!» – твердила она себе. Но они продолжали звучать у нее в ушах: «Милая... Иди ко мне... Ну, скорее... Я жду... Эрин... Эрин... Эрин...»

* * *

Она проснулась поздней ночью, вероятно, после полуночи. Дом был тих и безмолвен, но она не смогла заснуть снова. Эрин поправила одеяло, сходила в ванную, поворочалась несколько минут и решила попить холодной воды.

Снова встав с постели, она накинула халат, но поленилась найти тапочки. Не зажигая света, спустилась вниз – и задохнулась.

Дом был в огне!

В первый момент она панически испугалась. Сжав у горла воротник халата, попыталась унять сильно бьющееся сердце. Но через минуту поняла, что ошиблась. Дымом не пахло, и

огонь был сосредоточен в облицованном панелями кабинете.

На подгибающихся ногах она прошла темный холл и заглянула туда. Свет был выключен, но в огромном камине, которым доселе не пользовались, ярко пылало пламя.

Заинтригованная, она ступила в кабинет и внезапно остановилась. Ланс раскинулся в кресле, в котором однажды уже спал. В его опущенной руке был пустой стакан, а на столике у локтя стояла бутылка бренди.

Она осторожно пошла дальше. Он, шумно посапывая, спал. Очки, сдвинутые на макушку и там забытые, вызвали ее растроганную улыбку. В отблесках пламени его взъерошенные волосы казались золотыми.

Бесшумно, на цыпочках она подошла ближе. Сердце ее было полно любви. Любви? Да! Она любит его. Это и хорошо и плохо. Это и восхитительно и больно. По тысяче причин это невозможно. Но любовь, переполнявшая ее, оттеснила возражения трезвого рассудка.

Стараясь не разбудить Ланса, она протянула руку, сняла очки с его макушки и положила на стол. Он не пошевелился. Волосы казались такими упругими и живыми в отблесках танцующего пламени, что их хотелось потрогать. Искушение было настолько сильно, что она не могла ему сопротивляться.

Она провела рукой от его лба до затылка; огненные пряди под ее пальцами были мягки, как шелк. Он открыл глаза.

Казалось, время остановилось. Не решаясь даже вздох-

нуть, чтобы не разрушить колдовских чар, они смотрели друг на друга и не могли наглядеться.

Он не пошевелился, только поднял руку и накрыл ладонь Эрин, все еще лежащую на волосах, твердыми теплыми пальцами, провел ею по своей щеке, легонько прижал к губам и стал целовать. Она чувствовала кончик его языка. Его поцелуи делались все более страстными.

Медленно, медленно, словно во сне, он притянул ее к себе и посадил на колени. стакан выпал из ее руки и с глухим звуком упал на ковер. Раздвинув воротник ее халата, он уткнулся лицом в выемку у основания ее шеи.

– Эрин, если ты – сон, то я не хочу просыпаться! – Его голос стал хриплым и прерывался от страсти.

Она откинула голову, подставив его жадным губам свою шею и грудь.

– Ланс, я не сон. Я живая, Ланс...

И тут их губы встретились. Она припала к его груди, и он сомкнул объятия. У нее под ухом раздавались тяжелые, гулкие удары его сердца. Их слившиеся губы плавил тот же огонь, который бушевал в их душах.

– Ты опять пил бренди, – сказала она, отрываясь от его губ. – На тебя так сильно все это действует?

– На меня сильно действует вот это, – пробормотал он, проводя языком по ее ушной раковине. – И это, – он покрывал быстрыми летучими поцелуями ее лицо. – И это, – его губы спускались ниже. – И это, – он наконец достиг ее гру-

ди. Одной рукой он на секунду мягко накрыл ее грудь, затем стал гладить ее живот, затем – бедра, там, где они плавно переходили в ноги. – И это, – плотнее прижав ладонь к ее телу, он словно лепил ее, с безошибочной точностью следуя изгибам этого восхитительного тела.

Она задрожала. Словно фонтан страсти забил, забурился – она поддалась неудержимому желанию. Она прильнула к нему всем телом, крепко обняв за шею.

Взяв ее за плечи, он отстранился и заглянул в глубину ее глаз.

– Эрин, я хочу тебя так, как никогда в жизни не хотел ни одной женщины! Но я никогда не прощу себе, если воспользуюсь твоей – или чьей бы то ни было – слабостью, как сейчас. Сегодня ты пережила сильное потрясение, ты взвинчена. Ты уверена, что ты этого хочешь?

Вместо ответа она взяла его за руки, мягко освободила свои плечи и сняла халат. Он на мгновение перестал дышать, увидев ее ночную рубашку. Ту самую, которую отметил, еще когда обыскивал ее чемодан в первый день, в этой же комнате. Бледно-голубой шелк оттенял ее опаловую кожу. Лиф из кремовых кружев плотно облегал грудь, не оставляя простора воображению.

– Эрин... – задохнулся он.

Ободренная его явным восхищением, она спустила атласную бретельку сначала с одного, а потом с другого плеча. Во мгновение ока лиф упал, пеной кружев осев вокруг талии.

Ланс следил за ней глазами, полными обожания. Пламя обливало ее тело золотистыми отсветами и окружало ее волосы сияющим нимбом. Он никогда не видел более прекрасного, более неземного создания. И снова усомнился в ее реальности.

Чтобы убедиться в том, что она действительно существует, он притронулся указательным пальцем к розовой вершине ее груди. И с восторгом увидел – она откликнулась! Наклонив голову, он притронулся к отвердевшему соску копчиком языка и сквозь оглушительное биение собственного сердца услышал, как она выдохнула его имя. И он захватил ртом всю ее грудь – и это опьяняло сильнее, чем бренди.

Держа ее на руках, он поднялся; ночная рубашка скользнула на пол. Пройдя несколько шагов, он опустил ее на ковер перед камином.

Как и в прошлый раз, он удивился, как спокойно, без смущения смотрит она, как он раздевается. Впервые с тех пор как стал взрослым, он застыдил себя собственного тела. Но когда лег рядом, ее нежные руки, крепко его обнявшие, отодвинули все сомнения, которые его мучили.

Он медленно целовал ее, прижавшись к податливому телу. В камине потрескивали поленья, и под этот аккомпанемент звучали слова любви...

Эрин не знала раньше этого чувства беспомощности, полной покорности, которым сейчас упивалась. Ланс покорила ее тело, ее разум, ее душу – а она и не думала сопротивляться.

Его оружием были руки и губы, и он владел им виртуозно: завоевание совершалось с такой мучительной нежностью!

Он любил ее, как никогда раньше. Преклонив колени у врат ее женственности, он ласкал ее, целовал, умело подводя к вершине наслаждения и удерживая у этой мучительной грани, потом отступал – но лишь затем, чтобы снова и снова подниматься к вершинам страсти – все выше и выше.

Ее руки с упоительным любопытством исследовали его большое тело. Кончиками пальцев она проводила по его мощным мускулам, напрягшимся от сдерживаемой страсти, неторопливо изучая их. От этих ласк его соски напряглись. Когда ее рука опустилась ниже пупка, поросшего шелковистыми золотыми волосами, ее охватило смущение. Все его тело напряглось в предвкушении. Он ждал, почти не дыша. И когда наконец она несмело прикоснулась к нему, он испустил облегченный прерывистый вздох.

– Да, Эрин. Дотронься до меня. Не бойся! Никогда не бойся меня. Никогда! Дотронься... Еще... Еще...

Эти сказанные неверным голосом слова ободрили ее, ей захотелось подарить ему такое же блаженство, какое он дал ей. Пульсирующая мощь, которую ощутили ее пальцы, его участвовавшее дыхание показали, что ее смелость вознаграждена. Взяв ее за руку, он притянул ее к себе, хрипло шепча:

– Ты – волшебная... Со мной никогда такого не было, Эрин... Ты...

Он не закончил. Их слияние было внезапным, сладостным

и абсолютным.

Потом они, не двигаясь, лежали в объятиях друг друга, наслаждаясь полнотой разделенной страсти, и вдруг он поднял голову и заглянул в дремотную глубину ее глаз. – Ты – волшебная...

XI

– Эй, соня!

Эрин прижалась к теплому телу, лежащему рядом, проворчала что-то протестующее и закинула бедро на его волосатую ногу.

– Давай лучше вставать, – проговорил Ланс прямо ей в ухо.

Но его действия шли вразрез со словами: он стал легонько покусывать мочку.

– Нет, – промычала Эрин в подушку, придвигаясь поближе, чтобы потереться грудью о его грудь.

– Ты забыла, что я здесь большой начальник? – Его рука не удержалась от искушения поподробнее изучить эти мягкие подушечки живой плоти, оживавшие под его игривыми пальцами. – Мои подчиненные ждут распоряжений. Я не могу целый день валяться в постели с ненасытными девками!

В ответ она шлепнула его по твердой ягодице.

– Кто это здесь ненасытный? – спросила она, слегка поднимая голову, чтобы укусить его в шею, и подняла колено на дюйм выше его бедер.

Результаты этого маленького исследования ее удовлетворили. Она тотчас получила желаемый ответ. Он опрокинул ее на спину и стал целовать безумно, как человек, умирающий от жажды. Но когда она, увлажнившаяся и податливая,

ослабела в его объятиях, он вдруг оторвался от ее губ и лбом прижался к ее лбу.

– Ты и святого соблазнишь, Эрин О'Ши, но, черт побери, я все-таки должен вставать. Уже почти восемь. – Он спустил ноги с кровати. (Ночью они перешли в спальню для гостей.) И натянул очень сексуальные трусики.

Эрин, с гладкой и влажной после ночи любви кожей, перекатилась к краю кровати, обхватила его руками за талию и примостилась щекой на его плоском животе.

– Ланс, – захныкала она, – неужели тебе действительно нужно так рано вставать?

Ее рука бродила по его телу, глядя крепкие мышцы ног, щекоча кончиками пальцев кожу внутренней стороны бедер. Она тесно прижалась к нему грудью, и ее близость вновь пронзила его, как удар молнии.

– Эрин... – начал он, по дыхание его прервалось, когда он ощутил прикосновение кончика языка к своей коже.

Стараясь как-то скрыть, что теряет контроль над собой, он угрожающе сказал очень суровым голосом:

– Эрин, ты сама напросилась!

Она кивнула:

– Угу. – И стала потихоньку опускать опасно натянувшуюся тонкую ткань его трусиков.

Он постарался подавить улыбку, пробивавшуюся сквозь плотно сжатые губы.

– Ты знаешь мой девиз?

Она покачала головой, щекоча его волосами.

– Нет. Какой?

– Всегда давай людям то, чего они хотят.

Матрац осел под тяжестью его тела, когда он упал на постель и жадно схватил ее в объятия.

* * *

Она дремала, лежа в постели, пока Ланс принимал душ, брился и одевался. Он склонился над ней и поцеловал в щеку.

– Пойду сварю кофе.

Она ответила взглядом, полным любви, кивнула и сказала:

– Я тоже скоро спущусь.

Как только он ушел и дверь за ним закрылась, Эрин потянулась, как довольная кошка, и положила голову на подушку Ланса, вдыхая его запах, который еще хранила наволочка.

Вот это и есть любовь? Неужели так происходит со всеми? Неужели кто-то еще в этом мире испытал эту восхитительную дрожь в жилах, наэлектризованность каждого нерва? Ее сердце едва не останавливалось, не в силах вместить всю любовь к этому человеку.

Эта ночь превзошла ее самые смелые фантазии о том, что это значит: любить мужчину. В их физической близости не было ничего запретного или стыдного. Они любили

друг друга то жадно и страстно, то нежно и лениво, и опять – крещендо, и новый мощный аккорд страсти обрушивался на них.

А между этими приступами экстаза они делились друг с другом своими тайными страхами, мечтами и мыслями. Вспоминали детство, смеялись над забавными эпизодами отроческих лет. Самые обыкновенные вещи казались очень важными. Они хотели все знать друг о друге...

И во всем, что делал Ланс, Эрин чувствовала любовь. Каждый взгляд, каждое прикосновение передавали его чувство, пусть и не выраженное словами.

Она вскочила с постели. Желание снова увидеть его возродило в ней только что растраченную энергию – она чувствовала, что его признание в любви всего лишь вопрос времени. Теперь он не позволит ей уйти из его жизни. Как-нибудь они совместят два разных стиля жизни, свои карьеры. Они придумают как. Должны придумать.

Ланс. Ланс Баррет. Лоуренс Баррет. Она любит это имя. Стоя под душем, она выкрикивала его, стараясь перекричать шум льющейся воды.

Эрин надела черные шерстяные слаксы, а наверх – чувствуя себя как никогда женщиной и стремясь выглядеть женственной – розовую шелковую блузу. Кружевные вставки у ворота позволяли нескромному взгляду разглядеть ее молочно-белую кожу. Закончила она капелькой пряных духов за ушами и у горла – и, повинувшись необъяснимому импульсу,

добавила еще капельку в ложбинку между грудями. Они все еще трепетали от воспоминаний о недавних ласках.

Спустившись вниз, она поздоровалась с Майком, который помогал представителю телефонной компании отключать красный телефон. Он улыбнулся и приветливо ответил. Интересно, знает ли он, где провел ночь Ланс? А если и знает – разве это ее волнует? Нет! Аромат свежесваренного кофе привел ее прямо на кухню. Ланс стоял у стола и намазывал маслом тосты. Она подошла к нему сзади и обняла за талию.

– Доброе утро, мистер Баррет, – пропела она, и ее рука скользнула ему под ремень.

– Доброе утро, мисс О'Ши. Надеюсь, вы хорошо выспались? – Он прижался задом к ее животу.

Она засмеялась.

– Не то чтобы выспалась, но ночь провела приятно; благодарю вас. – И добавила на низкой провоцирующей ноте:

– За все... – Ее рука внутри брюк забралась под полу его рубашки и, ощутив некую теплую пульсацию, не без дерзости прикоснулась к ней пальчиками.

Нож со стуком выпал из его руки.

– Мисс О'Ши, мне кажется, я... ох, Эрин... Мне кажется, я должен предупредить вас, что приставать к агенту федерального правительства при исполнении служебных обязанностей противозаконно. – Голос его дрожал, и дыхание прерывалось.

– В самом деле? – удивилась она.

– Да. – Он глубоко вздохнул. – О черт! – проговорил он сквозь зубы. – Перестань лучше это делать, а то...

– А то что? – поддразнила она.

Он резко повернулся к ней лицом и с такой силой прижал к себе, что она смогла ощутить результат своих шалостей. В его глазах горел огонь желания.

– А то сама знаешь что. – И поцеловал ее всерьез, но быстро. Потом отодвинул от себя и посмотрел с восхищением. – Как ты ухитряешься сохранять ангельский облик, хотя я знаю, что под этим покровом чистоты и невинности бьется сердце законченной распутницы?

Она уперла кулачки в бока, отчего тонкий, почти прозрачный шелк блузы соблазнительно и отчетливо обрисовал ее грудь.

– Какие гадости ты говоришь, – надменно ответила она. – Должна тебе сказать...

– Что?

– Должна тебе сказать, – улыбнулась наконец Эрин, – что ты совершенно прав.

Она потянулась к его губам, но тут раздался громкий звонок в дверь.

– Только звонок уберег вас, мисс О'Ши, от судьбы еще худшей, чем смерть!

– Черт бы его побрал!

– Пойди посмотри, кто там. А то Майк занят, а мне надо разделаться наконец с этими тостами. Почему-то сегодня у

меня замечательный аппетит.

– У тебя замечательный аппетит на многие вещи, – загорщиически подмигнула она.

И он выпроводил ее из кухни, игриво шлепнув по попке.

Открывая входную дверь, она продолжала счастливо улыбаться в пространство. Дверь отворилась, и на пороге возник ее жених.

– Барт! – вскрикнула она.

– Привет, лапочка, – смущенно сказал он. – Я не хотел тебя испугать, я не ожидал, что ты сама откроешь.

Эрин смертельно побледнела, сердце гулко заколотилось у горла. Она совсем забыла о Барте. Начисто забыла после этой ночи. И вот он здесь... Какой ужас!

– Малыш, я знаю, что ты пережила, но я устал. Можно мне войти?

Она не настолько еще пришла в себя, чтобы начать сообщать, но, спохватившись, ответила:

– Да... Да, конечно. Прости. Я... Я просто очень удивилась, увидев тебя.

Осматриваясь, он вошел в холл. Его присутствие обескураживало, ей просто не доставало кислорода. Она хватала воздух ртом, но в легкие он почему-то не проходил.

– Барт, как?.. Почему?..

Она не могла даже составить связной фразы.

– Радость моя, я о тебе немножко беспокоюсь. Почему ты не сообщила мне, что твой брат был замешан в это де-

ло? Черт, я неплохо справляюсь со всякими неприятными проблемами. Может быть, я смог бы помочь. Вчера я узнал обо всем из какой-то хьюстонской газеты, не помню из какой. Развязался с самыми срочными делами, и поздно ночью Джим доставил меня сюда на самолете.

Она понимала, что смерть Кена стала причиной того, что история с исчезновением денег вышла наружу, была подхвачена Национальной службой новостей – такие неординарные события невозможно сохранить в тайне. Разумеется, Барт, который ежедневно просматривал несколько газет, не мог не увидеть этих материалов и не вспомнить имени ее брата. И вот, не теряя времени, он примчался в Сан-Франциско.

– Почему ты не дала мне знать, я ведь мог помочь тебе, лапочка!

– Просто не дала и все, – резко ответила она. Но, встретив его удивленный взгляд, смягчилась. В конце концов он ни в чем не виноват. – Прости, Барт. Я не хотела на тебя огрызаться. Просто последние дни были очень трудными.

– Знаю, малыш. Но теперь я здесь, и тебе ни о чем не нужно беспокоиться. – Он сильной рукой обнял ее за плечи и привлек к себе. Успокаивающе провел по волосам, прижав ее голову к своей груди. – И, конечно, я по тебе очень соскучился. – В его голосе появились хорошо знакомые Эрин нотки.

С трудом поборов в себе первое побуждение – отпрянуть, она не сопротивлялась, когда он пальцами взял ее за подбор-

родок и откинул голову назад. Сейчас не время и не место говорить ему, что между ними все кончено, что она любит другого.

Поначалу его поцелуй был полон отеческой нежности, но чем дольше, тем крепче он становился – это был уже поцелуй собственника. Он заключил ее в объятия и держал, прижимая к своему плотному телу. Не то чтобы Барт был толстым. Но его мускулы не были лепными и крепкими, как сталь. В нем не было стремительной силы и гибкости, присущей... бегунам. Присущей Лансу. Никто не может сравниться с Лансом.

Ланс. Ланс. Она должна рассказать Барту про Ланса. Разве он не чувствует вкус Ланса у нее на губах? И неужели он не понимает – по тому, как безучастны ее губы, – что она хочет, чтобы ее целовал другой?

Она облегченно вздохнула, когда Барт наконец отпустил ее и довольно сказал:

– Я ждал этого целую неделю.

Сзади раздалось покашливание. Эрин оглянулась – это Ланс наполовину высунулся из двери. Но его небрежная поза была обманчива: голубые глаза стеклянно блестели, подбородок он высокомерно выставил вперед – таким он был в первый день, когда они встретились. Челюсти были сжаты, как захлопнувшийся железный капкан.

– Мисс О'Ши, вы не хотите представить меня своему... другу? – проскрипел он.

Она попыталась поймать его взгляд, чтобы попросить понимания и терпения, но он словно бы не заметил. Его глаза были прикованы к Барту.

– М-м... Барт Стэнтон, а это Ланс Баррет из Министерства финансов. Ланс ведет дело Кена.

– Очень приятно, мистер Баррет, – сердечно сказал Барт и шагнул к нему, чтобы пожать руку, со своей обычной размашистостью.

– Стэнтон, – коротко сказал Ланс.

Должно быть, Барт заметил неприязнь, потому что отдернул руку и устремил на Ланса пронизательный, хотя и озадаченный, взгляд.

– В этом деле события приняли неожиданный оборот, не правда ли, мистер Баррет? – спросил Барт, чтобы завязать беседу. – Неужели каждое дело столь же интересно?

– Нет. Это дело особенно... вдохновляет.

Ланс устремил сардонический взгляд на Эрин, которая залилась краской до корней волос. Он специально выбирал слова, дающие простор двусмысленным толкованиям.

Чтобы прекратить это, она вскричала:

– Я бы просила вас обоих не именовать моего брата «делом»! В конце концов, он мертв.

Она закрыла лицо руками, чтобы скрыть, как обидели ее грубые и жестокие слова Ланса. Почему он так себя ведет? Ее сердце, тяжело и страстно бившееся в груди, превращалось в холодный камень.

Барт снова обнял ее.

– Прости, дорогая. Ты права. – Он, успокаивая, погладил ее по плечу. – Я хочу поздороваться с твоей невесткой... Мелани? Правильно?

Эрин растерянно подняла голову.

– Она... Ее нет. Она уехала вчера вечером, сразу после похорон.

– Уехала? Что ты хочешь сказать? Она оставила тебя здесь одну?

Эрин бросила панический взгляд на Ланса.

– Да. – Увидев, что Барт опять хочет что-то сказать, она торопливо заговорила сама:

– Барт, ее родители ужасные люди. Она хотела скрыться от них на некоторое время. Я не обвиняю ее в том, что она уехала.

– Что ж, жаль, я не знал, что ты здесь одна. Тогда бы я приехал сюда сразу, как только мы прилетели.

При мысли о том, что Барт мог прийти, когда они с Лансом, обнаженные, лежали в объятиях друг друга перед камином, у нее подкосились колени. Она ухватилась за край стола.

– Я присматривал за ней, мистер Стэнтон, – лаконично сказал Ланс. – Я бодрствовал большую часть ночи.

Двусмысленность была так очевидна, что, как казалось Эрин, Барт не мог ее не уловить. Она закрыла глаза, полная смертельной обиды.

Однако Барт, свободный от чувства вины, не нашел в этих словах ничего страшного.

– Лапочка, ты выглядишь страшно утомленной. Ты уверена, что с тобой все в порядке?

Она открыла глаза. Над ней участливо склонилось изрезанное складками лицо Барта.

– Да, – слабым голосом сказала она. – Я просто немного устала.

– Если Мелани уехала, тебе нет смысла оставаться здесь, правда? – ласково спросил он.

Она посмотрела на Ланса. Он оставался таким же собранным и равнодушным. Однако она заметила, что его тело напряглось. Она смотрела ему в глаза, ища там хотя бы тень той нежности, что была раньше. Но теперь ее не было. Глаза стали холодны, безразличны и непроницаемы – словно между ними выросла железная стена.

Она не может сейчас уехать! Она должна узнать, что он думает. Прошлая ночь принесла им обоим райское блаженство. Для нее эта ночь перевернула весь мир – ей казалось и для него тоже. Не мог же он так успешно притворяться! Если она уедет сейчас, она так никогда и не узнает...

– Барт, я... – начала она.

– А где твое кольцо?

Барт взял ее за руку и немедленно заметил отсутствие кольца с большим бриллиантом. Эрин молча посмотрела на него, готова ответить. Но ответ пришел не от нее.

– Она сняла его из-за меня.

Эрин и Барт одновременно подняли головы и уставились на Ланса. Он смотрел Эрин прямо в глаза. Неужели он хочет все рассказать Барту? Что ж! Это будет жестоко, но честно. Он хочет открыто заявить о своей любви. В ее сердце вспыхнула благодарность.

Но, внимательно посмотрев на него, она увидела, что его глаза отнюдь не лучатся теплом, лаской и любовью, они холодны... Отчего? От ревности? Он подождал, потом перевел глаза на Барта, и губы его презрительно искривились.

– В первое время, пока мы еще не знали всех обстоятельств, связанных с преступлением мистера Лаймана, я подумал, что будет лучше, если дамы пока не будут носить драгоценностей, особенно столь высокой стоимости. И потребовал, чтобы мисс О'Ши сняла кольцо – для ее же безопасности.

Это была ложь от начала до конца, но Барт счел объяснение убедительным.

– О, я понимаю. Спасибо вам, мистер Баррет. – Он повернулся к Эрин, которая застыла, как соляной столб. – Сколько времени займет у тебя упаковать вещи?

Она опять посмотрела на Ланса, но он уставился на свои до блеска начищенные ботинки. Он явно не собирался рассказывать что-либо Барту. В его намерения входило только лишь наносить ей завуалированные оскорбления и дразнить Барта, а еще – заставить ее почувствовать стыд за то, что она

сделала ради любви к нему. В ее сознании его насмешки над тем, что она предала Барта, перерастали в трубный рев, возвещающий Страшный суд.

Ланс поднял голову и посмотрел на нее. Ее сердце сжалось от боли, когда она встретила его непроницаемый взгляд, красноречиво сказавший ей, что их близость для него не более чем эпизод.

Опустив голову, она пробормотала: «Я недолго» – и на ватных ногах пошла наверх.

Она не помнила, как собирала вещи и приводила в порядок спальню. Как вынула кольцо из шкатулки с драгоценностями и надела на палец. Она не передумала относительно Барта. Она никогда не выйдет за него замуж, просто скажет ему об этом позже. Потом. Не сейчас. Кольцо тянуло ее книзу, словно железный воротник на шее.

Следующий проблеск сознания – она опять стоит у входных дверей, и Барт говорит:

– Я брал такси от аэропорта. Давай поедem в машине, что ты взяла напрокат, а в аэропорту, добравшись до Джима, вернем ее.

– Да, – безжизненно сказала она. Ей было все равно. Даже если бы ей предложили идти до Хьюстона пешком.

– А теперь, лапочка, позволь мне отнести это в машину. – Он захлопотал вокруг вещей, оставив ее в холле с Лансом и Майком.

– До свидания, Майк, – сказала она, вдруг осознав, что не

знает его фамилии.

– Мисс О'Ши, – он склонил голову в вежливом кивке.

Ланс с ленивой грацией шагнул к ней и взял ее руку. Он улыбался одной стороной рта, отчего выражение лица у него было двусмысленное.

– Мисс О'Ши, не могу найти слов, чтобы сказать, какое удовольствие доставило мне... знакомство с вами.

При этом он ощупывал глазами интимные места ее тела, так хорошо знакомые его рукам и губам.

Это оскорбление стало последней каплей. Она вырвала свою руку, бросила на него взгляд, полный поистине змеиной злобы, резко повернулась на каблуках и промаршировала к ожидавшей машине.

Ланс не закрыл за ней дверь, а смотрел вслед белому «мерседесу», пока тот не скрылся за углом. И тогда Ланс прислонился к стене и стал сползать по ней. В его душе был ад. Из этой адской бездны неслышимый крик: «Нет! Господи, нет! Умоляю: нет!! Господи, как мне устоять?!»

Майк взглянул на него в этот момент и увидел на лице шефа отчаяние: зажмуренные глаза, оскаленные зубы. Кулаки сжаты так, что вспухли вены. Но он отнес это на счет появления в дверях родителей Мелани.

* * *

Зажглась лампочка внутренней связи, и тут же зажуужал

зуммер. Сняв трубку, Эрин сказала:

– Да, Бетти?

– Эта девица из Туслы, из «Бутик-4», снова звонит. Уже в четвертый раз на этой неделе. Опять спрашивает, возможно ли организовать шоу «Собираемся в отпуск» с показом коллекции Билла Блэсса.

Эрин сердито наморщила лоб.

– Так скажи ей уже в четвертый раз на этой неделе, что мистер Блэк в Европе и что я не буду с ней разговаривать на эту тему, пока он не вернется. – И тут же пожалела о своей грубости и, сделав глубокий вздох, извинилась:

– Прости, Бетти.

– Нет нужды извиняться. Вы неважно себя чувствуете?

– Какая – то слабость.

– Почему бы вам не полежать немножко?

– Нет. Слишком много дел.

– Ну, хорошо, – сказала Бетти, – Раз уж мы с вами разговариваем о делах, то вот еще. Позвонил Лестер и попросил разрешения взять с собой кое-кого на шоу в Альбукерк. Это поездка с ночевкой, и он сказал, что покончит с собой, если с ним не полетит его любовь.

Лестер был мужчина – модель. Эрин часто приглашала его на свои показы.

– А какого пола эта его любовь?

– Вы же знаете Лестера, – хихикнув ответила Бетти.

– Так скажи ему, пусть покончит с собой. Наши клиенты

в Альбукерке весьма консервативные, простые и очень богатые люди, и нужно это учитывать. Мы не можем рисковать такими клиентами. Таким образом, любовь – неважно какого пола – остается дома.

– Да я уже сказала ему: заряжай пистолет, а спросила у вас только потому, что обещала спросить.

Эрин засмеялась, без слов благодаря Бетти за то, что она внесла немножко легкомыслия в этот грустный день.

– Спасибо, Бетти, ты настоящий друг.

– Конечно, настоящий. А теперь простите – я должна связаться с этой бабой в Тусле. Будет что-нибудь нужно – звоните.

Она положила трубку, и Эрин откинулась в глубоком кожаном кресле. Однако мягкие подушки душили ее – она поднялась, подошла к окну и стала смотреть на панораму Хьюстона, купающуюся в горячих испарениях влажного неба. Ужасный климат, в июле здесь невозможно жить. Жара подавляет, влажность чудовищная, совершенно нечем дышать.

Особенно если ты на шестом месяце беременности.

Эрин бессознательно положила руку на живот, все еще плоский согласно большинству стандартов. Только ей, никогда не имевшей ни грамма лишнего веса, он казался большим. Она могла носить почти всю обычную одежду, но в последнее время стала отдавать предпочтение широким свободным платьям.

В такие дни, как сегодня, она была безразлична ко все-

му, что ее окружает, в том числе и к красоте своего офиса. Здесь преобладали пастельные тона: светло – серый, персиковый, слоновая кость. Изящество и вкус должны были поражать воображение клиентов и задачу эту выполняли успешно.

Как нарочно, сегодня ее платье, соответствовало гамме. Альберт Нипон, создавая его, не имел в виду «платье для будущей мамы», но оно годилось и для этой цели. С одной стороны шла сквозная застежка, лиф заложен складками, которые, расходясь, перетекали в широкую юбку, скрывавшую линию талии.

Она считала, что легко переносит беременность. Почти не испытывала дискомфорта, если не считать постоянного неприятного чувства какой-то переполненности, даже когда голодна. Врач сказал, что причина этому – ее привычная нормальная худоба. Какое-то время она страдала от тошноты по утрам, но крошечные желтые таблетки перед завтраком помогли – все прошло. Теперь она была очень осторожна с лекарствами, которые принимала. Со времен Сан-Франциско...

О чем бы она ни думала, ее мысли всегда к этому возвращались. К Сан-Франциско. К Лансу Баррету. К жестокому, издевательскому выражению его лица, когда они прощались, перед тем как она уехала с Бартом.

Барт. Милый Барт! За что ему все это? Она вспомнила день, когда спокойно и тихо вернула ему обручальное коль-

цо.

– Что это? – глупо спросил он, недоуменно глядя на кольцо.

цо.

– Барт, я не могу выйти за тебя замуж, – просто сказала она.

Он встряхнул своей массивной головой, словно пытаюсь понять.

– Что ты имеешь в виду, Эрин? Почему?

– Потому что я беременна.

Он уставился на нее совершенно непонимающими глазами, словно она говорила на языке, которого он не знал. Наконец, моргнув, закрыл рот – поначалу челюсть у него отвисла – и переспросил:

– Беременна?

– Да.

Его растерянность постепенно уступала пониманию сказанного и, в свою очередь, сменилась гневом.

– Беременна? – Теперь он выкрикнул это слово, как обвинение. – Как?! От кого?! – И не успела она открыть рот, чтобы начать объяснения, он закричал опять:

– Отвечай же, черт тебя подери!

Она спокойно встретила его обвиняющий взгляд. Только руки, напряженно стиснутые на коленях, выдавали ее страх перед этим медведем, гнев которого она разбудила.

– Это не имеет значения, Барт. Это будет мой ребенок. И больше ничей.

– Не надо делать из меня дурака, ты, сучка! В одиночку ребенка не сделаешь. Даже такой тупой старый хрен, каким ты меня считаешь, и то это знает. – Он схватил ее за руки и больно сжал их. – Кто это мужик, потому что, видит Бог, я точно знаю, что это не я! И не потому, что я не хотел!

– Барт, прошу тебя, – взмолилась она. – Мне больно!

Он посмотрел на побелевшие костяшки своих пальцев – так сильно он сжал ее тонкие руки.

– Извини, – пробормотал он, тотчас отпустив ее, и поднялся с дивана.

Несколько раз измерив шагами се гостиную, он остановился перед ней и сказал:

– Это Баррет, да?

Она удивленно подняла на него глаза. Откуда он знает? Что ж, лгать бесполезно.

– Да, – спокойно ответила она.

– Черт, – выругался он, сильно ударяя своим мясистым кулаком по ладони. – Я убью этого ублюдка! Он тебя изнасиловал? Если он нанес тебе...

Она твердо покачала головой.

– Нет. Никто меня не насиловал.

Ее спокойствие несколько остудило его пыл. Уже гораздо тише он спросил – прочувственно, с надеждой:

– Он соблазнил тебя, лапочка? И ты не могла сопротивляться? Правда, радость моя?

По ее лицу уже струились слезы, но, взглянув на него, она

честно сказала:

– Нет, Барт. Я прекрасно знала, что я делаю.

Его мощные плечи поникли, он засунул руки в карманы и смог сказать только:

– Понятно.

Несколько томительно долгих минут они молчали. Эрин тихо плакала.

– И что, этот сукин сын не хочет жениться? Гнусный подонок! Эрин, скажи только слово, и я заставлю мистера Баррета побеспокоиться на этот счет. Я знаю, кому позвонить. Ему покажут...

Эрии прыгнула с кушетки, схватила его за плечи и стала бешено трясти. Ее лицо было мокро от слез.

– Нет! – крикнула она. – Нет! Не смей трогать его! Обещай, что не причинишь ему зла! Боже мой!

Барт ласково обнял ее и успокаивающе погладил по спине, а она, ослабев, приникла к нему.

– Ч-шш. Радость моя, успокойся. Я ничего не стану предпринимать, если ты не хочешь. – Со страхом в голосе он спросил:

– С тобой все в порядке?

Барт Стэнтон, гроза высших эшелонов власти, не боялся никого и ничего. Но плачущая женщина повергла его в совершенно беспомощное состояние.

– Да, – кивнула она, освобождаясь от его объятий, и, подняв омытые слезами глаза, сказала:

– Барт, он ничего не знает. Обещай, что ты не скажешь и ничего ему не сделаешь.

Он посмотрел на нее тем пытливым, все – понимающим взглядом, который составил ему репутацию, и медленно сказал:

– Что же это получается? Ты любишь его, да?

– Да, – без колебаний или смущения ответила она.

Он подошел к окну и посмотрел на затененный деревьями газон. Стояла ранняя весна. Все вокруг пышно зеленело, цвело, распускалось. Он с трудом высказал мысль, мучившую его:

– Я знаю твои религиозные убеждения и все такое, но, может быть, приняв в расчет все обстоятельства, ты сделаешь... мм... операцию?

Она улыбнулась той неловкости, с какой он произнес это слово, и покачала головой:

– Нет, Барт. И не только из-за моей веры. Просто я ни за что этого не сделаю.

– И ни за что не отдашь ребенка в приют. – Это был не вопрос, а утверждение. Барт заранее знал ответ.

– Ты действительно считаешь, зная мое прошлое, что я могу хотя бы подумать об этом? – мягко упрекнула она. – Нет, Барт. Я сама воспитаю своего ребенка.

Он стремительно подошел к ней и торопливо заговорил, словно мысли его обгоняли слова:

– Радость моя, выходи за меня замуж. Ну и что, что будет

ребенок. Я тут наговорил лишнего... Я не имел этого в виду, я просто со зла. Милая, я так давно люблю тебя. Клянусь, ребенок для меня не имеет значения. Черт, все равно все будут думать, что он мой.

– Но мы-то не будем так думать, правда? – тихо сказала она. – Я не хочу жить во лжи, Барт. И не хочу заставлять лгать тебя.

– Я люблю тебя. Как бы там ни было.

Она вздохнула и запустила пальцы в его густые темные волосы.

– Я знаю. И все же мой ответ – нет.

Она отказала ему и стоит на своем! Барт не стал ее уговаривать, как в первый раз, – он лелеял надежду, что она скоро передумает.

Но она не передумала. Она опять любовно тронула свой живот, но тут зажужжал зуммер внутренней связи, пробудив ее от воспоминаний, этого сна наяву.

– Да, Бетти? – откликнулась она, нажимая кнопку.

– Эрин, к вам пришли. Вы сейчас свободны?

– Да. А кто там?

– Некий мистер Ланс Баррет.

XII

Сердце ее бешено застучало и остановилось. Стало нечем дышать. Она прикрыла глаза, борясь с волной головокружения, которая едва не опрокинула ее на мягкий ковер. Внешний мир словно бы соскользнул с оси и стал крениться. Наконец равновесие восстановилось: она сумела ухватиться за край стола и осторожно опустилась в кресло.

– Эрин, вы меня слышите? – донесся голос Бетти.

– А... Да.

Что же делать? Ланс здесь. Прямо за дверью. Сейчас она увидит его. Но как это вынести?

Чего он хочет? Что, если он догадается о ее положении? Как с ним говорить? Вопросы возникали один за другим, а ответов не было. Ну что ж, надо выкинуть их из головы и действовать по обстоятельствам.

– Пусть войдет, Бетти, – проговорила она спокойно. Однако ее интонации отнюдь не передавали ее чувств.

Она поправила прическу, облизала губы, разгладила платье на пополневшей груди. Он ничего не должен заметить! Но он ведь так проницателен. Натренирован па то, чтобы все видеть.

И вот он появился в двойных дубовых дверях.

Она ошиблась, думая, что ее память приукрашивает его физические достоинства. Он был еще красивее и мужествен-

нее, чем ей запомнилось. Прическа стала чуть небрежнее, волосы чуть длиннее и светлее – выгорели под летним солнцем. Голубые глаза остались столь же яркими, выгоревшие брови резко выделялись на загорелом лице. Милые белые лучики расходились от уголков глаз – их она не помнила, но, возможно, их сделал заметными загар. Раздвоенный подбородок по-прежнему придавал ему высокомерный вид. Когда он улыбнулся, вокруг сурового рта пролегли морщины, которых не было тогда, в феврале.

Но больше всего изменилась его манера одеваться. Тогда, в феврале, она высмеивала его темные костюмы, белые рубашки и темные галстуки. Он защищался, говоря, что государственные служащие не должны привлекать к себе внимания яркими спортивными куртками и кричащими рубашками.

Теперь на нем была скромная, но элегантная светло-желтая рубашка. А вот покрой темно-коричневого пиджака был явно европейский. Бежевые брюки сидели так хорошо, что, без сомнения, были сшиты на заказ. Галстука не было: воротник рубашки был расстегнут, позволяя разглядеть золотистые завитки волос, покрывавшие его грудь.

Ее решимость держаться с приветливой отчужденностью испарилась, как только эта мужественная мощь ворвалась в утонченные женские владения. Она почувствовала себя жертвой.

– Здравствуй, Эрин, – сказал он.

Полагалось бы встать навстречу ему, пожать руку, но она боялась покинуть свое убежище за столом. Если она поднимется, он сможет обнаружить ее беременность.

– Здравствуй, Ланс, – доброжелательно отозвалась она. Губы ее дрожали, но она старалась быть сердечной – как со старым другом. – Проходи, садись. Вот так сюрприз! – Она показала на кресло у стола.

Он тоже вел себя сдержанно. Пересек комнату, окидывая ее офис цепким взглядом пронизательных глаз, от которых ничто не могло укрыться.

Она останется верна мудрому решению не выходить из-за стола!

– Здесь очень красиво, Эрин, – сказал он, обводя рукой стены. – Я в восхищении.

Он улыбнулся ей, усаживаясь в кресло, и ее сердце отозвалось сумасшедшей пляской. Ослепительно-белые зубы на загорелом лице. Он был не правдоподобно хорош!

– Спасибо. Сейчас у нас не сезон. Летом в нашем деле затишь. Пока не начнется подготовка к рождественским показам, мы живем спокойно.

К тому времени у нее будет уже очень большой срок. Сможет ли она работать в таком темпе?

– Наверное, нужно было сначала позвонить, а не являться вот так, но я подумал, что лучше уж сразу увидеться.

Он дословно повторил фразу, с которой она вошла в дом Лайманов, и посмотрел на нее: помнит ли? Да, помнит. Они

улыбнулись друг другу.

– И ты прав. Я рада, что ты пришел, – повторила она его тогдашний ответ.

Ланс расстегнул пиджак, и Эрин заметила:

– Ты изменился.

– В чем же?

– Манера одеваться. Она теперь не такая... строгая, как раньше.

Он уловил ее мгновенную запинку, и на его губах появилась столь памятная ей сардоническая улыбка.

– Ты хотела сказать «не такая скучная», не правда ли?

Она рассмеялась и согласилась:

– Ну да, не такая скучная. Неужели государство раскошело-лось на новую форму?

Он пожал плечами и, внимательно наблюдая за ее реакцией, ответил:

– Не знаю. Я там больше не работаю.

– Как? – растерялась она. В ошеломленных глазах застыл немой вопрос.

– Ушел в отставку. Должен тебе сказать, сегодня я здесь со своей последней официальной миссией. Хочу заняться собственным делом.

– Ланс... – Она с трудом подбирала слова. – Не знаю, что и сказать. Это хорошо или плохо? Ты сам этого захотел? Ты счастлив? На той работе ты был что надо!

– Спасибо, – улыбнулся он. – Мне пригодится получен-

ный там опыт для моей нынешней работы. Один мой друг несколько лет назад тоже ушел в отставку и учредил собственную фирму. Он разъезжает по банкам, компаниям и так далее и проводит семинары по предупреждению и обнаружению внутренней, «беловоротничковой», преступности. Он обучает владельцев, как вести себя, обнаружив хищение, как поймать преступника за руку, и всяким таким вещам. – Он закинул ногу за ногу. – Словом, пару месяцев назад он позвонил мне. Его дело настолько расширилось, что он не в силах один управиться со всеми клиентами, и предложил мне работать вместе. Тогда ему понадобилось, чтобы я подтвердил экспертизой некоторые его данные. – Он опустил ногу на пол и подался вперед, подчеркивая важность своих слов. – Эрин, я был потрясен тем, насколько доходно это дело. Корпорации охотно платят огромные суммы, чтобы в итоге сохранить себе значительно больше. Мы делаем полезное дело и зарабатываем хорошие деньги.

Его энтузиазм был заразителен, и Эрин порадовалась его успеху. Он был раскован и уверен в себе, как никогда раньше.

– Честно говоря, – сказал он, – я разочаровался в прежней работе после... Сан-Франциско. – На последних двух словах его голос дрогнул, и он бросил на нее острый взгляд из – под золотистых бровей.

Хотя прошло уже пять месяцев, при любом упоминании о Кене в горле Эрин по-прежнему вставал комок. Его смерть

накануне их встречи осталась незаживающей раной в ее душе.

– Кажется, я могу это понять, – прошептала она.

– А что слышно о миссис Лайман?

Лицо Эрин тотчас просветлело.

– Мелани перебралась в Орегон, нашла себе работу. Она флорист – как раз для нее. Часто пишет мне. Дом в Сан-Франциско она продала и очень довольна – и работой, и своей маленькой квартиркой. А на прошлой неделе она позволила, и я уверена – скоро она будет счастлива. – Эрин таинственно улыбнулась.

– Почему? – спросил он с забавной гримасой. Но ему было действительно интересно.

– Ну, там случился некий мистер Алан Картер, владелец питомника, где флористы покупают растения. Он «приятный, прекрасный человек на исходе третьего десятка».

Они дружно рассмеялись над характеристикой Мелани.

– Он вдовец, его жена внезапно трагически погибла полтора года назад, и он остался один с двухлетним сыном.

– Ага! – сказал Ланс.

– И вот Мелани звонила мне на прошлой неделе, чтобы спросить моего мнения, не слишком ли рано после смерти Кена принять приглашение мистера Картера отобедать с ним. «Конечно, это вовсе не свидание. Просто два одиноких человека вместе пообедают, и его маленький сынишка, такой прелестный, тоже будет». Кажется, это точная цитата.

– Потрясающая дама. Я от души желаю ей счастья, – серьезно сказал Ланс.

– Думаю, для счастья ей не хватает только мистера Картера или кого-нибудь вроде. Слава Богу, что она не осталась в Сан-Франциско с родителями.

– Аминь.

И вновь – напряженное молчание. Они избегали смотреть друг на друга, их настороженность не уменьшилась. Каждый зорко исподволь фиксировал каждый жест, каждый вздох, каждое изменение интонации другого. В комнате сгущалось напряжение.

Он сказал, что приехал с последней официальной миссией. Отчасти от смущения, отчасти для того, чтобы прервать неловкое молчание, Эрин спросила:

– Так зачем ты приехал? Это как-то связано с Кеном? Ты сказал, что по службе...

– Да. У меня кое-что для тебя есть. – Он поднялся и полез в карман пиджака. – Давай пересядем сюда. – И он пошел к дивану у распахнутого окна, явно ожидая, что она последует за ним.

Значит, она должна встать и тем самым беспощадно предоставить себя на его обозрение. Отказ привлечет еще больше внимания, а этого надо избегать. Почти не дыша, чтобы как можно сильнее втянуть живот, она поднялась и на нетвердых ногах прошла к дивану, с ужасом думая, что он вот-вот заметит ее состояние. Она села, и вслед за ней он

тоже устроился на противоположном конце дивана.

– Эрин, я уже давно ношу это с собой. Перед тем как продать дом, миссис Лайман разбирала бумаги и послала мне в Вашингтон все, что, по ее мнению, должно было пополнить мой отчет. – Помолчав, он заглянул ей в глаза. – Наверное, это она не послала бы намеренно, скорее всего, просто не знала, что это тоже было среди других бумаг и документов. Наверное, я должен был вернуть ей это, но я знаю, что ты захочешь это иметь, и, думаю, она бы согласилась с моим решением.

Ее любопытство перешло границы. Если он хотел раскалить ее интерес, то достиг своей цели. Он протянул ей конверт. С трудом оторвав взгляд от его лица, она занялась конвертом.

Открыв его, она нащупала плотный листок бумаги и вытащила. Это была черно-белая фотография, пожелтевшая от времени. Сердце ее учащенно забилось, в ушах зашумело, в горле пересохло.

Судя по одежде людей на фотографии, этот снимок был сделан около тридцати лет назад. Молодая женщина сидела на каменной скамье, по-видимому, где-то в городском парке. К ее коленям застенчиво прижался маленький мальчик, едва научившийся ходить. На руках она держала младенца. Широко открытые темные глаза глядели вверх кружевного чепчика на детской головке.

Женщина смотрела прямо в объектив, но не улыбалась,

словно бы совсем не замечая фотографа. Казалось, ее мысли далеко. Ее грустные глаза были очень похожи на глаза детей. В тонких чертах лица ощущалась болезненная хрупкость, словно жить ей осталось недолго. Это проявлялось во всем – в том, как нежно положила руку на плечо мальчика. Казалось, она воплощает собой совершенное отчаяние. Она словно примирилась с неизбежным.

Эрин разглядывала фотографию, и ее глаза застилали слезы. Текли минуты, а она все всматривалась в каждую деталь снимка, стараясь проникнуть взором за глянцевую поверхность, в другое измерение, в мысли этой женщины. Ланс не мешал ей. Он не двигался. Он почти не дышал.

Наконец она подняла глаза. Боже, как она прекрасна, подумал он. Даже сейчас, с залитым слезами лицом, она была красивее всех женщин, каких он когда-либо встречал. Он волновался еще сильнее, чем ожидал, входя в дверь ее офиса. Когда они виделись в последний раз, ее глаза метали молнии. Любой разумный мужчина спасся бы от них, убрался куда подальше и остался бы в прекрасном одиночестве.

Но только не он. Не Ланс Баррет. Нет. Он должен был увидеть ее еще раз. Он должен убедить себя, что все случившееся в Сан-Франциско было просто игрой воображения. Такие романы обречены на быстротечность. Они слишком пылки, чтобы длиться долго. Это было как песня. Он только посмотрит на нее – и потом навсегда изгонит ее образ из своего сердца, избавится от навязчивых мыслей о ней.

Но он знал, что это вряд ли получится. Что-то случилось в том феврале, его словно подменили. Он полюбил.

Он убеждал себя, что слишком стар, чтобы, как последний дурак, терять голову из-за женщины. Но почему-то начал кричать на подчиненных за малейшую провинность, давая волю постоянному раздражению, которое кипело в нем. Один из них даже поплатился сломанной челюстью за совет полечиться ядерной бабой от нервного расстройства. Он не мог спать. Не мог есть. Родные и друзья стали относиться к нему с жалостью и легким презрением. Но никто не презирал его сильнее, чем он презирал себя.

Эрин послала его к чертям. Что ж, там он и оказался. Жизнь стала для него адом. Единственный проблеск райского блаженства за последние пять месяцев – ее лицо, когда он вошел сюда.

Проклятье! Теперь ему стало еще хуже. Его сотрясала внутренняя дрожь – от того, что она была рядом, от того, что он хотел признаться ей в любви, но не смел.

Она пахла изысканными духами. Ее лицо светилось изнутри. Ее полуоткрытые губы были влажны. Он смотрел на ее маленький розовый язычок, прятавшийся за безупречно белыми зубами. Боже, как он хотел прильнуть к ее рту, впиться в него, попробовать на вкус...

Она подняла затуманенный слезами взор. Ему пришлось собрать всю свою волю, чтобы не схватить ее в объятия – и не отпускать уже никогда. Она изменилась – и в то же вре-

мя осталась непередаваемо родной. Она любила его, как никакая другая женщина. Она так абсолютно ему подходила... Она – Эрин О'Ши. Его Эрин.

Но что-то в ней изменилось...

– Там подпись на обороте, – подсказал он. Перевернув фотографию, Эрин прочла:

– «Мать Кена, Мэри Маргарет Конвей, и его сестра. Умерла через две недели после того, как был сделан этот снимок. Когда мы брали Кена, малышку уже удочерили. Благослови их Бог!»

Далее шла дата и подпись: М.Р.Л.

– Это инициалы приемной матери Кена. Вероятно, она получила эту фотографию при усыновлении. Я нашел ее в пачке, подписанной рукой Кена: «Мамины бумаги». Вероятно, он не трогал их после ее смерти.

– Значит, он знал обо мне?

– Думаю, да.

Из ее глаз вновь потекли слезы.

– Ланс, это моя мама, – прошептала она, поглаживая пальцами лицо на фотографии. – Мэри Маргарет Конвей. Теперь я знаю ее имя.

– И она любила тебя. Должно быть, она знала, что умирает, и поэтому отдала тебя в приют, чтобы быть спокойной: о тебе есть кому позаботиться.

– А мой отец? – Эрин вопросительно взглянула на него. Он грустно покачал головой:

– Не знаю, Эрин. Но теперь у тебя есть имя. С этого можно начать поиски.

Она вздохнула, и в этом вздохе не было печали. Ее охватило чувство покоя и благополучия.

– Не знаю... Может быть, со временем. А пока мне достаточно и этого. Более чем достаточно. – Она задохнулась от волнения, перехватившего горло. – Не знаю, как благодарить тебя.

Медленно подняв взгляд, она увидела в его голубых глазах подозрительный блеск.

– Это самое малое, что я мог для тебя сделать, Эрин. Я чувствовал себя в ответе за твою потерю. И когда нашел этот снимок, решил принести его тебе. Не думаю, что миссис Лайман стала бы возражать.

Незаметно для себя они придвинулись друг к другу. В каждом из них бушевала буря чувств. Его запах – запах чистого мужского тела – дурманил ей голову. Его крепкое сильное тело обещало ей утешение – ей, которой так нужна поддержка, ей, которую обуревают неразрешимые, казалось бы, проблемы, ей, чье сердце было разбито пять месяцев тому назад...

– Эрин, – хрипло выдохнул он. – Эрин... Дверь распахнулась, и в комнату ворвался Барт.

– Радость моя, ты в порядке? – Он бросил быстрый взгляд на Эрин, затем обратился к Лансу, который вскочил с дивана и угрожающе уставился на него. – Какого дьявола вы здесь

делаете?

– Черт побери, это вас не касается, – с ледяным спокойствием ответил Ланс.

– Ах, не касается?! – взорвался Барт. – Я должен пресечь эту ерунду!

– Попробуй, – охотно принял вызов Ланс. Эрин продолжала сидеть на диване: слишком глупо было встать и кидаться разнимать их.

– Пожалуйста, прекратите! Вы оба!

– Он тебя огорчил, радость моя? Ты плакала? – Барт согнул крупное тело, опустился на корточки перед диваном и накрыл холодные руки Эрин своими ладонями.

– Нет, он... – начала Эрин.

– Я приехал к Эрин по частному делу, которое вас, Стэн-тон, отнюдь не касается, – прорычал Ланс.

– Все, что имеет отношение к ней, касается и меня тоже, – заявил Барт, выпрямляясь во весь рост.

– Но не то, о чем мы разговаривали.

Эрин хорошо знала эти нотки в голосе Ланса. Он был в ярости, и холодный отрывистый голос царапал слух, как осколки стекла. И глаза его леденели, останавливаясь на Барте.

Барт был не из пугливых, но, почувствовав достойного противника, слегка отступил.

– Оставим это на ее усмотрение. – Он перевел глаза на Эрин. – Милая, ты хочешь еще что-то сказать мистеру Бар-

реть?

От нее не ускользнул тайный смысл этого вопроса. Она поняла, что на самом деле он спрашивает, не хочет ли она рассказать Лансу об их ребенке. Господи, как же ей быть?

Она хотела рассказать ему. Хотела вместо этого пугающего взгляда увидеть в его глазах свет счастья и любви.

Но стоит ли рисковать? Что, если вместо света счастья и любви она прочтет в его взгляде подозрение? Что, если он подумает: а почему она не предохранялась? Сможет ли она вынести разговоры об ответственности и не почувствовать себя виноватой? И сочтет ли он себя обязанным сделать «все, что полагается» в таких случаях?

«Никогда не бойся меня, Эрин. Никогда...»

Нет, она не станет расставлять ему ловушку, объявляя о своей беременности. Она очень хочет его – по только не так! С начала истории человечества женщины пользуются этим способом, чтобы заполучить мужчину. Это их самое сильное оружие. Их козырная карта.

Она любит Ланса. Это факт, которого нельзя отрицать. Но он никогда не говорил, что любит ее. В минуты самой пылкой страсти в Сан-Франциско он и слова не сказал о любви.

«Скорее, скорее... Я жду...»

Ее влечение к нему было чисто физическим. На самом деле этого вполне достаточно. Но Эрин, которая всегда мечтала о прочной семье, построенной на фундаменте взаимной любви, этого казалось мало.

«Я не понимаю, что со мной творится...»

Она смотрела на него, поддаваясь магической силе его глаз, которые словно проникали ей в душу, воспламеняя сердце. Она смотрела на него пристально и долго, сознавая, что, может быть, видит его в последний раз... В последний раз, на всю оставшуюся жизнь.

«У тебя есть две очень женские черты, Эрин О'Ши...»

Наконец, она закрыла глаза и покачала головой.

– Нет. Мне нечего больше сказать.

В комнате повисло тяжелое молчание. Стало так тихо, что можно было слышать шум машин далеко внизу, па улицах Хьюстона. Преодолевая боль в сердце, она закрыла глаза – и услышала, как Ланс повернулся на каблуках и вышел. Резкий звук захлопнутой двери был словно выстрел, оборвавший ее жизнь.

Она замерла на диване, не двигаясь. Она не шевелилась так долго, что Барт всерьез забеспокоился. Сначала он пытался привести ее в чувство своей неуклюжей нежностью. Это не помогло. Наконец, его беспокойство перешло в гнев, и он скомандовал:

– Ну-ка, Эрин! Я совсем не хочу, чтобы ты потеряла ребенка, так что встряхнись!

Не столько смысл слов, сколько звук заставил Эрин очнуться и вытереть слезы.

– Так-то лучше, – проворчал Барт.

– Ты назвал меня по имени, Барт.

– А разве не всегда я тебя так называю?

Она улыбнулась, ласково коснувшись его щеки.

– Нет...

Он поднялся и отошел на несколько шагов.

– Радость моя, мне очень трудно это сказать, но я скажу.

Ты должна рассказать Баррету о ребенке. Мне кажется, он сейчас смотрел на тебя... ну... ты понимаешь... Словно он любит тебя. Давай я его догоню.

– Нет, Барт. Я не буду ему говорить.

– Дорогая, он имеет право знать. Ведь это и его ребенок, понимаешь? – медленно, негромко произнес он.

Она вздохнула. Она уже задумывалась об этом.

– Да, конечно. Он должен об этом узнать, но не сейчас. Может быть, когда ребенок родится... Мой адвокат... Или еще как-нибудь...

– Знай, я по-прежнему хочу на тебе жениться. – Барт откашлялся. – Ты еще не передумала? Я люблю тебя. – Невыразимая грусть заволокла его темные глаза.

– Я тоже люблю тебя, Барт. Ты мой самый дорогой друг, – искренне ответила она.

– Да, я понимаю, – печально улыбнулся он и через минуту спросил:

– Вызвать врача, чтобы он выписал успокоительное? Честно говоря, выглядишь ты паршиво.

Она рассмеялась.

– Ну, на этот раз я именно так себя и чувствую. – Но, уви-

дев, что Барт нахмурился, она сказала:

– Нет, не нужно успокоительного. Просто день был сумасшедший. Сейчас поеду домой и лягу.

– Отвезти тебя?

– Не нужно. Все будет в порядке.

На пути к двери Барт спросил:

– А зачем приходил Баррет?

Пальцы Эрин ощупали конверт с фотографией. Все, что осталось у нее от мамы и брата. И в то же время единственная вещь, которую дал ей Ланс. Пока ей не хотелось ни с кем этим делиться.

– Надо было закончить одно дело, связанное с Кеном, – туманно ответила она.

* * *

Когда Эрин добралась до дома, она была совершенно без сил от боли в сердце, переживаний и жары. Петунии в горшках почти завяли.

Если она не потеряет сознания, непременно польет их, хотя сегодня вряд ли хватит сил на это. Она включила кондиционер – одно из многих ее нововведений в этом доме. С трудом добралась до своей спальни и запустила вентилятор под потолком.

Эрин переделалась в просторный сарафан с узкими бретельками. Бледно-голубая полупрозрачная ткань окутала ее

подобно облаку. Не в силах дольше терпеть тесноты, она сняла бандаж-пantalоны и натянула маленькие трусики, избавившись и от остального белья.

Думать о еде было противно. Она спустилась в кухню и налила себе холодного чая со льдом, добавив немного лимонного сока. Войдя в гостиную, как всегда, задержалась, чтобы полюбоваться ею. Она любила эту комнату. Темно – бежевые стены, белые деревянные панели и ставни. Диван и легкие кресла тоже белые, но их оживляют яркие подушки – синие, зеленые, оранжевые. Как обычно, ее взгляд остановился на белом камине. Всего каминов в доме было три.

В ту ночь Ланс зажег огонь в забытом камине. О чем он думал? Может быть, о ней? Может быть, он хотел, чтобы она сошла вниз?

Прекрати!

Она опустилась в кресло, поставив ноги на скамеечку. В руках она держала фотографию, привезенную Лансом, и, прихлебывая чай, разглядывала лица своей семьи. Завтра нужно купить золотую рамочку. Какую лучше – викторианскую, изукрашенную, или совсем простую, чтобы не отвлекала от самой фотографии?

Впервые в жизни она чувствовала себя так, словно получила наследство. У нее есть родственники. Теперь можно успокоиться.

Если бы сердце не болело из-за мужчины... Зазвенел дверной звонок, и она вздрогнула. Должно быть, посыл-

ный. Нетвердо ступая, она поднялась с кресла и направилась к двери. На пороге между вазами с красной геранью стоял Ланс.

Она отпрянула – его лицо было свирепым.

– Раздевайся.

Не веря своим ушам, она ошеломленно смотрела на него.

– Что...

– Я говорю – раздевайся! – Он втиснулся в дверь. – Или я сам тебя раздену!

Заперев дверь, она повернулась к нему. Он говорил голосом, не допускающим возражений. Не приходилось сомневаться, что он осуществит свою угрозу.

Что ж, она не станет в страхе прятаться за дверью. Она решительно вздернула подбородок:

– Но сначала тебе придется меня убить.

– Не искушай меня, – пробормотал он. – А то я и впрямь сверну твою очаровательную шейку.

– И чем же я это заслужила? – Ее сердце бешено колотилось. Неужели он понял? Наверняка понял. От него ничего невозможно скрыть.

Он прищурился, глядя на нее. Голубой блеск между густыми щеточками золотистых ресниц.

– Я сразу не сообразил что, но понял, что-то в тебе изменилось. И почти уже вошел в самолет, когда вдруг меня осенило. – Его лицо утратило выражение каменного безразличия, и перемена едва ли была столь же разительной, если бы

он внезапно снял маску. – Эрин...

Он не договорил, вместо этого шагнул к ней и раскрыл объятия. Она инстинктивно прикрыла руками живот. Он властно отодвинул ее руки и обхватил ее талию своими ладонями.

Он помнил ее живот почти совершенно плоским и мягким. Теперь он стал выпуклым и тугим. Не отрывая рук, он наклонился к ней, тяжело вздохнул и с болью во взгляде спросил:

– Стэнтон?

Она попыталась улыбнуться, но губы дрожали.

– Нет, Ланс.

Глазами он задал самый главный вопрос, и ее взгляд ответил так же безмолвно. Она на секунду опустила ресницы.

Медленно, осторожно он поднял ее на руки и так держал, чувствуя, как они становятся единым существом.

– Господи, Эрин, почему ты ничего не сказала мне? Ты хотела родить моего ребенка в тайне от меня? Но почему?

Она еще не слышала, чтобы Ланс говорил так виновато. Каждая черточка его красивого мужественного лица выражала смятение. Вовсе он не был непробиваемым. Мужчина как мужчина.

Она крепче прижалась к нему.

– Думаешь, я не хотела? Но как? Об этом ни в письме не напишешь, ни по телефону не скажешь. Я думала, что больше никогда тебя не увижу. И решила как-нибудь сообщить

после рождения ребенка, а до этого, мне казалось, не представится случая.

– Случая? – переспросил он, ставя ее на пол, но продолжая обнимать за плечи. – Какого случая?

Она отвела взгляд от его сурово вопрошающих глаз.

– Ланс, откуда я знала, как ты отнесешься к... ребенку. А вдруг бы ты захотел, чтобы я... Он понял, чего она не договорила.

– А ты не могла это сделать, – утвердительно сказал он.

– Нет! – воскликнула она, – Почему?

Она нервно облизнула губы.

– По... потому что мои религиозные убеждения этого не допускают.

– Только поэтому? Других причин нет?

– Есть. Причина во мне. Я никогда бы не смогла пойти на это.

– Но что-нибудь еще удерживало тебя от того, чтобы уничтожить моего ребенка?

Его напрягшиеся плечи выдавали важность этого вопроса для него.

– Нет, – ответила она. Но он ей не поверил.

– Да, Эрин. Скажи!

– Нет.

– Скажи мне, черт побери! – наконец закричал он.

– Я люблю тебя! – крикнула она в ответ.

Они стояли, глядя друг на друга и тяжело дыша, а стены

пустого дома многократно повторяли эхо этих слов.

Потом она припала к нему. Одной рукой он, словно стальным обручем, обхватил ее спину, а другую погрузил в короткие темные локоны, прижав ее голову к груди и легко целуя ее волосы.

– Эрин, Эрин, ты не знаешь, какого черта мы мучили друг друга? Подумать только, ты была одна все это время, когда я как никогда должен был быть с тобой! И я хотел быть с тобой! Господи, как я хочу быть с тобой, ребенок там или не ребенок!

Она обхватила его за талию и прижалась к нему так, словно хотела слиться с ним воедино.

– Что ты сказал, Ланс?

– Когда ты уехала из Сан-Франциско, я думал, что умру от желания. От любви к тебе. – Он наклонился и пылко поцеловал ее в шею. – Но мне казалось, что я должен отпустить тебя. Ты не сказала Стэнтону о нас, хотя могла бы. Я думал, что ты хочешь вернуться к Стэнтону и забыть обо мне.

– О, Ланс! Ты был таким жестоким и насмешливым, таким чужим! Я подумала, что я для тебя просто забава, и ты рад, что Барт тебя от меня избавил.

Он обнял ее крепче, чтобы показать, как она ошибается.

– Жестоким... Моя жестокость – просто защитная реакция. Я все время боролся со своей любовью и страшно боялся, что ты поймешь, что я в тебя влюбился. Мне казалось, вы со Стэн – тоном потешаетесь надо мной.

Он касался губами ее обнаженных плеч. Она вытянула край его рубашки из-под брючного ремня и запустила руки под рубашку, глядя твердые мускулы его спины.

– Помнишь Хиггинса? Мы видели его в Хьюстоне в первый день, когда с тобой встретились. Я велел ему не упускать тебя из виду. Я знал, что ты не вышла замуж за Стэнтон.

– Тогда почему же ты по приехал раньше?

– Знаю, ты, наверное, не поймешь, но я не мог приехать, пока мне нечего было тебе предложить.

Он отпустил ее и сел на диван, сжав руки между коленями.

– Ты ведь достигла гораздо большего и была тогда гораздо богаче меня. Я любил тебя еще и за это. Я совсем не такой шовинист, каким ты меня представляешь, Эрин. – Он усмехнулся, потом опять стал серьезным. – Но я не мог сделать предложение, пока у меня не было даже дома, в который я мог бы тебя привести, а только казенная квартира. У меня действительно не было будущего, мне нечего было тебе предлагать. Я не мог приехать, пока не устроил свою жизнь и не начал зарабатывать приличные деньги.

Она села рядом и обхватила его широкие плечи.

– Но для меня все это совершенно не имеет значения. И никогда не имело значения. Я же тебе говорила.

– Зато для меня – дьявольски важно. – Он обнял ее и глубоко вздохнул. – Выходи за меня замуж, Эрин. Я не так богат, как Стэнтон, но я...

Она прижала палец к его губам.

– Ты сказал мне то, чего я хотела больше всего на свете. –
Взяв его руку, она положила ее на свой живот и блаженно заулыбалась. – Долгие годы после смерти Джозефа я что-то искала. Много работала, думала, что профессиональный успех – моя стезя. Но я ошибалась. Я стала разыскивать Кена и, слава Богу, познакомилась с Мелани. Спасибо тебе, теперь я знаю ответ на мучившие меня вопросы о женщине, давшей мне жизнь. Я теперь знаю, почему я оказалась в приюте. Но, Ланс, – ее голос дрогнул от обуревавших ее чувств, – я не знала, что я ищу, пока не встретила тебя.

Он крепко поцеловал ее, наслаждаясь вкусом ее губ, которого так и не смог забыть. Она приоткрыла рот и страстно ответила на его поцелуй.

Когда они оторвались друг от друга, он сказал:

– Я присматривал дома у себя в Джорджтауне, но твой мне нравится больше всех. – При этом он глядел отнюдь не на убранство ее дома, а на ее грудь, теребя бретельки сарафана.

– Так может быть... – Она попыталась сдержать внезапно прорвавшееся волнение. – Я хочу сказать, твой бизнес позволит нам остаться здесь?

– Все, что мне нужно, – телефон и аэропорт поблизости. – Он улыбнулся. – Когда переезжать?

Она знала, что для него это будет трудно – и профессионально, и психологически. Он приносил эту жертву ей. И за это она любила его еще больше. Отвечая на его вопрос, она

сказала:

– Как только ты дашь мне свое честное имя.

Они опять упоенно поцеловались. Его рука проникла под легкую ткань платья и коснулась се бедра.

– Отвезешь меня в Шривпорт, чтобы познакомиться с моей мамой? – Она подняла глаза и пояснила:

– Дело в том, что она ничего не знает ни о тебе, ни о ребенке. Я не стала ей говорить, пока не пришла к окончательному решению, не нашла убедительных объяснений.

– Так вот что я такое для тебя? Окончательное решение? И всего-то? – Он притворялся обиженным, но на самом деле улыбался, поигрывая пальцами с кружевом ее трусиков.

– Когда мы скажем маме, тебе придется тотчас жениться.

– Я не трус.

И он снова приник к ее губам.

– Моя работа поначалу будет связана с разъездами – пока я не найду для этого новых людей.

– Я буду ездить с тобой, – радостно откликнулась она.

– Нет. Ты будешь сидеть дома и заниматься ребенком.

– И ребенок будет разъезжать с нами. Я не такая жена, которая может обменять мужа на ребенка. Я всегда буду с тобой.

Он стал смеяться, а она делала вид, что сердится, и старательно хмурила брови.

– Что в этом смешного?

– Ты. Не знаю, почему я льщу себя надеждой, что ты ста-

нешь мне послушной и покорной женой. Ведь ты всегда на меня огрызалась!

Она обиженно отодвинулась.

– Вовсе нет!

– Вот и сейчас!

– Вот сейчас я покажу тебе непокорность, мистер Баррет! – крикнула она и вскочила с дивана. Не успел он раскрыть рот, как она взбежала наверх по ступенькам, и он услышал, как хлопнула дверь.

– Эта женщина – моя смерть, – пробормотал он, хватаясь за голову. Он остановился перед ступеньками, глядя вверх. Вдруг он широко улыбнулся. – Так пусть я умру счастливым! – И он сбросил рубашку.

Наверху все двери были распахнуты, кроме одной. Ему понадобилось не больше минуты, чтобы довершить то, что начал внизу. И он возник в дверном проеме – как дикарь, во всеоружии своей наготы.

Эрин, ожидавшая его в постели, затряслась от смеха. Они думали об одном. На ней были только трусики.

Он самодовольно улыбнулся и ринулся к ней. Матрац закрипел, когда он стал на колени, склонившись над ней.

– Тебе действительно смешно? – спросил он.

С проказливой улыбкой она призывно к нему прикоснулась.

– А как ты думаешь? – рассмеялась она.

Он дерзко подцепил ее трусики и стащил их, попутно гла-

дя ее стройные ноги. Он хотел продолжить эту забавную любовную игру, но, посмотрев на раскинувшееся перед ним тело, расцветшее от надвигающегося материнства, просто не смог.

Он мог только смотреть на нее и хрипло повторять:

– Как ты прекрасна, Боже, как ты прекрасна!

Он всем телом прижался к ней, и они в который уже раз изумились абсолютному гармоническому соответствию своих тел, которые подходили друг другу всеми выпуклостями и впадинками, как фрагменты головоломки.

– Как может быть такой мягкой человеческая кожа? – бормотал он, обцеловывая ее. Его губы путешествовали от ее губ к шее и обратно – к ее жаждущему рту, и их губы и языки боролись в любовной игре, пока могли, а потом наступало торжество всепоглощающего поцелуя.

Наконец, переводя дух, Ланс слегка отодвинулся, чтобы получше ее разглядеть. Ее грудь слегка пополнела, и он ласково и нежно, едва касаясь, дотронулся до нее.

– Не больно? – заботливо спросил он. В ответ она погладила его по носу.

– Не очень.

– Я боюсь сделать тебе больно.

– Наоборот. Ты можешь облегчить мои страдания... – шептала она, приподнимая свои груди руками и предоставляя их ему. Его губы инстинктивно потянулись к ее призывно трепещущей плоти. Влажным языком он тронул ее неж-

ные соски. Она выгнулась, он гладил ее тело, чтобы утолить сжигавший его огонь, но этого ей было мало. Он скользнул вниз, туда, где угнездился его ребенок, и благоговейно целовал ее живот. Перебирая пальцами его выгоревшие волосы, Эрин незаметно прижимала его голову все теснее и теснее. И нежность сменилась страстью.

– Ланс, – выдохнула она, когда его губы наконец добрались до таинственного треугольника, за которым скрывалось самое желанное сокровище.

Он упивался ею.

– Эрин, Эрин... – шептал он, лаская ее гладкую кожу. – Сладкая моя, мое безумие...

Его имя стоном сорвалось с ее губ.

– Ланс, скорее!

Он приподнялся над нею и раздвинул ее шелковистые бедра.

– Эрин, скажи...

Она не дала ему договорить, припав к его губам страстным поцелуем. Ее руки, жадно обвившие его бедра, сказали, что осторожность сейчас неуместна. И он принял этот щедрый дар, подняв ее на руки в знак полного обладания.

Они устали. Их ноги переплелись, животы слиплись, она лежала на нем. Приподнявшись на локте, она погладила волосы, которыми поросла его грудь.

– Ланс, вот еще седой волос!

Он усмехнулся.

– Удивительно, что с тех пор, как я встретил тебя, я не поседел целиком.

Она прижалась лицом к этим не целиком поседевшим волосам и поцеловала их. Он отрешенно гладил ее волосы.

– Эрин, а что ты чувствовала, когда узнала, что беременна? Расстроилась? Или обрадовалась?

Она подняла голову, и ее лицо осветилось любовью.

– Ланс, я испугалась. Это было ни на что не похожее чувство, и я... я... не могу его объяснить. Сказать «чудесное» – это слишком слабо. А еще – удивление. Заметив первые симптомы, я никак не могла понять, что же со мной не так. Ланс рассмеялся.

– Мисс О'Ши, разве вы не знали, что от того, чем мы так увлеченно занимались, получают дети?

За этот недостойный вопрос он был наказан поцелуем в ухо.

– Конечно, я знала, что могут быть дети! Но чтобы мы... Ну, мне просто не приходило в голову. – И, преодолев смущение, все-таки добавила:

– Когда мы любили друг друга, я ни о чем не могла думать, кроме тебя.

Взяв в ладони ее лицо, он заглянул в ее цвета эбенового дерева глаза.

– Эрин, ты любишь меня?

– Я же тебе сказала.

– Скажи еще раз, – настойчиво проговорил он.

Они улыбнулись, одновременно вспомнив, как он задавал ей вопросы в маленьком кабинетике в доме Лайманов. И, как и тогда, она отвечала ему честно:

– Я люблю тебя, Ланс.

Он потянулся поцеловать ее, но вдруг ощутил непонятное шевеление у живота. Эрин не двигалась. Что это?

Его голубые глаза удивленно расширились – кажется, он понял.

– Это?..

Эрин улыбнулась и поцеловала его.

– Да, милый. Он так же стремится к своему отцу, как и я.